

А. Боянкини

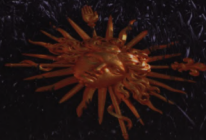

ЗАВТРА БУДЕТ СОЛНЦЕ

А. Боянкини

ЗАВТРА
БУДЕТ
СОЛНЦЕ

Лука Бьянкини — один из самых известных европейских писателей. Его произведения пользуются огромной популярностью как у себя на родине — в Италии, так и в других странах мира. Первый роман Л. Бьянкини «Хочу смотреть тебя каждую ночь», вышедший в издательстве «Мир книги», был принят на «ура» всеми любителями блеска, страсти и глянца.

В свои двадцать семь Леон красив и чертовски богат: дорогие машины, наркотики, тусовки на Ибице... Но все это теряет смысл, когда его бросает самая красивая девушка Италии. Жизнь померкла, и никакой надежды на счастье — впервые в жизни он не может получить того, что хочет. Однако судьбе угодно дать ему еще один шанс...

ISBN 978-5-486-02615-7

Л. Боянкини

ЗАВТРА
БУДЕТ
СОЛНЦЕ

УДК 821.131.1

Luca Bianchini

ББК 84(4Ита) **SE DOMANI FARÀ BEL TEMPO**

Б96

Бьянкини, Лука.

Б96 Завтра будет солнце /Пер. с итал. В.Е. Казьмина. —
М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008. — 256 с.

Леон — достойный представитель золотой миланской молодежи, которого уже давно ничем не удивишь. Благодаря богатеньким родителям он может не задумываться о материальной стороне своей разгульной жизни. Но неожиданно Леона бросает подружка. Впервые в жизни он не может получить то, что хочет. Леон бросает все и уезжает на ферму, принадлежавшую деду. Судьба дает ему шанс начать новую жизнь. Но сумеет ли он им воспользоваться?

ББК 84(4Ита)

© Luca Bianchini 2007

© Казьмин В.Е., перевод, 2007

© ООО ТД «Издательство Мир книги»,
издание на русском языке, 2008

ISBN 978-5-486-02615-7

И что же сказала она? Всего лишь,
что завтрашний день будет ясным.

Это было похоже на правду.

Вирджиния Вульф «Поездка к маяку»

1

«Если уж тебе суждено умереть, то пусть это произойдет, когда ты будешь за рулем “кадиллака-эльдорато”».

Моя мать повторяет мне это каждый день. Жаль, конечно, что у нас никогда не было «кадиллака». В нашей семье мы расфигачили пока что только «мерседесы», лучшие, разумеется, да пару «порше», да одну «ламборджини-дьябло» плюс «астон-мартин», а также мою «маджолино» (эту так целых три раза). Ой, забыл еще «панду» — автомобиль для прислуги. Я ее угонял потихоньку, когда у меня еще не было водительских прав. Моя мать всегда хотела, чтобы прислуга пользовалась каким-нибудь прикольным автомобилем, поэтому и завела в хозяйстве «пандочку» — а что? — пусть повеселятся.

Как вы уже поняли, наша семейка ценит скорость, красивые автомобили и утонченные манеры. Вот мама, глава семьи: целый очерк можно посвятить жесту, которым она отвергает за столом предложение выпить. Впрочем, этого жеста от нее практически не дожждаться. А тот изысканный шарм, с которым мама касается салфеткой губ перед тем, как сделать глоточек совершенного «Шевалье-Монтраше»? Безупречно. Невыносимо. Такова мама, сколько я ее помню.

Никогда я на нее так не злился, как в то утро, когда она распахнула дверь в мою комнату и наткнулась на меня, красавца, — с сигаретой в зубах и с глазами снулой рыбы. Я был тогда совершенно разбит, уничтожен, а она задала один-единственный, душераздирающий вопрос:

— Ну что, у тебя опять отобрали права?

Ответ она уже знала. В глубине души мама, конечно, понимала, что вопрос был из разряда идиотских, но в тот момент она была во власти иных приоритетов: сегодня дверь открытых дверей в школе, где училась Мария Лорена, моя сестрица, сводная, блин, сестра. Семь с половиной годков, картавит, как и я, яркий мобильник, запретная страсть к блистательным феям «Винкс»*, очевидная непригодность к классическому балету и склонность к разговорам о деньгах, вся в своего жмота-папашу. Хотя, говоря по правде, я всегда любил Лолу, я даже обещал ей, что непременно приду на ее выпускной вечер в International School. Она и ее одноклассники смастерили своими ручонками кучу всяких финтифлюшек, которые теперь должны быть выставлены на аукцион перед родителями. Благотворительная акция, понимаете ли, весь доход от которой пойдет на строительство школы в Африке.

Июньский день был пасмурный, в небе над Миланом лениво пихали друг дружку в бок унылые тучи, в точности пародируя городские пробки. У меня было единственное, но великое желание: чтобы меня сбила машина, едва я выйду из дому, да пусть бы и «кадиллак-эльдорадо». О да, это была бы достойная, грандиозная смерть! А моя матушка посмотрит из окна, как меня обводят мелком, а потом поплачет-поплачет слегка да и задумается: какую шляпку надеть на похороны? И что потом написать на благодарственных открытках? И какой некролог поместить в газетах, чтобы, значит, думали: «Не цветы, но добрые дела для фонда Рокфеллера»? Да, сколько проблем с моей смертью будет у такой матушки, как моя.

Анита ушла от меня сегодня утром. Через три года два месяца семь дней и сколько-то там часов — шесть, по-моему. И по всему выходило, что назад она уже не вернется. Я это понял по тому, как она закрыла дверь: без минутных колебаний, без истерик, без дрожи в коленях. Сухой стук, и адью: все, что было — забудь.

Накануне вечером она обнаружила в ванной комнате камешек**. И немедленно пришла в ярость. Разгневанная и разоча-

* Героини мультсериала о школе для фей «Винкс».

** Здесь: одна из форм выпуска кокаина.

рованная одновременно, как это часто бывает, когда ссоры повторяются. Когда раздоры следуют одни за одним, они развиваются по одному сценарию, с паузами и провалами в определенных местах — так вот, она стала настаивать на том, чтобы я не трогал этот камешек, пусть так и лежит в ванной, хотя бы денек. А я не послушал. Ну, просто мне это было не по силам.

Наутро, после бессонной для нас двоих ночи, она приняла душ, еще раз все взвесила и, собираясь идти вносить свои нескончаемые Пистолетто* в каталоги «Сотби», вдруг заявила:

— Мы ведь совсем разные, Леон.

Я был слишком подавлен, чтобы сразу въехать, и, прежде чем серьезно ответить, у меня вырвалось «да-пошла-ты-со-своими-картинами», вот что я ляпнул, не придавая, в общем-то, какого-либо смысла этой фразе. У меня голова раскалывалась, я Аниту почти не слушал, так что воспринял последнее «прости» без слез. Только потом, пару часов спустя, когда прокрутил сцену перед глазами, до меня дошло, что Анита больше не вернется. В голове в этот момент звучала Angie «Роллинг Стоунз». И тут в комнату вламывается маман с этим своим гребаным днем открытых дверей в Лолиной школе.

— На школьном аукционе обещал быть и Пьерандреа, поэтому давай, собирайся, скоро за нами заедет Амедео. Так что, если у тебя отобрали права, это не страшно.

— ...

— И рубашку не забудь.

Двадцать семь лет. В течение двадцати семи лет слышать «и-рубашку-не-забудь» — и не знать, что ответить. Я глянул в зеркало и попытался прийти в себя. Правила, правила прежде всего. Правила передаются из поколения в поколение, правила меня угнетают. Правила дают мне возможность до сегодняшнего дня не работать. Жить — вот моя работа. И эта работа мне не особо нравится. Особенно в это июньское утро — проклятое утро, проклятый июнь, чтоб Господь поразил тебя молнией и превратил в дождливый ноябрь и чтобы ока-

* Микеланджело Пистолетто — современный итальянский художник. Делает «зеркальные картины», в которых отражаются не только зрители, но и натуралистические скульптуры, сделанные самим художником.

заться где-нибудь подальше, скажем, в Ирландии — я на все был согласен, только чтобы не видеть свою мать на школьном аукционе. Можете ли вы придумать более тяжкое наказание для обормота, от которого только что ушла самая красивая девушка Милана? Ну, разумеется, если только не застрять в лифте с пресс-атташе Ватикана. Ладно, рубашку я надел. Такая модная сорочка от Сагасепі с моими чудными инициалами, прихотливо вытканными на кармашке: ЛСД. Леонардо Сала Дуньяни. Для друзей просто Леон (ударение на «о», на французский манер).

Мальчик, заблудившийся в себе самом, вот кто я. Хотя и не без некоторой сексуальной привлекательности. Так что, хоть и не пристало хвастаться, но что правда, то правда, на вид я вовсе не страшен: у меня светлые глаза, чуть изогнутый нос, волосы темные и короткие — я их сам стригу, практически, под горшок. Когда я улыбаюсь, на щеках появляются ямочки. Весь такой тонкий, звонкий, да еще три татуировки. Был бы я девушкой, сам бы не устоял перед такой красотой. А если бы еще и сумел постичь тайный смысл одной восточной татуировки, моей самой любимой, — отдался бы немедленно. Это какие-то иероглифы, очень красивые. Я многие годы думал, что они означают «долгая счастливая жизнь». Правда, недавно один китаец раскрыл мне истину: иероглифы на самом деле означают «облачко дракона за три тысячи лир».

До сих пор не могу врубиться.

2

Я дошел до конца улицы Боргонуово, но ни одна машина так меня и не сбила. Даже одного-единственного лимузина, из тех, что время от времени величаво подъезжают к центральному офису Agmani, туда, чуть дальше, через пару-тройку подъездов — и то не появилось. Глухо. Такое впечатление, что именно сегодня нарисовалась глобальная пробка, и все вдруг в один момент пооставляли свои колымаги и отправились дальше по де-

лам пешком — из уважения к планете. За исключением, естественно, Амедео — приятеля моей матери. Этот тип не заслуживает ни грамма моего внимания, но одно хочу сказать: если он появился для того, чтобы разрушить мамину жизнь — он с ней не учтив, он никогда не приглашает ее на ужин в ресторан, а на день рождения вообще подарил ей пазл — в этом целиком вина моего брата Пьерандреа. Мы его зовем просто Пьер. И именно он вдохновитель их столь благородных взаимоотношений. Получил недавно диплом юриста в Лондоне да вдобавок степень бакалавра. Маман расстаралась, мобилизовала свои связи, в частности первого (если верить хронологии) своего жениха Беллази, и пристроила Пьерандреа в Милане. О, Амедео Беллази был наиболее востребованным среди всех городских архитекторов, преподавал в университете, а кроме того, имел еще и студию в Париже.

Я понимаю, что никакой логики в действиях мамы не было. Если, конечно, не принимать во внимание ее собственную логику — логику привлекательной, богатой и авантюрной женщины. Хитрый Амедео и в мамину постель сумел забраться, и Пьера устроил (всего-то пара звонков) в центральный офис адвокатской конторы де Мендриса, прославившейся защитой персонажей грандиозного коррупционного скандала, который пресса в свое время окрестила Взяткоградом.

Не правда ли, я изъясняюсь прямо как в восьмидесятые годы? Я и есть воплощение восьмидесятых, и никто в Милане мне в этом не соперник. Да, я большой отпрыск этих «чистых» лет, и я утверждаю это, не хвастаясь и не оправдываясь. Мое существование — лишь констатация этого в чистом виде.

Ладно, вернемся к моему брату, к его карьере молодого безупречного адвоката и к моему отчиму, который прежде всего заботится о себе, а уж потом — опять о себе. Единственный, кто не дергается — это я, несчастный метеор в ночном небе.

Вот так я и оказался в автомобиле этого дяденьки, наполненного только салом и самим собой, не умеющим даже машину толком водить. «Мерседес» ему нужен только, чтобы задницу массировать, а так водитель он никакой, ибо водителем надо родиться, а на дороге сразу видно, кто знает, как вести себя за рулем, а кто — просто законченный кретин.

Матушка моя сегодня была в версии *daily chic*, будто направлялась в салон для покупки «Пинтуриккьо», а вовсе не в школу, на аукцион глиняных божьих коровок.

Голова моя болела, сердце плакало, а сам я был в неясной прострации, какой-то такой — весь мяконецкий, разобранный. Это из-за того, что накануне вечером раскумарился по полной. Остатки дури — в одну харю. Возможно, инициалы, вышитые на кармане моей рубашки, должны всем свидетельствовать о моей респектабельности. Но как прикажете казаться респектабельным, если на рубашке недвусмысленно вышито вензелями ЛСД, а мы едем в новое здание *International School*, и там нас ждут, и наготове британский акцент, неизбежно присутствующий в самых пафосных школах Милана.

Что касается меня, то и начальная, и средняя школа оставили после себя гадкое впечатление. Слишком много правил, на мой взгляд, да вдобавок правил со всяческими *please*. Однако для моей сестры Лолы — девочки с довольно средними умственными способностями — это было лучшее учебное заведение в городе. Это чувствовалось, когда она показывала мне, Пьеру, моей матери и своему отцу чистенькие и безупречные библиотеку и спортзал: видимо, Лола посещала его редко, поскольку сама была пухлой (мы в семье ее называли — *tabeuf*, пышкой), интернет-класс и неременный *theatre*, в котором приличные семейства демонстрировали свое благородство отпрыскам. Изделия были разложены на огромной стеклянной столешнице. Тут же вертелся неременный «представитель СМИ», снимавший аукцион для школьного ежегодника.

Вовсе не потому, что ее слепила моя сестра, но все равно — ее божья коровка показалась мне самым отвратительным предметом из всех выставленных на этом школьном аукционе. Она и вправду была ужасна: даже старательно наложенная красная краска не спасала ситуацию. Да как же можно дорасти до семи с половиной лет, картавить и не уметь лепить из глины приличных божьих коровок?! Мне вдруг подумалось: как по-английски «глиняная божья коровка»? Надо будет поинтересоваться у отличницы.

Тем не менее это чудовищное изделие было выставлено на торги с первоначальной ценой — слушайте, слушайте — тысяча

двести пятьдесят евро. Более того, моя мать вовсе не оказалась последней поднявшей руку — за творение Лолы билась Клэр де Сильва — старинная мамина приятельница по лицу, а по совместительству мама Эльзы, Лолиной соседки по парте, близкой (а куда деньшья?) ее подружки. Де Сильва — это женщина, которая способна двинуть на Манхэттен, чтобы ей там впрыснули коллаген в кожу стопы, благодаря чему она сможет носить туфельки от Джимми Чу. Ну и каков результат? Чем старше становилась, тем больше походила на шлюху.

Бог мой, какой постыдный спектакль, и я в нем, блин, участвую. О, я аплодирую каждый раз, когда кто-нибудь побеждает в торгах, и таким образом еще один кирпич ложится в стену новой африканской школы. Хотя по-настоящему мои мозги не реагируют, глаза не видят. Я глупо и фальшиво улыбаюсь, как, впрочем, и окружающие, но ведь это школьное мероприятие, посвященное окончанию учебного года, и, скажите на милость, кто хоть раз в жизни такое не проходил? Братец мой Пьер тоже хорош, загипсован в летний костюм, туфли, по обыкновению, растоптаны, волосы не стрижены, не ухожены, полны перхоти.

— Увидишь Аниту сегодня вечером?

Что за дурацкий вопрос? Спроси меня, как у нее дела, где она, устраивает ли она вечеринку, но не спрашивай, увижу ли я ее сегодня вечером, братец мой милый, ты, что, сука, не видишь, какой у меня фейс?

— А в чем дело?

— Я слышал, как вы ругались вчера... Я так и не понял, из-за чего она так разгневалась в ванной, Ламенто тоже орал. Ты, может, чего-то не то и не там оставил?

— Да камешек. Камешек я там забыл.

— Ты оставил кокаин в ванной? Ты рехнулся? А если бы мама вошла?

— Мама в мою ванную никогда не заходит. Слишком далеко от ее комнаты... И потом, как она говорит, ей не нравится мыть руки, когда на нее смотрит Человек-Паук. Да, блин, я просто-напросто забыл это дело на столике. А Анита меня попросила, чтобы я кокс оставил там, где лежит, и что она бы хотела увидеть его завтра нетронутым на том же самом месте.

— Вот сука... Ну ты все это сразу же и выдул, так?

— Да нет, я где-то с часик держался... Потом, когда услышал, как ты уходишь, решил провести вечер в одиночестве. Купил бутылку рома, съездил на Корсо-Венеция, кино посмотрел, в общем развеялся.

— Ну, хоть кокс-то был качественный?

— Чудный. Дука — это всегда стопроцентная гарантия. Хотя после бутылки «Гаваны» меня к утру укатало в зеленое дерьмо. Как мне теперь вернуть Аниту?

— Беда в том, что это девушка из разряда «на равных» да и подобные сцены закатывает уже не в первый раз.

Уж насколько мы были с моим братом разными людьми, все равно — в отношении кокаина мы оба питали схожую, беззаветную любовь. А еще мы абсолютно одинаково классифицировали девушек. Для нас мир женщин был устроен достаточно примитивно, и девушек мы делили на три категории: девушки «быть», девушки «иметь» и девушки «на равных».

Для каждой категории у нас были разработаны специальные техники съема, независимо от того, хотели ли мы зацепить девушку всего лишь на ночь или на всю жизнь.

Девушки «быть» наиболее крученые. Тают от комплиментов, обожают, когда с ними сюсюкают, и тащатся, когда на их вопрос «о чем ты думаешь?» — ты отвечаешь «о твоих духах». Девушек этого типа я вожу в рестораны типа «Амур» на улице Сольферино, где к каждому блюду подают еще и билетики со стихами Эмили Дикинсон, и там их романтически «ужинаю» при свечах. Эти девочки раскалываются на втором свидании, когда в конце вечера получают офигительное SMS: «Ночь. ЛСД». Все, победа, от этого «улетает» каждая.

Девочек «иметь» скленть словами не удастся никогда. Впрочем, на них прекрасно действует Катьер. Ни в коем случае на первом свидании — иначе они начинают чувствовать себя шлюхами и мучаются от угрызений совести. На вопрос «о чем ты думаешь?» — следует отвечать «я представил тебя в красном платье... от Валентино». Для верности этих девочек водишь в «Нобу», потом даришь набор косметики Диор, без упаковки. И потом делаешь телку в этот же самый вечер, затащив на уединенную террасу. Метод срабатывает даже в зимнее время.

И, наконец, третья категория — девушки «на равных». Они, как правило, из нашего круга, нашего социального уровня. Я знаю, знаю, это мерзкое выражение — моя мать таких слов не выносит совершенно, наряду с прочими гнусными словечками — такими, как «пролетарий», «целлюлит» и «распродажа». Увы, это реальность, и я заколебался испытывать чувство вины из-за кучи денег, которую накопила моя семья за несколько поколений. Ну и что прикажете нам теперь делать? И с какой стати нам эти деньги кому-то дарить? А главное — почему мы должны переживать, если уж так получилось, что мы богаты, а?

Ладно, эту тему в нескольких строках не исчерпать, тем более я собирался рассказать о категории девиц «на равных» и о методике их завоевания. Несомненно, эти девушки самые «сложные», потому что ты должен чем-нибудь их поразить. Таким образом «Нобу» явно недостаточно, ты их должен затащить в какой-нибудь «Буддакан» аж в Нью-Йорке, и я постоянно изворачиваюсь, чтобы нафантазировать что-нибудь этакое.

Лучше всего у меня получается с девицами, которые изображают из себя коммунисток: теми, что испытывают чувство вины, родившись в семьях миллионеров, теми, что используют малейшее цунами, чтобы немедленно организовать благотворительный вечер. Такие никогда не ходят за покупками на улицу Спига, однако летать предпочитают непременно первым классом. Этих девиц я вожу на площадь Капуцинов, где за двадцать евро угощаю их нюрнбергскими колбасками, кислой капустой и сидром. За ужином я их успокаиваю относительно отсутствия у меня материальных проблем, и к концу вечера мой язык проникает им в рот, поскольку иного они и не ожидают.

Анита тоже считалась девушкой «на равных», правда, с остальными ни в какое сравнение не шла, настолько была неординарной. Никогда не понимал, что такого она во мне нашла, просто встречался с нею, не задумываясь о причинах высочайшей привилегии.

Я должен был найти решение проблемы, и тут же мой братец, как и большинство отпрысков приличных семей, пытавшийся играть заметную социальную роль, вскочил по стойке смирно и одарил меня жемчужинами бытовой мудрости.

— Я бы подарил ей туфельки. Ты ей туфли уже покупал?

— Нет.

— Вот и чудесно! Отправь ей домой пару от Маноло Бланик, и завтра она тебе позвонит, вот увидишь. Перед туфельками на каблуках устелется любая, верь мне.

— Умница, Пьер.

Неожиданно на моем лице вновь заиграла улыбка, а бедняжка Лола приняла это на свой счет — типа знак восхищения ее безобразной божьей коровкой, и всем ее классом, таким фальшиво политкорректным.

Маман тем временем успела-таки отчекрыжить полторы тысячи евро за какую-то непонятную акварельку в абстрактном стиле и теперь ерзала в нетерпении, а Амедео ворчал, что, мол, и благотворительность должна иметь какие-то границы. Под предлогом важной деловой встречи я смылся, предоставив их своим важным дискуссиям.

3

Я приехал на проспект Комо, дом 10, как раз вовремя, до закрытия, и приобрел самые фешенебельные туфельки, которые Анита могла бы пожелать: Маноло Бланик, 37 размер, каблук, 10 530 евро. Я спрашивал, есть ли что-нибудь подороже, но из всех туфелек этого размера выбранная пара была, несомненно, самая крутая.

Я рассматривал эти туфельки, обнюхивал их со всех сторон, будто юный фетишист. Я самолично привез их на улицу Каппуччио, а потом долго писал записку прямо на капоте своего «маджолино» в надежде, что Анита узрит из своего окошка, как я в обожании простираюсь у ее ног.

Кто заставил променять ее Лондон на Милан? Я, блин, это был я. После получения диплома в католическом университете она проходила годовую практику в Великобритании, в штаб-квартире аукциона «Сотби», куда ее пристроил отец. Так она проработала полгода на Нью-Бонд-стрит, а потом я начал насе-

дать, чтобы она вернулась, так что она в конце концов перевелась в филиал на улицу Бродджи. Анита выполняла работу, на мой взгляд, скучнейшую — впрочем, не веселее моей жизни — оценивала картины, которые должны были выставляться на аукцион: фиксировала размеры, определяла состояние, писала экспертное заключение, которое потом помещалось в каталоге. Каждый раз, приходя к нам домой, она рассматривала эскизы Фонтана, как если бы должна была составить официальный релиз. Н-да. Как же она могла оставить меня из-за кокса?

Возможно, я недооценил серьезность ситуации, как и в большинстве случаев. Как-то раз мой друг Джанмария спалил меня в постели со своей девушкой. Нас колбасило от экстази и кокса, и мы там больше кувыркались, нежели действительно занимались сексом, тем более что когда я раскумарюсь, мне это дело вообще по фигу. Так вот, едва Джанмария нас увидел, так помчался в ванную и там проблевался на славу, а с тех пор вовсе перестал со мной разговаривать. В конце-то концов, у меня был день рождения, мне исполнилось двадцать два года, и я имел право оттянуться круче остальных. Более того, я сослужил другу добрую службу, открыв ему глаза на то, что его телка была всего лишь жадной давалкой, типичной девочкой категории «иметь», готовой растопыриться в любом месте, где пахло деньгами.

Что касается Аниты, то мои бесчисленные хождения по другим девицам ее как-то не цепляли. Она делала вид, что ничего не произошло, когда я грохнулся у всех на виду во время Бала Розы. Она совершенно спокойно перенесла мою придурь во время празднования еврейской пасхи у нее дома. Анита весьма привязана к своей религии, и я, в знак любви и духовной близости, испросил у нее позволения присутствовать на семейном ужине, в компании многочисленных бабушек, дедушек, троюродных теток и прочих удивительных предков. Мне казалось, что это будет весьма полезно для меня, а кроме того, учтивым поступком в отношении семьи, которая относилась ко мне крайне предвзято, особенно ее сестра Джиневра. Вся семья Аниты традиционно собирается в пасхальный вечер за столом в большой столовой — они называют ее «зал Уорхолла» — и читают по очереди эту священную еврейскую книгу, забыл, как она называется, не то Ко-

шер, не то Каббала. В общем, в этом семейном чтении должен был принять участие и я. Бабушка Аниты решила, что Писание они будут читать на иврите, и этот ход стал для меня роковым. Может, из-за двух порций водки, которые я с трудом заглотил, может, из-за бурной вечеринки накануне, но, когда до меня дошла очередь читать, я спал, упершись башкой в стол. О, мне трудно передать мое смущение, и смущение окружающих! Меня лишь участливо спросили:

«Ой, Леонардо, сколько же ты выпил?»

Мне пришлось прошерстить весь свой репертуар, на манер Гарибальди, чтобы пробить несокрушимые оборонительные рубежи Аниты. Вот какая это была девушка, Анита. Девушка, которая продолжала почему-то любить меня беззаветно, даже когда я заслуживал плевков и пощечин.

Я не умею любить. Я суечусь, ору, обманываюсь сам и обманываю других, как обычно, бестолково и непоследовательно. Я — дикарь с дипломом Боккони.

Вот о чем я размышлял, паля сигарету за сигаретой. Потом я перечитал письмо, прислонившись к машине, а «Стоунз» пели *She's my little rock and roll*.

Я знаю, что я не сказочный принц, но много ли ты знаешь сказочных принцев, кроме того самого, голубого? Идеальных людей не существует, есть только добрые намерения. Иногда мне кажется, что решения принимаю вовсе не я сам, а мною движет некое смутное предопределение. Ты единственная, способная понять это, ты единственная, способная осветить мой путь, когда разум мне изменяет и мир населяется призраками. Я знаю, ты уже давала мне тысячу шансов, но когда любишь, пределов не существует, так ведь? Разве это не твои слова? Эти туфельки для тебя. Извини, хрустальных башмачков не было... Ты так спешила убежать сегодня утром, ты потеряла сразу оба... и помни, что даже если башмачки окажутся тебе не в пору, ты по-прежнему останешься моей Анитой. Не могу гарантировать, что больше никогда никакого кокса под твоими каблучками не обнаружится, но знай, это дело, возможно, единственное, что примиряет меня с миром. Примерь туфельки — и позвони мне. Делай со мной, что хочешь, только

не исчезай. We are One, but we are not the Same. Разве не эту песенку ты столько раз напевала?

Я люблю тебя, как никто больше тебя не будет любить.

Леон

Я нарисовал Человека-Паука, оплетающего сердце паутиной. Рисунок получился, прямо скажу, дерьмовый, но по крайней мере гасил излишнюю приторность письма. Я был чертовски неуверен, все ли я делаю правильно. Как я обычно поступаю в подобных случаях? Названиваю ей на мобильник, нажираюсь, заваливаю бесполезными SMSками, караулю ее у конторы «Сотби», посылаю сотню роз. Чересчур предсказуемо, разумеется, но каждый раз во мне пробуждается ужасное беспокойство, потому что я не умею ждать. Ожидание меня просто убивает.

Пока я убеждал сам себя, что написанные мною слова возымеют чудесный эффект, внутренний голос подсказывал мне, что на этот раз я катастрофически пролетаю. Кокс, ганжубас, кайф, пицца, Антонелла — как хочешь это дело называй, но мой генератор счастья удалял меня от Аниты все дальше и дальше. В начале нашего знакомства я как-то уговорил ее попробовать, и мы отрывались с ней не по-детски, особенно когда занимались сексом. Это дело ей поначалу даже нравилось, и нравилось крепко. Я разгонялся, пришла очередь косячков, заставил ее пару раз пыхнуть, и она тормознулась. Говорила, что, мол, это как сожрать миску жареного луку или кетчупа — после ганжи все вкусовые ощущения исчезают напрочь. А я гнал без удержу, ничего не замечая, вне себя, вне реальности, пытаюсь убедить ее, что это по-прежнему я — Леон, обожаемый ею пофигист, который ради нее попадет пальцем в небо. Ага. Средним.

В ответ она улыбалась той опасливой улыбкой, с которой обычно отвечают пьяным, чтобы не дай бог, те не сорвались и не стали разносить в щепки все вокруг. Она говорила, что кокаин меня губит, разрушает здоровье и отнимает способность думать и нормально жить. Напрасные, тщетные слова. Когда перед тобой белая дорожка первосортного витамина от Дуки, единственная мысль, которая приходит на ум, это: «Боже, хочу, чтобы эта полоска была ничем не разбодяжена и чтоб завтра у меня голова не болела». Дорожка улетала, а дальше начиналась гонка типа

«давай еще по чуть-чуть, чтоб не сбиться с ритма, чтоб не уйти в демон, чтоб не слететь с катушек, чтоб догнаться, чтоб не тормозить, ну-ка, еще газку».

В качестве компромисса Анита уговаривала меня не заниматься этим по крайней мере в ее присутствии. По мне, так это чистый эгоизм, вы как считаете? Она была счастлива не видеть меня под кайфом, хотя частенько я был пьяным вдрызг, но алкоголь, видите ли, пугал ее гораздо меньше. В конце концов Анита поставила вопрос ребром: либо она — либо дурь, а я взял и купил ей туфли.

Консьерж уже запер двери, но я был уже настолько своим в этом доме, что знал все способы впустить меня в неурочный час: три прерывистых звонка по домофону и один длинный. Увидев меня, консьерж уже было приготовился заявить, что для входа мне требуется согласие жильцов, однако прежде чем он произнес «увы», в его руках затрепетала бумажка в пятьдесят евро.

— Ты должен вручить это непосредственно Аните, о'кей? Сегодня же вечером.

— Если синьорина дома, так с удовольствием... Прямо сейчас и схожу.

— Так она дома или не дома?

Я протянул еще двадцатку, желая получить исчерпывающий ответ.

— Дома. С ней ее сестра Джиневра, синьорина Мария Соле, Беттега и синьор Розенбаум. А сама синьора сейчас на Милане-зиане.

— Беттега? Беттега там, у Аниты?

— Да, Беттега поднялся к ней пару часов назад.

Теперь даже консьерж называл его просто «Беттега», как и мы, и тот факт, что он сейчас находился в доме моей девушки меня никак не успокаивал. Я вышел, не попрощавшись, но далеко уйти не получилось. Закурил. Курил, матерился, ждал. Меня трясло от ярости и усталости, что за скверный денек вдруг выдался на мою голову! Когда твоя работа — жить, как я уже говорил, любое затруднение представляется непреодолимым препятствием. А я, дабы избежать убийственных приступов хандры, развлекаюсь тем, что придумываю «игры с фатумом». Разумеется, никаким фатумом тут и не пахнет, но в этом-то

и весь изюм: игры с фатумом — это всякие трюки, которые я изобретаю, чтобы убить время и бросить вызов судьбе. Вот, к примеру, иду я к лифту, а индикатор начинает мигать, и дверь вот-вот закроется, и я тогда бегу к лифту и пытаюсь заблокировать дверь. Если мне это удастся — значит, я победил в игре с фатумом, и я почему-то думаю, что моя девушка ко мне вернется. Если же нет, то я делаю вид, что эта игра с фатумом просто полная фигня. Другие подобные «игры» я выдумываю в основном в пьяном виде, чтобы заставить кого-нибудь или просто приколотся.

Однажды я поменял местами картины Кейта Харинга и Лихтенштейна, и никто из Розенбаумов долгое время этого не замечал.

Бывает, что такие экзерсисы даже полезны и сильно меня успокаивают. В этот вечер, например, я пытался угадать, кто из прохожих войдет в подъезд Аниты. Я попал один раз из шести и решил, что никакого положительного эффекта мне эта игра не принесла. Аниту не вернуть при помощи этих дурацких игр с фатумом, ведь она была девушкой «на равных», и потом, по всему выходило, что я все-таки ее любил. Несмотря ни на что, она оказалась единственным человеком, сумевшим убедить меня, что ганжа-таки мне не на пользу.

Я прошатался там до половины одиннадцатого, не спуская глаз с окон на четвертом этаже. В квартире было темно, свет горел лишь в одном окне — в спальне ее матери. Разве синьора не отправилась на Миланезиану? Тревога, опять тревога. Те окошки, за которыми бурлила жизнь — ужин, болтовня? — я видеть не мог, поскольку они выходили во внутренний садик.

К одиннадцати из подъезда наконец появились Беттега и Мария Соле. Увидев меня, судорожно сжимающего двумя пальцами сигарету, они разом побледнели. Я кинулся к Беттеге.

— Ты какого хрена у нее весь вечер торчишь, а?

— Леон, успокойся... Ты что, следишь за нами?

— Тебя не колышет, что я делаю. Анита — моя девушка, понял? Ну скажи что-нибудь, я слушаю...

Мария Соле стояла в сторонке, безупречно одетая, смотрела укоризненно, безуспешно пытаясь усмирить наши мятежные души. (По правде говоря, успокаивать надо было одну душу —

мою.) А она робко улыбалась и источала тончайший аромат духов, похотливая скромница, которую даже мой братец умудрился отдолбить пару раз.

Беттега был весь такой безмятежный и невинный, каким я его всегда знал. Благодаря своей натуре он умел быть убедительным и вызывал во мне безотчетное доверие. Вот и сейчас он был в своем стиле, тщательно подбирая слова и пытался отойти как можно дальше от опасного подъезда.

— Анита вне себя... Вообще она очень расстроена.

— Ты с ней говорил? Ей принесли мой подарок?

— Думаю, да... Она заперлась в комнате с Джиневрой, а нам абсолютно ничего не сказала. Она собиралась устроить ужин, чтобы отметить приобретение коллекции примитивистов... Похоже, это целиком ее заслуга. Наверное, ты просто забыл об этом.

— Ничего я не забыл, понял, Беттега? А ты пошел к ней и мне ничего не сказал? Даже не спросил меня, засранец?

— Леон, я и твой, и ее друг... И я не желаю вмешиваться, понимаешь?

— Нет, не понимаю. Настоящий друг должен вмешиваться, должен, черт возьми. Друг должен сделать все возможное, чтобы наладить все как было, иначе какой он к черту друг?

Беттега не знал, что ответить, а может, это я не хотел больше его слушать. Я хлопнул дверцей машины и помчался к дому, где жил Дука, даже без звонка, а мозги мои вопили что есть силы: «Ублюдки, какие же вы все ублюдки!»

4

Через неделю умер дедушка Эдо. У него было какое-то ужасное заболевание вен, а кроме того, он страдал от болезни Альцгеймера, медленно пожиравшей его мозг. Я еще помню, как он убеждал меня, будто самое надежное место для хранения зубной пасты — это сейф. И тогда я уже понял, что дедушка не в себе. Отец моего отца, мой любимый дедушка. Он умел ценить утон-

ченные манеры, но не был так задвинут на этикете, как дедушка Альберико. О, горе тем из нас, кто являлся в его дом одетым вольно, а не в строгий пиджак, галстук и шотландские брюки.

Дедушка Эдо был одним из первых итальянских гинекологов, который начал оперировать рак груди и бился за внедрение программ профилактики и культуры предохранения. Он всегда был на передовых позициях, за исключением воспитания своего сына. Папа мой рос беспризорным баловнем, каких свет не видел, *forever baby*, неспособным ни работать, ни принимать самостоятельных решений (поговорка «Ты весь в отца» про меня).

Он учился в экономическом колледже в Швейцарии, поскольку наотрез отказывался заниматься медициной, а потом дед пристроил его в какой-то жутко пафосный финансовый фонд. Папаша поуправлял там активами, да так, что некоторые позиции скатились практически до нулевых отметок, и его из фонда поперли.

С тех пор папа занимался семейной недвижимостью. Вообще, по жизни у него не было никаких серьезных достижений, если не считать того, что он оставил мою мать, когда мне было три года, а моему брату шесть, и ушел к одной пошлой девице. Хотя мы с отцом и нечасто виделись, но эти редкие встречи были весьма приятными: по обыкновению, мы нажирались с ним оба в хлам. Не сомневаюсь, что папа выпил и в то утро перед похоронами, очевидно, чтобы снять напряжение от предстоящей встречи со всеми родственниками в семейной церкви на окраине Белладжо — городке на озере Комо, который дедушка особенно любил.

Моя мать взяла на себя все хлопоты по организации похорон, будто дед был по-прежнему ее официальным свекром. Я помню, как она скорбным голосом говорила в телефонную трубку: мол, «не цветы, а взносы в фонд Рокфеллера». Мать настаивала, чтобы все, включая Амедео, а уж ее дети обязательно, явились на похороны и отдали дань уважения деду.

Я выбрал в своем гардеробе самый простой и строгий костюм — пару от Сенси, под белую рубашку с синим галстуком, и туфли Чарч, которые так нравились моему деду. Эти ботинки казались самым простым способом выразить ему мою признательность. Хотя из-за смерти деда я получил возможность

отвлечься от мыслей об Аните, которая мне не звонила и никак себя не проявляла. Стало быть, туфельки пришлось ей по душе.

Брат мой был весь как пришибленный. Из-за похорон он не смог принять участие в заседании суда с очередным взяточником и потому жутко переживал, что его отсутствие притормозит стремительный взлет к карьерным вершинам. Но прежде всего братец убивался за своего кота Ламенто (важнейший приоритет в его жизни). Этого кота Пьер упорно воспитывал как домашнего пса — даже выгуливал время от времени на поводке. Ламенто не был обычным котом: он скулил, рычал, устраивал засады, никого к себе, кроме брата, не подпускал. Наверное, он приобрел эту собачью агрессивность благодаря кокаиновой дорожке, забытую Пьером на зеркальце: Ламенто слизал все до крошки. А было ему всего пять месяцев.

Даже Лола присутствовала на церемонии, хотя и не была внучкой дедушки Эдо. Моя мать хотела, чтобы девочка воспитывалась в уважении к традициям и правилам приличного общества, и демонстрировала это перед лицом многочисленной родни, собравшейся в капелле Сан-Примо.

Гроб был украшен белыми гортензиями — гордость дедушкиного сада. Катафалк вкатили при безупречном, можно сказать, ледяном, молчании. У меня, не знаю почему, мурашки по коже побежали. Я сидел на скамье между своим братом и очередной пассией моего отца — на двадцать лет моложе папаши, красивое тело, и, судя по всему, с неплохими бабками. Ну, спрашивал я себя, и какого дьявола ей сдался мой предок? Возможно, ей тоже нравилось надираться с ним вдвоем. В ряду позади нас сидели моя мать, Амедео и Лола. Я увидел, что моя сестрица явилась в ученической униформе, и меня это жутко покорило. Я склонил голову к ее уху и спросил:

— А ты знаешь, как будет по-английски «божья коровка из глины»?

Лола подумала мгновение и отрицательно мотнула головой. Грустная и обескураженная, она напоминала в этот момент свой мобильник в стиле «гламурный металлик». И тут в этой почти виртуальной смене сцен и явлений я краем глаза заметил чудесное создание. Анита стояла в глубине капеллы, прислонившись

к колонне. На ней было синее платье, волосы аккуратно убраны под изящный ободок.

Я мгновенно воспрял и обратил полный благодарности взор на ушедшего дедушку, который, испустив последний вздох, сумел организовать возвращение моей девушки. Радость моя усилилась, когда я заметил рядом с Анитой еще и Марию Соле. А вот и Беттега. Брат метнул на меня укоризненный взгляд, и я перестал вертеть головой. Тем временем дон Маралла перечислял достоинства неутомимого труженика (ох, эти песни про «неутомимых тружеников» — просто классика надгробных речей), каким был дедушка Эдо.

О дедушке я сохраняю одно воспоминание, которое действительно наполняет меня любовью к нему. Мы праздновали получение моего аттестата зрелости в Лозанне, где я окончил лицей — 58/60 по шкале Парето, а? — и дедушка после праздничного завтрака предложил мне прогуляться.

В Лозанну мы переехали, потому что мама считала этот город, как бы это выразить, более социально познавательным для нас, нежели Женева. Кроме того, намного ближе к Сан-Морицу. Мы вышли из шато де Льеролль, где тогда жили, и стали подниматься через виноградники к Сен-Сафорин. Воздух был напоен летом, пейзаж напоминал волшебную сказку, правда, немного печальную.

Я верю, что у озер есть природная способность — наполнять грустью каждого, кто ими любит, и такое происходит даже в солнечную погоду. Возможно, эта грусть рождается от самой идеи «границы», которое присуще любому озеру: берега расположены близко друг от друга, поэтому о горизонте можно только мечтать, волны небольшие, пляжи узенькие и печальные. Может быть, именно поэтому пожилые люди так любят озера. Ландшафт успокаивает стариков, ограничивает нежданные порывы страстей. Люди видят, что тот берег не так уж и далек, воду можно пить, переплыть туда не страшно и не трудно. Хотя, возможно все эти мои мысли — не больше чем паранойя.

Сдав экзамены на аттестат зрелости, я на мгновение — на одно только мгновение — почувствовал необходимость стать взрослым, принимать решения и нести за них ответственность. Но я был однозначно не в состоянии принимать какие-либо ре-

шения. Похоже, дедушка прочитал все это на моем лице за обедом — ах, пардон, за завтраком — таким официальным! — и решил немножко оттянуть мое наперед расписанное будущее. Мы прошли пешком пару поворотов и остановились у скамейки. Дед оперся на трость и тяжело уселся.

— Смотри, парень, ты сейчас прямо как ртуть, а я угадаю, хотя недаром говорят, что нет ничего красивее заходящего солнца, как считаешь? Так вот, сегодня я хотел бы сказать тебе одну важную вещь, быть может, единственное, что я понял в этой жизни: никогда не забывай о своей природе.

— О моей природе?

— Именно. Не забывай прислушиваться к своему самому сокровенному голосу, который звучит в тебе и только для тебя. Не бойся слушать этот голос. Только он и есть твое единственное и истинное достояние. Все остальное — лишь мишура, приправа, брызги шампанского. А жизнь, твоя жизнь — она действительно нуждается в этом животворном голосе, чтобы ты имел возможность наслаждаться всеми благами этого мира в полной мере.

— Дедушка, а зачем ты мне это говоришь? Ты что, боишься умереть?

Даже и не знаю, как у меня вырвалась столь досадная реплика. Очевидно, панорама застывшего под знойным полуденным солнцем озера не способствовала проявлению надлежащего такта. Дед от души расхохотался. Ох, как же плохо я его знал, а ведь он был по-настоящему остроумным человеком.

— Я не боюсь смерти уже давно, с тех самых пор, как не стало твоей бабушки. И я не пал духом, я продолжал жить, действовать, бороться. А знаешь, за что я люблю эти виноградники? За героизм. Выращивать лозу в здешних местах — дело, прямо скажем, изнурительное. Виноград созревает здесь долго, растет на крутых склонах, приходится подниматься туда с тележками. И теперь представь себе радость винодела, получившего вино в таких условиях! Да, может, и существуют вина поизысканнее, неважно, труд — вот что по-настоящему ценно.

Дед посидел, помолчал немного, устремив глаза к противоположному берегу, который вдруг показался таким далеким. Его пристальный взор не выдавал никаких эмоций.

— Я бы хотел, чтобы ты хорошенько подумал, прежде чем выбрать техническую специальность. Все чересчур единодушно тебя в этом поддерживают, да и сам ты — по твоим глазам вижу — уже покорно согласился, правда? Ты и впрямь уверен, что в самостоятельной жизни хочешь работать инженером, как другой твой дед? Хочешь замарать руки красной глиной кирпича?

— Да, дедушка. На экзаменах мне сказали, что у меня блестящие перспективы. Почти все мои дяди по маминой линии работают инженерами, а из моего поколения я стану единственным. И я смогу наконец перебраться с Пьером в Милан. Это будет здорово, вот увидишь. А если моя природа воспротивится, я ведь всегда смогу передумать, верно?

Я был слишком наивен, чтобы осознавать тогда свою полную неспособность противостоять непостижимой судьбе. В действительности у меня никогда не хватало мужества бороться с ней.

С того дня я видел деда только пару раз в году, увы, по официальным поводам, да на семейном рождественском ужине. Но никогда не смогу забыть его посох из вишневого дерева, который мне пришлось нести во время нашего неспешного возвращения домой. Дед хотел идти, опершись на мою руку.

Мы молчали весь обратный путь, пока наконец не показались красные черепичные крыши шато. Гости спрашивали, куда мы подевались; мать моя была вне себя от ярости, но гнев изо всех сил сдерживала, поскольку находилась перед кланом Сала Дуньяни в полном составе.

Когда я вернул деду его палку, он мою руку не отпустил, а, наоборот, крепко сжал и произнес:

— И еще — не переставай искать свои родные места.

— А где мои родные места — здесь, в Швейцарии, где я родился, или в Милане, где я ходил в школу?

— Твои родные места там, где сердце бьется чаще.

«Там, где сердце бьется чаще. Там, где сердце бьется чаще. Там, где сердце бьется чаще». Эти слова гремели в моих ушах, как проповедь с амвона, а колокола звонили погребальным звоном, и священник ходил и воскуривал ладан, распространяя вокруг гроба ужасную вонь. Бедный дедушка. Глаза мои наполни-

лись слезами: единственные капли, скатившиеся в тот день во всем Белладжо. Поселковый оркестр приготовился играть траурную мелодию. К счастью, мои слезы заметил только Пьер, который посчитал их чрезмерным проявлением эмоций. Мы вышли и приготовились прощаться с родственниками, дядями, немногочисленными друзьями. Когда подошла Анита, мои кулаки сжались. Я пытался сохранить безмятежное выражение лица, как не раз представлял себе в планах вендетты — бесполезно. Ну почему она мне не позвонила? Почему предпочла молчание?

При разрыве ты можешь вынести любые жестокие слова, но ничто не уничтожает тебя больше, чем молчание. Молчание — это финиш. Молчание — это как выстрел в темноте, ты пытаешься определить — в кого, тешишь себя иллюзиями, что не в тебя. Спустя некоторое время начинаешь истекать кровью, не сразу, потихоньку, а в сердце все еще лелеешь надежду, что еще можно попытаться что-то сделать.

Анита по-прежнему не разговаривала, но мне достаточно было лишь увидеть ее, чтобы похороны превратились в праздник. Ни штриха косметики, чуть-чуть блеска для губ, туфли без каблука, приличные для похорон. Я хотел было ее обнять — я надеялся, что она меня пожалеет — но она упредила мое движение, обозначив два дружеских поцелуя в щеки.

— Я очень опечалена из-за тебя, Леон.

— А ты... как у тебя дела? Почему ты не...

— Я приехала из уважения к тебе и к твоей семье. Знаешь, у нас еще будет время поговорить.

— Когда?

— Говорю тебе, не сейчас.

— Когда?

Мой голос дрожал, беззвучно повторяя мантру отчаяния. Мария Соле и Беттега набрались мужества и тоже подошли ко мне. Беттега, глядя на меня своими честными глазами, даже пообещал устроить встречу с Анитой в ближайшее время. Я взглянул на секунду из церкви — там составляли процессию. Увидел брата — и просто возненавидел его — за холод его приветствий, за безупречность рукопожатия, за прилизанные волосы. Мой отец время от времени давал выход скорбным чув-

ствам, но думаю, что больше от выпитой водки, нежели от горя. Лола ходила по родственникам и спрашивала у всех на ушко, знают ли они, как будет по-английски «божья коровка из глины». Матушка поправляла вуалетку на шляпке. Наверняка она наденет ее и на мои похороны. Н-да, довольно-таки пошлое заключение.

5

На столе — два стопарика русской водки, и жить им осталось недолго. Вокруг компания бакланов, пара спортсменов в трико, какие-то левые телки. Когда я вошел в бар «Бьянко», тот, что в парке Семпione, Беттега уже сидел там. Он хотел было затащить меня во «Франк», где мы обычно тусовались, но опасался, что в присутствии друзей, приятелей и гламурных девиц у нас не получится поговорить серьезно.

Возможно, чтобы чуть поднять настроение, судьба выбрала для меня место через два столика от табурета, на котором сидел этот бычара, Джанмария. Ну, вы помните, я вам рассказывал про одного своего приятеля — я пер его подругу, а он нас застукал и там же, на месте, проблевался? Так вот, это он самый. Вообще-то, я вам рассказал анекдот, в котором все переврал. Это меня вырвало. И это я застал Джанмария в постели с моей девушкой. Правда только то, что это был действительно мой день рождения, и мне исполнилось двадцать два года, и мы тогда все были упитые в нулину. Пардон, мне это казалось самым эффективным способом изгнания бесов, которые вообще ни хрена не умеют делать, только появляются в самые неподходящие моменты.

Я сделал вид, что не заметил приятеля, и он тоже глазки скромно опустил, сволочь. Как я его ненавидел, все еще ненавижу, с того самого дня.

Беттега же смотрел на меня безмятежным ясным взором человека с чистой совестью и уверенностью, что все проблемы рано или поздно уладятся. В самом деле, весьма нечасто мне при-

ходилось вот так плотно разговаривать с другом. Обычно наши тусовки протекали по одному и тому же сценарию: аперитивчик, следом что-нибудь покрепче, для газу. Потом я выслушивал пожелания и отправлялся к Дуке за дурью. Потом ужин в «Финджерс» или в «Оригами», потом на флэт к какой-нибудь подружке, там кумар-раскумар, а потом секс, иногда секс с виагрой. Хотя в последние годы мне больше нравилось «дернуть» в одиночку. Но вовсе не об этом нам предстояло поговорить нынче вечером с Беттегой. Речь не о коксе, а об Аните. Опрокинув рюмку, Беттега решительно начал:

— Из-за чего ты на меня взъелся?

— Блин, он еще спрашивает! Два раза тебя видел — и оба раза с Анитой! А меня предупредить нельзя? И вообще, ничего мне не говоришь, что там у нее, как и что мне теперь делать... И что я, блин, должен теперь думать?

— Я не говорил с тобой исключительно из уважения к ней. Она не хочет, чтобы обсуждались вещи, из-за которых она страдает. Ей реально плохо.

«Страдает». Как мне понравилось это слово! Если страдает, значит, что-то еще есть, по крайней мере кусочек надежды. А Беттега, на мой взгляд, вел себя излишне дипломатично, и потом, он все-таки оставался моим другом. Он же не мог в подобной ситуации выеживаться, как какой-нибудь шоумен на дискотеке.

— Послушай, Беттега, скажи мне только одно: что мне теперь делать? Что мне теперь, ждать? Знаешь, я уже десять дней ни в одном глазу. Так? Я ведь из-за нее.

Соврал, конечно, но, если друзья играют с тобой нечисто, что прикажешь делать, тоже начнешь передергивать.

— Анита говорит, что хочет некоторое время побыть одна. У вас единственная проблема, и ты ее прекрасно знаешь. Она думает, что разлука с ней заставит тебя задуматься о том, какой страшный бардак в тебе самом.

— О'кей, тогда почему она сама мне об этом не скажет? Ты сам-то что, миротворец из ООН? Подыскал себе работу?

— Так и есть, я на последнем курсе юридического.

— Ладно, замнем. В общем, по-твоему, я сейчас должен вести себя примерно и ждать, так?

— Так.

— Хорошо, давай тогда еще по рюману... или мне нужно вообще тормознуться?

— Думаю, сегодня лучше воздержаться.

— Ладно, Беттега, как скажешь.

— Тогда скажу тебе еще одну вещь, Леон. На похоронах я жутко рассердился, увидев, что ты меня в чем-то подозреваешь. Я такой же твой друг, как и ее, и смотреть на твою идиотскую рожу меня не прикалывает, вообще никак.

Неожиданно я почувствовал себя виноватым. Со мной такие фокусы легко проходят, это правда. Достаточно упрекнуть меня в чем-либо строгим тоном, и я уже готов взять на себя полную ответственность за все, вплоть до обрушения башен близнецов. И это вовсе не из-за мягкости характера, а только из-за моего безграничного доверия людям. Из-за этого своего доверия я наделал немало глупостей.

Беттега был Беттегой. Мы дружили еще с лица. Я тогда учился в Лозанне, а он посещал один из колледжей в Милане, и каждые выходные мы уматывали в Сан-Мориц и зажигали там в «Кингз». До сих пор для меня загадка, почему меня там встречают с распростертыми объятиями?

Единственным недостатком Беттеги было неприятие кайфа. Он мог, конечно, нюхнуть пару раз, но так, без задора, исключительно чтобы поддержать компанию. Я припомнил случаи, когда Беттега привозил меня домой в полном бесчувствии, вспомнил сцены, которые закатывала Анита. Должен признать, что Беттега был настоящим верным моим другом, каких не так уж и много. Истинные друзья переживают за тебя не меньше, чем за самих себя, и всегда начеку, но делают все возможное, чтобы ты этого не заметил. Я почувствовал себя намного увереннее. Уверенность, подкрепленная водкой. Отбросив подозрения, я начал умолять Беттегу дать мне совет.

— Стало быть, ты считаешь, что если я продержусь какое-то время без безобразий, а потом приду к ней — она меня примет?

— Хорошо бы, конечно, но я не уверен. Мне не хочется, чтобы она думала, будто мы чего-то крутим у нее за спиной.

И потом, вот еще беда — Мария Соле вовсе не на твоей стороне.

— Сука.

— Леон, будь выше этого. А главное, постарайся успокоиться. Тем более вы ведь собираетесь на Ибицу, день рождения Пьера праздновать, не так ли?

— Если мои согласятся. Знаешь, после смерти бабушки... А ты сам не хочешь поехать?

— Увы. Я должен заниматься адвокатской практикой, иначе мой папаша перекроет мне кислород... Он уже урезал мой месячный рацион до трех тонн.

— И как же ты?

— Экономлю на шмотках. Еще мама иногда чуть-чуть подкидывает... Но за это я должен покупать себе одежду в ее дурацких магазинах.

— Значит, хрен тебе, Беттега, а не Ибица.

— Странно будет ехать туда без Ани, а впрочем, может, это и к лучшему. Тем более всего на три дня. Смогу я три дня не гудеть?

— Попробуй. Если получится — станешь мифом, нет — останешься простым смертным.

Я обнял его на прощание, пошел и оплатил выпивку.

Потом помчался домой, ликуя, как пацан. На светофоре я отдал типу, который протирал водительские стекла, аж целых две десятки. По сути, Беттега мне ответил положительно. Да, Анита заставила бы меня сойти с небес, тем не менее мы опять станем Опе из ее песенки — одним целым, как и прежде. Мы будем снова встречаться. Я возьму ее голову в ладони и заставлю ждать вечность, прежде чем поцелую, а потом она захочет еще раз, начнет вздыхать, как девственница, — и вот мы опять на моей террасе, занимаемся любовью яростно, изо всех сил. Наша страсть напоминает борьбу.

У подъезда я столкнулся нос к носу с Лолой. Она возвращалась с бонной-французенкой со своего балета. Ее не приняли на классический курс при театре «Ла Скала» — о, как убивалась мама! — и тогда пришлось зачислить ее в платную школу DY&G. По-моему, она там была самая бесталанная. В преддверии неотвратимо надвигающегося выпускного спектакля целы-

ми днями Лола вертелась перед зеркалом — отрабатывала вращение, пируэты и особенно свое любимое *grand plié**, но зад у нее постоянно отключивался, и вообще все выходило ужасно скверно. А она-то, дурында, этого никак не понимала, дома же ей все только аплодировали.

Мы поднялись наверх, и, чтобы не видеть ее танцев в гостиной, я пообещал поиграть с ней немного в куклы «Винкс». Лола обожала этих кукол, а моя мать ее за это осуждала, говоря, что в такие игрушки играют только дети пролетариев. А Лола назло маме представляла себя в роли своей любимой героини, смуглокожей феи — куклы по имени Айша. Много месяцев Лола ходила за мамой, пока ей наконец не купили куклу ростом с ребенка. Когда к нам приходили гости, мама металась по дому, выискивая, куда бы засунуть проклятую куклу, и бормоча под нос: «От этих филиппинок и так уже не протолкнуться».

6

Человек никогда не задумывается над тем, что в один прекрасный день ему придется попрощаться со всеми. Это как-то не по-человечески — проститься сразу со всеми, да и зачем? Говорят «до свидания», чтобы потом увидеться за завтраком или за обедом, а я не думаю, что вновь вас всех когда-либо увижу. Поэтому и стараюсь запомнить ваши улыбки, особенно улыбки внуков — я буду по ним сильно скучать.

Мы живем и не оставляем ни записей, ни следов, ни конспектов — никаких знаков благодарности к той жизни, течению которой пытаемся всеми силами воспрепятствовать, но которая в конце концов берет свое. Она победила и меня, бесстрашного воина — я старею и слабею с каждым днем, хотя сегодня вечером разум мой ясен как никогда. Простите меня за орфографические ошибки, я учился в швейцарской школе, хоть учеба там дрянь, но нас туда заставляли хо-

* «Полный присед» — движение, напоминающее реверанс (англ.).

доть, а теперь и мы заставляем наших детей ходить в те же школы, и даже у меня не было сил взбунтоваться. Сегодня я провел замечательный день в вашей компании в Сен-Сафорин, отмечая диплом моего обожаемого Леона. Вы помните тот день? Вы послали за мной Юлия на машине, и он привез меня сюда, в Белладжо. Ну, разумеется, мог бы кто-нибудь и из вас за мной приехать. Вам не стыдно? Я думаю, ваш дедушка заслуживает чуть большего внимания. Мне бы было так приятно услышать, как вы все стучите в мою дверь со словами: «Эй, дед, ну-ка вставай, пора сменить озеро! Мы все едем в Лозанну, у Леона праздник!»

К чему иметь большие средства, если не умеешь распоряжаться ими с некоторой фантазией? Думаю, однако, что уже поздно рассуждать на эту тему, тем более сегодня. Вероятно, все из-за моего непостоянного характера да еще из-за моих жизненных приоритетов.

Все возвращается на круги своя, так ведь в народе говорят? Что посеешь, то и пожнешь. Для меня в жизни была главной медицина. Медицина, касающаяся самой красивой части женщины в любом ее возрасте: груди. Я спас многих, но не сумел сохранить единственную женщину — ту, которая подарила мне сына, так уж распорядилась судьба. Возможно, у меня не получилось воспитать своего сына должным образом. Я доверял его воспитание коллегам и лучшим наставникам, многочисленным нянькам и тем немногим женщинам, которые шли со мной по жизни. Но, надеюсь, со временем мне удалось сделать так, чтобы они полюбили моего сына, а он любил их. Медицина была главным делом моей жизни, и все мои интересы сосредотачивались только на ней. Поэтому, сынок, я знаю, что должен попросить у тебя прощения, но я чересчур гордый, чтобы сказать тебе это лично.

Моим родным домом была больница. Там работали замечательные специалисты, и только из-за них я решил не эмигрировать в Соединенные Штаты или в Швейцарию, в которой родился. Быть богатым, по крайней мере, для меня, означает всего лишь возможность выбирать лучшее вино. Я тебе сегодня как раз об этом говорил, помнишь, Леон? Когда мы ходили гулять на озеро.

Леон мой самый любимый из всех внуков. Он мне более симпатичен, чем Пьерандреа, который, на мой взгляд, слишком холоден, хотя ведет себя всегда безупречно, с должной учтивостью и почтением. Есть вещи, которые чувствуешь душой, и это порой отличается от того, что видишь глазами. Искренняя любовь и уважение идут к сердцу никому неведомым путем, и тут я, конечно, могу ошибаться. Так что, Пьерандреа, дорогой мой, прости меня.

Смерть предоставляет шикарную возможность наконец высказать все, не боясь показаться при этом ни виноватым, ни смешным. Хотя о самом прекрасном, что есть в жизни — о желаниях, изменах, необузданных страстях — рассказать все правдиво невозможно, только то, что этот груз на наших плечах неимоверно утомляет. Если вы обращали внимание, самые сокровенные тайны раскрывают в состоянии страшной усталости, когда эти секреты уже бесполезны и никого не могут удивить. Тем не менее мы все ужасно боимся исповедываться, даже я, хотя мне уже семьдесят три года, потому что не хотим показаться жалкими и ничтожными в глазах большинства, только закат жизни дарит всем нам желанное забвение. Немногие смогут запомнить красоту этого заката, и я очень хочу, чтобы эти немногие стояли бы сейчас рядом со мной.

Прежде всего, объявляю об отмене всех данных мною ранее распоряжений.

Теперь же объявляю своими наследниками следующих лиц.

1. Моего единственного сына, Джованни Альберто Сала Дуньяни, которому оставляю сорок процентов своего состояния, а кроме того, виллу в Белладжо, усадьбу в Комо, дом на улице Сенато, две квартиры на Корсо-Венеция, дом в Женеве и дом в Пунта-Ала. Только прошу его, пока он будет жив и здоров, не продавать дом в Белладжо.

2. Профессора Алессандро Дзакканья, которому оставляю тридцать процентов состояния с условием направления этих средств на исследования раковых заболеваний

3. Моего внука Леона, которому оставляю пятнадцать процентов состояния, квартиру на аллее Бьянка-Мария, а также все картины в моем банковском хранилище. В част-

ности, я хотел бы, чтобы ты сохранил «Святого Иоанна Крестителя», который, вероятно, является последней картиной Караваджо. И еще мне хотелось бы, чтобы ты не потерял свою истинную любовь.

4. Моего внука Пьерандреа, которому оставляю пятнадцать процентов состояния, квартиру на улице Винченцо Монти и бюст Фарука со штемпелем «три тосканских лиры» и сертификатом Болаффи. И я строго-настрого запрещаю тебе продавать его, чтобы купить потом один из островов Фиджи, я слышал сегодня, как ты говорил об этом.

5. Доктора Эльду Перинетто, которой отписываю небольшую квартиру у озера в Черноббио.

6. Моих двух верных горничных, Франческу и Стефанию, которым дарю пятьдесят тысяч лир. Эти деньги следует списать априори с моего счета.

7. Донну Лавинию Каччьяконти, которой оставляю усадьбу Фаттория-дель-Колле-ди-Трекуанда. Она любила эту землю, пожалуй, больше, чем я, и сделала эти виноградники услугой моей старости. Прошу Лавинию не отказывать в приюте моим потомкам, когда бы они ни захотели посетить Колле.

Вот и все, пожалуй, что я имею, хотя наверняка позабыл про какой-нибудь дом. Как говорил мой отец, «если ты знаешь точно про все свои богатства, тогда ты еще не богат».

Надеюсь, что вы хотя бы чуть-чуть оплакиваете мой уход и что вы все прилично оделись на поминки. Парадная одежда на похоронах есть неременный атрибут цивилизации, а кроме того, делает закат намного красивее.

Не знаю, долго ли еще, но до сей поры я жил, не испытывая особых сожалений. Может, о чем-нибудь и стоит поплакать, но для этого понадобится целая жизнь да еще и мужество в этом признаться. Другой же жизни, если соизволит Господь, не будет.

Эдуардо Мария Сала Дуньяни

Нотариус Гэби окончил чтение и сложил письмо, опустив увлажнившиеся глаза. Мой отец смотрел странно и безучастно, будто ожидал чего-то большего, нежели сорока процентов и кучи

домов, о существовании которых он по большей части и не подозревал. Меня же немного трясло от такого позднего изъяснения в любви. Очевидно, дед в тот самый день как-то по-особенному проникся в отношении меня. Что же это, если не судьба? Дед решил написать завещание именно в день моего аттестата зрелости, и вот тебе достается как бы Караваджо. Несмотря на мою явную обескураженность, я был согласен с решением дедушки. Он был для меня намного ближе, чем для Пьера, карьериста и прагматика. Единственная вещь, которая всех озадачила — это передача фермы Фаттория-дель-Колле, потому что никто не понимал ее предназначения. То есть вообще-то все знали, что в последние десять лет, когда наступал сезон охоты и сбора винограда, дедушка регулярно отправлялся куда-то под Сиену. Папа один раз даже съездил на эту ферму и больше туда ни ногой. Я помню, видел какие-то фото у нас дома — и более ничего.

Те несколько слов, которые дедушка посвятил этой усадьбе, меня поразили до глубины души. В этих словах было столько любви, сопоставимой разве что с его любовью к науке, к бабушке и (почему нет?) ко мне. Я неожиданно почувствовал отклик на мои чувства и симпатии, которые всегда считал пустыми, бесполезными и безответными. Дедушка, видимо, понял мои сокрытые от всех порывы. Как мне теперь сказать ему об этом? Как отблагодарить его? Цветочки на могилу отнести? Помолиться? Нет, это все как-то не по мне.

Озеро за окном казалось теперь намного дружелюбнее, хотя жалюзи хлопали на сквозняке.

— Знаешь, что делают аборигены, когда умирает родитель? Режут скот и раздают все его добро. Никто ничего не наследует, иначе те, у кого умирает богатый отец, закатывали бы пир горой.

— Хорошо, что мы не аборигены. Так или иначе, все сложилось удачно, Леон... Он в последнее время вообще впал в маразм, так что запросто мог все раздать своим больным, с него бы стало.

— Пьерандреа, прошу тебя.

Мой отец вел себя как-то неуверенно. Скорее всего, он думал то же самое, что и мой брат, только не мог это открыто высказать, особенно в присутствии нотариуса Гэби. Похоже, несладко было папе, единственному прямому наследнику, выслушивать

изъявления признательности в адрес клиники — о, вы должны были видеть радость в глазах профессора Дзакканья — и в мой адрес. Когда нотариус отметил, что донна Лавиния Каччьяконтти, приглашенная на официальное оглашение завещания, вынуждена задержаться в Тоскане из-за неотложных проблем на виноградниках, папаша скорчил гримасу.

Реально для меня и для Пьера в данный момент основной проблемой были наши друзья. У всех на руках были билеты, которые брат разослал вместе с приглашениями — на реактивный лайнер, мы целый лайнер, блин, заказали — и до сих пор было непонятно, полетим ли мы отжигать на Ибицу или нет. Мама уже дала добро, а вот отец не говорил ни да, ни нет. И все же Пьер сумел подобраться по-кошачьи к отцу и вытянуть из него невнятное «ладно». Мы переглянулись с братом. Ура, праздник!

Нас ожидали целых три дня заслуженного восторга. Кому какое дело было до наследственных разборок? В конце концов, истинным наследством были дедовы слова, полные любви, да еще нечаянная улыбка фортуны — я теперь являлся обладателем предполагаемого Караваджо. Но если подумать, что за радость иметь дома этого как бы Караваджо? Сбагрить его Аните? Повесить рядышком с постером Человека-Паука? А может, лучше рядом с моим дипломом в рамочке? О, там бы он смотрелся. Настоящий диплом и поддельный шедевр, логическое завершение круга моих исканий, хотя, может быть, и не завершение, а только начало. Честно говоря, я и понятия не имел, кто такой был на самом деле этот Караваджо. Такой, может, средневековый гомик, рисовавший полуодетых мускулистых мальчиков, а в середине — Христос сидит, в окошко глядит. Ну ладно, ради любви к бабушке я готов снести и это.

Я позвонил Дуке, своему любезному Дуке, и сказал, что через пару часов к нему заеду. Я должен был запастись кайфом на всех, и, как обычно, никто, кроме меня, об этом не заботился: Дука доверял только мне одному. Но сначала мне надо было заскочить домой, взять денежку, полтонны хватит, а потом — кок-сику, так, для поднятия ежевечернего тонуса, без фанатизма. Если не хватит боеприпасов, то на Ибице у нас свои пушеры, которые, едва нас заметив, мгновенно прилипали, как банный

лист к заднице, так они ценили нашу компанию. Разумеется, я постараюсь держаться от них подальше, ведь там могут оказаться подруги Аниты — Зева или Бьянка, только бы не Мария Соле, — готовые меня пасти и фиксировать малейшие мои закидоны. Но я всегда был чудесным актером, так что с этой напастью уж как-нибудь справлюсь. Можно было бы сыграть по-хитрому и вообще отказаться от уик-энда, но Пьер очень уж меня упрасивал — еще бы, чуваку тридцатник исполняется, — да и, в конце-то концов, ничего нет плохого в том, чтобы съездить куда-нибудь развеяться, коли уж баба твоя решила какое-то время побыть одна, типа подумать. Ладно, пока ждем ответа, кто нам запрещает порезвиться?

В еще более прекрасное расположение духа меня привел звонок Беттеги. Он сообщил, что встречался с Анитой и так, слегка, намекнул ей о нашем с ним разговоре. По его словам, она восприняла все совершенно равнодушно, однако я почувствовал, что Анита развернула свой дальнобойный радар в мою сторону. Мест, по которым я крутился в Милане, было не так уж и много, совсем ничего. Все это уместилось бы в комнате на сто квадратных метров.

Я заехал к Дуке, когда тот уже собирался уходить. Дука перец еще тот! Он чуял запах и денег, и успеха, но ветер почему-то всегда начинал дуть в противоположную сторону. Я звал его дядей, но на самом деле он был приятелем моей матери: Леопольдо Дукати, сорок восемь лет, волосы с проседью, утонченные черты лица. Ему безумно нравилось жить красиво. Сталелитейный завод, который он получил в наследство, вскоре со страшным треском обанкротился, а отказаться от сладкой жизни было невыносимо, поэтому Дука нашел новые источники дохода — приторговывал кокаином среди немногочисленных, но хорошо употребляющих друзей. Он как-то застукал меня на чьей-то свадьбе с носом, испачканным в порошке, и сказал, что может мне кое в чем помочь.

Мне уже было пригрезился романтический вояж в Аризону в компании истощенной диетами модели, а он всего лишь предложил мне попробовать лучшую дурь в Милане: его. Блин, так оно и было. Качественный кокс, неразбодяженный. Никаких пакетиков. Никакой головной боли на утро, разуме-

ется, если попутно не выпил. Шняга была в том, что дяденька был всегда на виду, лишь очень-очень немногие могли обращаться к нему напрямую. Так и выходило, что мне приходилось брать товар сразу на всех. И в большинстве случаев платил за все тоже я.

Дука передал мне пять шариков, аккуратно запечатанных. Я с восхищением рассматривал кокаин, от которого мне теперь предстояло воздерживаться. Тяжкое испытание, но я сильный, я выдержу. Я сильный. Я выдержу. Я сильный. Я выдержу. Я спрятал кокаин в карман и ушел, непроизвольно потягивая носом.

7

Едва я вернулся к себе домой, как тут же подумал: чем уходить в демон на Ибице, не лучше ли провести скромный вечерок без посторонних глаз. Мы вылетали на следующий день в полдень. Нас было всего десять — узкий круг друзей, выбранных Пьером. Телок планировалось снимать на месте.

У меня на столе была привычная бутылка «Гаваны» и DVD Клеопатра и все, все, все в целлофановой упаковке. Диск я купил в одной лавчонке, при этом я стебанул продавца в рубашке с коротким рукавом и торчащей из кармашка ручечкой: «Это для таких задротов, как ты. А то, смотри, порнуха не всегда забирает», — и с этими словами протянул ему упаковку виагры, которую всегда ношу с собой. Он был настолько ошарашен, что выдал мне диск практически не дыша, весь во власти моего порочного обаяния.

У меня настоящая слабость к костюмированным постановкам. Порнуха — это дело другое — я вас умоляю, и берите всегда фильмы студии Private, если хотите получить качественный оргазм — но я лично с ума схожу от всех этих исторических блокбастеров типа «Властелина Колец» или «Аттилы».

Вспомнив про сценку в магазинчике, я подумал, что когда-то я и войти в такие места боялся, если там находились другие посетители. Я ходил туда-сюда перед дверью, рассылая вся-

кие глупые SMSки и усиленно делая вид, что нахожусь здесь случайно.

Ладно, вернемся к моему вечеру, который я ни в коем случае не должен был коротать таким вот образом — учитывая, что меня внимательно пасут на расстоянии — раз, мои добрые намерения — два, а также непрекращающийся ужас от потери единственной девушки, способной любить меня. С другой стороны, три дня на Ибике без крупы дури стали бы кошмарной жуткостью даже для Ромео Монтекки, так почему бы грядущий облом не компенсировать раскрепощенной ночью в компании с самим собой — на полном, так сказать, едине?

Маман моя уехала с Амедео, Лола со своими феями «Винкс» — на выходные в Портофино. У Пьера было свидание с какой-то девушкой «на равных», которая желала заниматься сексом на Ибике. Я был один и радовался своему одиночеству.

Я открыл бутылку и плеснул в «рокс» чистого рому, добавив лишь льда, благо было лето. Потом я выбрал Some Girls «Роллинг Стоунз» и решил поставить Before They Make Me Run. Из всего репертуара «Роллингов» мне больше всего нравятся песни Кейта Ричардса. Мне бы хотелось заниматься любовью — а еще бегать, шевелиться, пыхать, жить — как Мик, но если бы меня попросили петь, я пел бы такие вещи, как Кейт. У меня врожденная симпатия ко вторым номерам, которые являются истинными первыми, потому что умеют подвинуться и без обид уступить место более амбициозным. Их величие в понимании «спортивного кодекса».

Я распечатал первый шарик весом в один грамм с трепетом, какой испытывает разве что женщина «быть», слушая посвященные ей стихи. Моя заслуженная награда.

Сколько же дерьма схавал я за эти дни, да еще траур по дедушке меня здорово выбил из колеи. Вена на шее запульсировала, из горла по всему телу пошла волна безотчетного возбуждения. Это как идти по улице с эрегированным членом — тогда кажется, что у любой встречной телки и попка тугая, и груди силиконовые.

Я несколько секунд погрел блюдечко над газом. Кейт пел все громче и громче. Потом положил на блюдечко шарик кокса. Раскрошил его; порошок рассыпался, влага мгновенно уле-

тучилась. Затем я разделил порошок на две дорожки разной длины. Такова моя проверенная метода: первый подход — слегонца, через пластиковую трубочку, хотя лучше, конечно, через свернутые в трубочку десять евро.

И второй подход, минут через двадцать, — протяжный, мощный, что есть для меня самый что ни на есть оргазм. Вот то, что тебя вставляет, вот ради чего ты все это замутил: это эксклюзивный JD's с добавлением Монтекристо, это штрафной Гроссо в финале Италия — Германия, или Италия — Франция, без разницы. Это Мэрилин, которая поет тебе Happy Birthday to You.

Я услышал, как тяжело задыхалась блондинка в одном шаге от меня — как здорово быть Мистером Президентом, и ей было по фигу, что рядом со мной была Джекки. Верно ведь говорят, что если женщина чего захочет, так она и через первую леди перепрыгнет. С другой стороны, кто способен осудить идола? Только другой идол. Мне понравилось бы, если бы они сцепились на глазах довольного Кеннеди. Нет, лучше, если бы мы устроили оргию вчетвером в Белом доме, я с тобой, ты со мной, мы сверху, вы снизу. Если фантазия развивалась столь стремительно, это означало, что кокс был реально недурственный. Полчаса я балдел и кайфовал не по-детски.

Через некоторое время я почувствовал, что действие кокса стало ослабевать и мне пора догнаться.

Игра с фатумом в данном случае заключалась в том, чтобы поддерживать уровень возбуждения, а для этого мне нужно было уходить в демон, но не чаще, чем раз в пятнадцать минут. Только при этом условии Мэрилин могла продолжать пение, и это при полном моем осознании ее нереальности. Именно в этом вся прелесть глюка: знаешь ведь, что неправда, а оторваться не можешь. Я потихонечку входил в состояние измены. Ты и понятия не имеешь, что это такое, пока тебя всего не накроет... Ой, лучше об этом не думать. Меня начало колбасить, я не мог сосредоточиться. Любой предмет, на который я смотрел, злил меня, каждый жест казался поступком, малейший звук — опасностью. Все, все вокруг являлось лишь плодом моего воображения.

Я снова отхлебнул «Гаваны». Клеопатра тем временем висла на всех, до кого могла дотянуться, но меня она не возбуждала. Я попытался переключиться и повертел головой, но увидел только по-

стер с Человеком-Пауком, который пристроился на стенке моей комнаты. Мне стали слышаться странные звуки. Ключ в замке. Шаги. Тук-тук. Открывай, урод, а то дверь снесем нах! Подкрадываюсь к двери — никого. Дыхание учащенное, прерывистое, сигарета в пальцах не держится. На мгновение у меня перед глазами прокрутился самый кошмарный фильм моей жизни.

Дело было так. Года четыре назад, может, раньше, может, позже, я вернулся домой с какой-то костюмированной вечеринки, но не с карнавала, это точно. Эти гребанные вечеринки постоянно придумывали наши подружки, которые не знали, как убить время — и неслись одна за другой: бич-пати, лав-пати, увайт-пати, родео-пати и так далее. А фантазия у меня, сами знаете, неумная, так что я каждый раз одевался в Человека-Паука — единственного нормального героя наших комиксов, не считая Дьяболика. Я обожаю Человека-Паука, поэтому...

... В тот вечер я запасся таким количеством кокса, что после вечеринки у меня его осталось дорожки на две, чтобы нюхнуть малость перед тем, как отправиться баиньки. Ведь с алкоголем ты рано или поздно отрубашешься, с кайфом же — нет. Короче, я так нахрюкался, что рухнул в кровать в чем был — в костюме Человека-Паука, даже не пописав. А ключ, блин, я оставил в замке. Приходит, значит, утром Маризела, наша филиппинка, которая на самом деле мексиканка, и натывается на запертую изнутри дверь, и не может ее открыть, час стоит и звонит, никто не открывает. Что делать? Она звонит моей матери в Сан-Мориц, та, в свою очередь, звонит карабинерам, те, в свою очередь, поднимают на ноги пожарных, пожарные приезжают, в свою очередь, громко зовут меня по имени и хлещут по морде, чтобы привести в чувство. «Он жив, но в отключке», — сообщают они маме по телефону.

Открываю наконец глаза: опаньки! Они все стоят передо мной: мама, отчим и братец Пьер. «Ты мне больше не сын! Ты мне больше не сын!» — истошно вопит папаша, трясая меня за опутанный паутинками воротник. А я — ух, какая неловкая сцена — все никак не могу врубиться, где я и что я, и называю его дядя Бен!

Ну, за этим последовала одиссея, о которой рассказывать не буду. Хотя нет, пожалуй, расскажу, опустив монологи матери. Меня заставили немедленно сдать анализы, которые явственно

показали, что я был накачан экстази и кокаином. И тогда мама, моя добрая матушка, поставила меня перед выбором: диспансер или психоаналитик. Разумеется, я выбрал психоаналитика, но вот избежать еженедельного анализа мочи в клинике мне не удалось. Контроль был железным, медсестра внимательно смотрела на мою пиписку, когда я мочился в баночку, и взгляд ее был столь суров, что у меня чуть было комплекс не возник — типа, может, он у меня слишком маленький? Мне пришлось несколько раз прошвырнуться по притонам, чтобы удостовериться, что у меня там все о'кей и я где-то на уровне выше среднего.

С психоаналитиком разыгрывался самый настоящий фарс. Конечно, поначалу я ему не очень-то доверял и много не болтал. А потом мало-помалу стал перед ним раскрываться. Ему хотелось, чтобы я рассказывал обычные пошлые банальности: неуверенность в себе, давление со стороны близких, отсутствие отца, чрезмерные ожидания, тоска, моя зависимость от любых явлений, тревожность. Он очнулся от своего дремотного состояния и даже улыбнулся, только когда я ему выдал, что в толковом словаре, мол, на слове «зависимый» помещена моя фотография. С того момента психоаналитик начал мне немного нравиться, и я даже получал удовольствие, рассказывая ему о своих глупостях. Я несколько переборщил — хоть я и не нюхал в ту пору, зато квасил по-черному — и начал ему расписывать чересчур уж интимные вещи. А он все это передавал моей матери, это к вопросу о договоре между врачом и пациентом. Я это дело быстро раскусил, потому что, стоило мне рассказать о какой-либо очередной пьянке, на следующий же день маман выступала с лекцией на тему о вреде пьянства, что алкоголь разрушает не только печень, но и мозги. И еще нехорошо, мол, что от меня разит за версту.

Тогда я решил поиграть в примерного пациента. Потихонечку начал высказываться в том плане, что вот, мол, чувствую в себе потребность обзавестись семьей, взять в жены хорошую девушку, найти себе занятие да хотя бы пойти работать на одно из предприятий, которые унаследовала моя мать, кирпичи производить. О, мы почему-то производили именно кирпичи, такие, знаете ли — красные кирпичи.

Экс-синьора Сала Дуньяни понемногу успокоилась и смягчилась. Она временно оставила Сен-Сафорин и переехала пожить

в Милан — вместе со мной и Пьеро. Психиатрик тем временем начал выдавать все более обнадеживающие заключения относительно меня. Беседы стали проходить все реже и реже, я перешел к сеансам самоанализа, хе-хе, сумев убедить всех, что мы таким образом еще и денюжат сэкономим.

Через каких-то семь месяцев я вновь пустился во все тяжкие, наркоман несчастный, но зато свободный, черт побери. Свободный принять целый грамм, как сегодня вечером, а потом два часа колбаситься под киношку, у которой нет ни начала, ни конца, только сюжет какой-то нездоровый. Этой теплой ночью, в самом красивом дворике на улице Боргонуово, если не считать дворик Агмапi, я решил, что единственно правильным способом избавиться от кошмара Человека-Паука будет еще разок догнаться, прикончить остатки романа и поехать снять какую-нибудь телку.

Я сел в свой «малджолино» и давил на газ, пока не долетел до Выставочного центра. Там я нарезал два или три круга, выискивая славяночку попримечнее, но все почему-то казались мне транссексуалами. Никаких личных предрассудков относительно транс, я вас умоляю, однако я как-то не готов в самый ответственный момент неожиданно нащупать у девушки мужские причиндалы.

Достав из бардачка «Позвони мне», безотказный в таких ситуациях журнальчик частных объявлений, я набрал телефон наиболее сексапильной телки, проямил какую-то фицию, она мне объявила две сотни, и я хлынул на Корсо-Италия в ее логово. Она оказалась вовсе даже ничего, хотя точно я не помню ни хрена. Бабки она взяла сразу, это я помню, а потом я рухнул в койку. Я был такой умиротворенный, только запах чеснока несколько портил атмосферу. Не знаю, почему в квартирах проституток всегда пахнет чесноком. Ну, я понимаю, что это дело должно укреплять иммунитет, и все такое, но ведь существуют же и традиционные методы предохранения, правильно? Хотя в тот момент мне было совершенно по фигу.

...Скоро я оттуда вышел. Сев в машину, я первым делом отправил Аните SMSку. Параллельно с посланием в моей несчастной голове родилась еще одна игра с фатумом: если она ответит в течение пяти минут, я стану буддистом.

Миндальный пляж* был капризно-изогнутой формы и казался экзотической раковинной.

Мы с Пьером обнаружили это место случайно, еще когда были подростками, и с тех пор пляж стал нашим любимым убежищем, уголком, куда приходишь только с самыми близкими друзьями или с особенными девушками. Всякий раз, отправляясь в Кала-Моли, мы ужасно боялись, что на пляж высадился какой-нибудь француз и построил там себе из палок и листьев хижину. Но бог миловал, и каждый раз мы находили пляж нетронутым, с его неприступными скалами, с мельчайшей белой галькой, ароматом розмарина и набегающими волнами, которые погружают тебя в давно забытое неземное блаженство.

Анита пляж обожала даже сильнее, чем я, равно как одинаково ненавистным для нас обоих был получасовой путь до пляжа по камням и булыжникам. Анита сумела обломать кайф единственный раз, когда как-то летом притащила в отпуск кучу книг какого-то Банана Йошимото*. Я обалдеваю — ведь столько писателей существует в мире, а моя девушка читает такую чушню? Достаточно было заголовки просмотреть, чтобы вообразить себе глубину писаний: Крепкий сон, Ящерица, Цугуми — что-то близкое к цунами, по-моему, какой-то Тупик, а еще N.P., то есть «не состоявшееся». Время от времени Анита с энтузиазмом зачитывала мне отрывки, от которых меня тошнило: там всегда кто-нибудь умирал, вот просто непрерывно умирал, бог мой, что за фигня. И потом, как можно отождествлять себя с героиней, которая во время утренней пробежки останавливается, чтобы выпить чашку горячего чаю?

Вообще-то никаких книг, чтобы предложить ей, у меня не было, уж извините, если, конечно не считать книгами комиксы. Но зато я понял, в чем уникальность Аниты. Ей на некоторое время удалось убедить меня, что пить горячий чай после бега —

* Пляж на острове Ибица, получивший свое название благодаря тому, что окружен миндальными деревьями.

** Современный японский писатель.

вполне возможная вещь. А самое прикольное — это то, что она заставила меня смеяться над самим собой — главное ее достижение — когда я читал ей вслух «Дьяболик», диалоги Евы и Алтеи, голосом своей мамы. А она остроумно парировала, и я сам сгибался пополам от смеха, а потом как придурок продолжал спектакль — нарочно, чтобы затруднить ей чтение. Ну, каков эгоцентрист?

Дьяболик, маски, выстрелы, наркочилеры Генфа, неожиданная опасность и предсказуемое спасение, и, главное, она, божественная и несравненная: Ева Кант. Я убежден, что если бы «Он», как называла его Ева, умер, она все равно бы не сдалась, выжила бы обязательно. С Дьяболиком иначе. Там ему нож в грудь засандалили, Джульетта отдыхает. Это из-за другой пары героев комикса — Джинко и Алтеа, к которым я питаю особенную симпатию, поскольку они на вторых ролях — Дьяболик гибнет. А вот для инспектора Джинко превыше всего карьера. Меня так захватил этот сюжет, что я попытался втянуть Аниту в обсуждение темы, но тщетно. Мы не слышали друг друга. Но мы были влюблены. Пожалуй, днем больше, чем вечером. По вечерам в мою кровь поступал другой адреналин, желания становились мутными, неотчетливыми, белое мешалось с черным, алкоголь с дурью.

Анита на послание не ответила, и, чтобы заснуть, я принял мамин антидепрессант, который так мне помогал во время полета. Это дело мне порекомендовал Беттега. Он по ошибке как-то принял таблетки своей мамы — и поразился их эффективности. Настоящие бомбы.

Может, мне не надо было прилетать на Ибицу и тем более не ходить на миндальный пляж. Но ведь у Пьера был день рождения. Как можно бросать брата, когда ему тридцатник. Пусть я не выносил его цинизма, но все же он был членом нашей семьи, к которому я был наиболее привязан. Если когда-нибудь я окажусь на улице без гроша, с как бы Караваджо под мышкой, у меня хватило бы сил позвонить только брату.

Для меня Ибица всегда означала свободу и опустошение. С младых лет здесь можно было вольно одеваться, как тебе хочется, не боясь ужасов дедушек, без всяких там шотландских брюк. Случалось, что даже моя мать со своим Амедео уходила на Ибице в отрыв и дринчали вместе с нами.

Наш дом на море был мечтой, а не домом: белый, увитый плющом, с толстыми стенами, удерживающими прохладу. Вокруг дома росли столетние оливы. Деревья плотно обступали бассейн неправильной формы (ну, бассейн это громко сказано, сейчас никто не рискнул бы там плавать). Вот в таком славном местечке и тусовалась веселая «кумпа» — компания, от которой я до поры до времени решил держаться подальше. Да никому там особенного дела до меня и не было. Несомненное достоинство этой тусовки состояло именно в том, что если ты молчаливее, чем обычно, или как-то по-особенному грустный, никто к тебе не лез, дабы не нарушать твоё пространство. И тебе не надо было выдумывать разные банальные отговорки, типа «я-устал» или «у-меня-немного-болит-голова». Все мы понимаем, что это всего лишь дешёвые отмазки, потому что, когда у человека действительно болит голова, его об этом никогда не спрашивают по вполне очевидным причинам. Мы просто спрашиваем: «У кого-нибудь есть пирамидон?»

Таким образом никто не интересовался, где я был, тем более — мой брат. Народ был занят костюмами к вечеринке Flower Power, которая должна была состояться нынче вечером в «Паше». Все развлечения организовывал один местный перец по имени Мандиболашцо, красавец мужчина — PR-менеджер в одном флаконе. При каждом нашем набеге на Ибицу он подгонял тачки с водителями, самых утонченных шлюх, неразбодяженный кокаин, а главное — лучшие столики в лучших местах в лучшие часы.

Для Пьера был заказан закрытый VIP-зал в «Паше». Там всегда было полным-полно народу, поэтому нам устроили и «кабинеты», где мы могли уединиться, чтобы пыхнуть и перепихнуться. Специальная тетка из секьюрити должна была следить, чтобы не нагрянули копы. Так что мы представляли самую что ни на есть мафизную группировку.

Но на самом деле мы всего лишь пытались просто поярче прожить подаренную нам жизнь. За свои услуги Мандиболашцо имел навар с суперкокса, которым нас снабжал, и еще, естественно, он был нашим гостем. Хотя он и был золотым пацаном, но за наш столик вот так просто сесть никогда бы не осмелился. А вокруг плебеи, смотрят с завистью — танцуют, танцуют, тан-

цуют, не спуская с тебя жадных глаз. Через некоторое время парни из нашей компании сильно расслабляются, и к ним начинают подкатывать девчонки типа «иметь». Наши бабы испепеляют таких взглядом с высоты своих двенадцатисантиметровых каблучков и шика винтажных платьев по фиг-знает-какой цене.

Для вечеринки я по просьбе этого коммуняка Пьера должен был одеться в стиле шестьдесят восьмого года. Поэтому я и сидел, весь раздраженный, слушая шум волн. Тут проснулся-встрепенулся мой мобильник. В качестве рингтона я закачал шум сливаемой воды из бачка унитаза в доме в Аграте.

Это не могла быть Анита, нет. Точно нет. Она выбрала путь молчания, чтобы потом неожиданно выскочить. Да, она однажды уже так делала, спектакль длиной в неделю, со сценами и расставаниями. О, я же ее знал, это моя женщина. Нет, она бы сама ни за что не нарисовалась. Так почему же я на это надеюсь? Может, за рубеж сообщения долетают с задержками, потому что носят-ся фиг знает где. Или же ее сестрица как-то замылила мое ночное SMS, а Анита обнаружила его только сейчас. А может, был какой-нибудь очередной еврейский праздник, когда грех пользоваться мобильником.

Я набрался мужества и прочитал послание. Блин, лучше бы меня искусила медуза-киллер: «Глиняная божья коровка по-английски будет Earthen ladybird. Выкуси, братец! Лола». Нет, разве можно покупать девочкам семи с половиной лет мобильники? Чтобы она писала своему брату «выкуси»? Я не сомневался, что за всем этим маячили ослиные уши нашего очаровательного отчима. Ну, что посеешь, то и пожнешь, в народе не зря так говорят. Я послал все подальше, отвесил поклон морю, погрузневшему от моих мыслей, и вернулся в Кан-Пеп-дель-Соль, как назывался наш дом. Потом я попросил Мандиболашо съездить со мной на машине в «Холала», самый пафосный бутик на Ибице. Анита всякий раз отрывалась в этом магазинчике по полной программе, хотя предпочитала отовариваться в аналогичном заведении в Лозанне. Бутик на Ибице она — справедливо — называла О-ля-ля! По-моему, потому что была влюблена в хозяина.

Можете себе представить, что значит быть летом без подружки? Да, зимой тебя часто охватывает меланхолия, даже сплин,

как иногда говорят по ящику. Но летом — у-уу! — только не летом. А на Ибице — так вообще запаadlo.

Я закамуфлировал свою душевную тоску в новую рубашку Wrangler и штаны Swinging London, я хотел быть, как Траволта, которого избили палками. Мандиболашчо приклеился к мобильнику, обсуждая с шеф-поваром из «Дивино» наш ужин. Я уже упаковался, а он все трындел по телефону. Тогда я купил для Аниты облегающий шерстяной свитерок. Я знаю, как только она его наденет, я немедленно кончу прямо в штаны.

Мы вернулись в Кала-Моли, когда вечеринка уже началась. Фелиппе, наш филиппинец-бразилец, разливал выпивку, девчонки наслаждались ничегонеделаньем и болтовней, состоящей из комплиментов, хаханек да извечных дилемм: круассаны от Сисси или от Биффи? Сан-Тропе круто или отстой? Тэд в Риме или в Милане? «Армани Кафе» или «Мартини Бар?». Голосовать «за» или «против»?

В отдельные моменты мне доставляло удовольствие нагло вклиниваться в спор, выступая, разумеется, на стороне меньшинства: с понтом показать, кто в этом доме хозяин. Порой я забывал про то, что с девушками «на равных» грубостей лучше не допускать, иначе они немедленно посчитают тебя мужланом. Вообще-то я уверен, что все эти фифы, которые любят словечко «мужлан», только и мечтают о том, чтобы их просто хорошенько отдрючили. На самом деле я вел себя так грубо единственно для того, чтобы прийти в себя после конфуза прошлым вечером у той путаны. У меня все еще болела голова, а обезболивающее я не спрашивал из гордости.

Однако я должен мыслить позитивно, как любил повторять мой психоаналитик, и я попробовал.

Чтобы сделать приятное брату, я расхваливал ужин в «Дивино». Там для нас был зарезервирован наилучший (ха! а какой же еще!) столик с видом на город и на Рокка. Наше меню было оговорено во всех мелочах лично с шеф-поваром. За столом помимо Сала Дуньяни, то есть нас двоих, были еще Альби, Бьянка, Зева, Том, Бетти Котолетта, Руди, Босс, еще двое, которых я вообще не знал, только помнил дома, где они жили, а также Мандиболашчо и три модельки к услугам любого из нас.

Перемены блюд навевали скуку, как кроссворд перед ужином.

Пара бокалов шампанского, местные закуски, услужливые официанты, театрально поданные, но мелкие омары, торт без сюрприза, улыбающийся халдей со счетом и мой братец, бесстрастно подписывающий рутинный документ. Мандиболашчо командует своим шестеркам рассаживать гостей по «рэнж-роверам» с затемненными стеклами. А мы, как телята без перспектив, двигаемся на выход, прорезая очередь в «Паша». Мы опасаемся, что наши обтягивающие брючки не скроют чудовищную эрекцию. Нашим девчонкам тоже нелегко, платица на них столь короткие — словечко, от которого я тащусь: «короткие», — так что и их киски набухают, когда толпа зевак расступается, будто перед ними сразу несколько Пэрис, фамилию не помню, ну та телка, что арендует номера в гостиницах.

К еде я не притронулся, чуть тортика и шампань, и был готов воздержаться от кокса. Я пытался было заговорить об Аните с Бьянкой и Звевой, но она буквально испарилась — даже из их болтовни. Мой вопрос был встречен без всякого интереса.

Только один мой брат — ах, ну зачем же именно он — бросил мне:

— Забудь об этой стерве, думай только о вечеринке. Мы здесь «рулим» сегодня, сечешь?

— Да, знаю. Но как же, блин, тяжело. Просто амбец.

— Мне сегодня тридцатник, и мир в наших руках. Остальные на нас смотрят — и это кайф. Остальных просто нет.

— Твоя правда, засранец.

Я обнял брата, он уже был хороший, и я решил поддать жару нашей компашке, готовой предаться разнузданной оргии и прочим нехорошим излишествам.

Дисотека казалась шабашом в диких горах России, с фантастическим смешением красок и света, с хитами Дженис Джоплин, переложенными в стиле хаус, с яркими девчонками и накачанными молодцами. Мой брат протянул билетик охране, и с завидным постоянством захлопали дверки частных комнат. Мои четыре грамма кокаина улетучились со скоростью света. Я же смотрел на все отстраненно. Мне даже начало казаться, не подхватил ли я какую-нибудь неведомую болезнь. Никогда со мной такого не было.

Некая Мелисса сделала попытку перехватить мой взгляд. Я и улыбнуться ей в ответ не успел, как она уже пристроилась рядышком. Взгляд устремлен куда надо, язычок шевелится с явными намерениями. Но тут как нельзя вовремя звонит мобильник со своим оглушительным сортирным рингтоном. Вообще-то при девках какую фигню не исполни, они все примут за знак согласия. Пришла SMSка от Беттеги! О, верный друг, наконец-то прорисовался в толпе окружающих. «Как там на Ибике, Леон? Я сам сорвался в Биарриц... Анита и Мария Соле пригласили меня с собой на выходные. Надеюсь, это не испортит нашей дружбы, если что — обсудим это позже, в Милане. Обнимаю тебя и поздравь от моего имени Пьера. Беттега».

Я засовываю мобильник в карман, вежливо улыбаюсь Мелиссе, затем выдуваю подряд два бокала шампанского, в два прыжка на улицу — и матерюсь.

9

Сам не знаю как, но мне удалось добраться живым до Биаррица меньше чем за день.

Я орал в аэропорту, как придурок, у которого от отчаяния поехала крыша, и взял билет на первый же рейс до Милана. Да, я еще был одет в костюм Джона Траволты.

Все смотрели на меня, как на экстравагантного чудака, а я был готов плевать в глаза всем тем, кто на меня пялился. Разум мой был словно телевизор без антенны: видишь какие-то точки, силуэты, домысливаешь все остальное. В машину — еще бы, я помчался туда на машине, ну точно, чтобы сбить их вдвоем прямо на месте и чтобы потом послушать, как Анита прошепчет «бабушкино-колючко-в-шкатулке», а потом испустит последний вздох.

Увидев меня, Маризелла пыталась было задавать вопросы — я согнал ее с маминого кресла, в котором она смотрела телевизор, но сразу же поняла, что момент неудачный. Времени толком переодеться не было. Я принял душ, надел белую рубашку и рва-

ные джинсы, так было вернее. Потом тщательно вычистил зубы, я не хотел, чтобы изо рта доносился откат от шампани. Я извел, наверное, литр ополаскивателя, чуть не выпив весь флакон.

Я начал швырять в сумку все, что попадалось под руку, и тут стук каблучков заставил меня вздрогнуть. Нет, это не мама, ее точно сейчас не нужно. Я застыл неподвижно, прикинувшись ветошью, но шаги приближались прямо ко мне. Все, сдаюсь — поднимаю голову и кого я вижу — Лола собственной персоной. На шпильках. Платье от Шанель. Накрашена, как последняя шлюха. Хорошо начинаем!

За Лолой семенила гувернантка-француженка, умоляя: «Мадемуазель Лола, силь-ву-пле», а та орала ей в ответ: «Силянс, плиз!!!» Вот уже целую неделю сестренка не ходила в школу и теперь уже с утра путалась у всех под ногами или со своими феями, или на пуантах. А с сегодняшнего дня уже и на шпильках. Я хотел было сказать ей пару слов, но Лола была настолько захвачена игрой в собственную маму, что из образа не выпадала:

— Ты считаешь, что явился домой вовремя?

— Лола, не валяй дурака.

— Как ты разговариваешь с матерью? И куда это ты собрался?

— ...

— Относись ко мне с уважением! Дети должны уважать своих родителей!!!

— Перестань...

— Нет, ты никуда не пойдешь, а то я не дам тебе больше денег на карманные расходы!

Лола умудрялась вспоминать про деньги, даже играя в дочки-матери. Я ее так и оставил, пока она продолжала бормотать «ты-никуда-не-годный-шалопай» на глазах изумленной и беспомощной няньки. Я вышел из квартиры, хлопнув дверью (ну, я тоже вошел в роль), и сел за руль, не пристегнувшись. На часах была половина двенадцатого утра.

Перед тем как тронуться, я вдруг вспомнил про своего брата. Он, наверное, думает, что я раскумариваюсь в доме у какой-нибудь телки. Я решил позвонить ему, но потом передумал и послал брату какое-то смутное сообщение по телефону. Не знаю даже, получит ли он его.

Я мог бы полететь каким-нибудь альтернативным рейсом, а потом взять тачку напрокат, скажем, ту же «астон-мартин», но мой черный «жучок» казался надежнее. Я туда поставил двигатель от ТТ, и он летал, как реактивный. На моих водительских правах — два раза их действие уже приостанавливали — оставалось еще два балла, но примерным водителем мне надо было быть только до границы, так что я все-таки решил накинуть ремень.

Дорога на Биарриц была для меня классикой. Каждый год в первую неделю мая мы ездили туда с мамой. Одну-единственную неделю в году мы ощущали себя единой дружной семьей, без отца, без отчима, только мама со своими детьми, да плюс еще Ламенто, да няня Лолы. Я и Пьер удерживались от кайфа, даже за ужином вина пили совсем чуть-чуть, хотя и неизменно «Шевалье-Монтраше». Оазис умиротворения в моей беспутной жизни, пусть экс-синьора Сала Дуньяни его таким и не воспринимала. Для нашей мамы Биарritz открыли я и Пьер. Один наш друг как-то пригласил нас туда посерфинговать, мы приехали и, едва увидев город, сразу же вспомнили про маму: элегантные, роскошные дома, бутики, обожаемое ею казино, аккуратные аллеи, а главное — океан, который заставлял тебя чувствовать себя флибустьером. И потом отели — того сорта, что так нравятся маман. Хотя на этот раз ей удалось нас удивить: пожив в «Наполеоне», в том самом номере Эдуарда VII, где, похоже, и вершились судьбы великой Франции, она предпочла «Софитель Таласса Мирамар». Это место мама любила главным образом за лечебный сон — будто она и в Милане мало спала, — а также за хаммам и массаж шиацу. По ее словам, это все приводило ее в равновесие. Может, ей просто следовало поменьше пить? Я бы так ей и сказал, если бы у меня самого была хоть малюсенькая аллергия на алкоголь.

В этот самый отель в прошлом году мама пригласила на пару дней и Аниту. Две женщины относились друг к другу с уважением, но никогда — с обожанием. С другой стороны, нашу маму способны были обожать только куртизанки, для которых она устраивала приемы в нашем доме по средам. В салоне маман велись беседы об искусстве, о культуре, о благотворительности — необходимые единственно для избавления от чувства вины за

свои расходы. Очень любили дамы также поболтать о пластических хирургах.

Все эти смутные, навязчивые мысли пронеслись у меня в голове, когда я пересекал французскую границу, яростно давя на педаль газа. На акустическом фронте в моем салоне давали бой «Ганз'н'Роуез».

Я хрипло ругался под Sweet Child of Mine и Welcome to the Jungle и почти рыдал под напором November Rain, вспоминая каждый раз их клип, когда они там играют свадьбу, а в финале Стефани Сеймур лежит в гробу, боже мой, это просто финиш. Но ни музыка, ни вытянутые в мою сторону «факи» обгоняемых водителей не могли вышибить из моей башки послание Беттеги. Сволочь, в друга решил сыграть, SMS прислал такое сладкое, в конце еще и «поздравь от меня Пьера!». Вот щенок.

Самое печальное — а когда грустно, тогда все честно — мне и поговорить-то сейчас было не с кем. Единственный мой товарищ, способный выслушать меня, тот, с кем мы ходили в колледж, — Стефан, да и тот пропал. Несколько пьянок в разных концах Европы, звонок раз в месяц, я не звонил, всегда он. Да, Стефану я мог бы рассказать всю правду, не чувствуя себя при этом ни идиотом, ни слабаком, ни гадом.

В моем миланском круге любовь почти всегда была делом предрешенным: сначала влюблялись семьи, а потом уже дети, как в девятнадцатом веке, об этом предпочитали не говорить. Кодекс ухаживаний забыт. Никаких утешительных звонков после алкогольных скандалов. Разумеется, жизнь от этого становилась более комфортной, риски сведены к минимуму.

Я пытался отвлечься, горлая песни своим ужасным голосом, но образ Аниты не исчезал с моего ветрового стекла. Понятия не имею, где она сейчас находится, но я найду, найду ее, хоть придется все пляжи обойти с мегафоном в руке. Нет, не так. Найму самолет, напишу на борту «Анита-ты-где?», и пусть летает вдоль побережья. Кто не мечтал бы увидеть самолет, а на фюзеляже — собственное имя?

Меньше чем за семь часов я пересек Францию по горизонтали и добрался до границы с Испанией. Там очень живописные пейзажи, напоминающие мне Тоскану, Швейцарию и немного Шотландию. В Шотландии, я, правда, ни разу не был, но пред-

ставлял ее себе именно такой. И вот наконец после бесконечно-го серпантина я вижу Биаритц, его белые дома под черным небом, гран-пляж и тяжелые океанические волны. Напоминает картину художника, страдающего манией всемогущества.

Сердце затрепетало. В волнении я не сразу сориентировался, где этот чертов отель «Таласса», в котором наверняка остановилась Анита. Я бросил машину парковщику, вбежал в холл, растолкал людей у ресепшн и спросил, где она — Анита Розенбаум. Консьерж был прежний, он узнал меня и приветствовал:

— Добрый вечер, мсье. — Он сразу понял, что я в отчаянии, и, усадив меня за длинный стол в зоне для VIP-ов, спросил, в чем проблема. Не знаю, почему, но проблему я изложил:

— Я ищу свою девушку, Аниту Розенбаум, вы ее помните? Ростом с меня, очень миловидная, волосы длинные, грудь небольшая. Она должна была приехать сюда с моим лучшим другом Беттегой, то есть с Джильбертом Риккобальди. Они здесь? Вы не могли ее не заметить, у нее розовые туфли от Manolo Blahnik на десятисантиметровых шпильках.

Можете представить выражение его лица. На мгновение я ощутил некую симпатию к этому бесстрастному синьору и даже попытался представить себе его жизнь вне смокинга. Но только лишь на мгновение, уж извините, у меня был объект, который занимал все мои мысли в более драматичной форме. Пока консьерж искал «Анита Розенбаум» в компьютере, я подвинул к нему неизменные пятьдесят евро. Он с достоинством отодвинул бумажку. Похоже, я действительно внушал острую жалость, и ему пришлось использовать весь свой такт, чтобы объявить мне:

— Сожалею... — Аниты здесь не было. — Возможно, она в «Наполеоне»... Если желаете, я позвоню.

Несколько мгновений он смотрел на меня глазами старого дядюшки, а, потом, пряча улыбку, произнес:

— Только ради вас, мсье Сала Дуньяни.

Не знаю почему, но я успокоился. Мужчина набрал «Отель дю Пале» и попросил соединить его лично с каким-то Шарлем, потом долго излагал тому суть дела на чудном местном диалекте, сделав мне знак подождать. Окончив разговор, он удовлетворенно положил трубку и подтвердил, что да, Анита Розенбаум числится среди постояльцев «Отеля дю Пале», номер 417.

Значит, она была в «Наполеоне», все-таки она была в «Наполеоне»! Все, что угодно можно говорить о нас, богатых, за исключением того, что мы непредсказуемы. Консьерж не сказал больше ничего, лишь посмотрел на меня взглядом сообщника по заговору, хотя мы до этого не виделись и не слышались. Я оставил пятьдесят евро на стойке, быстро повернулся и ушел, чтобы избежать повторного протеста. Да, Анита была здесь, в Биарритце, и никуда отсюда не делась. На меня неожиданно навалилась усталость после проделанного пути и бессонной ночи, но я не рухну, прежде чем не поговорю с ней.

Я вошел в «Отель дю Пале», громко печатаю шаги в своих военных ботинках, будто я и в самом деле Наполеон. Страх во мне не было, более того, я был почти счастлив, предвидя то, что должно было произойти. Когда развязка уже совсем близко, тревога уходит, остается лишь желание покончить с этим. Все убыстряя шаг, я направляюсь к лифтам и тут краем глаза вижу в углу одного знакомого парня в костюмчике для морских прогулок. Он и глазом не успел моргнуть, как я выпалил:

— Я пришел поговорить с Анитой... Сиди здесь и не рыпайся.

Увидев меня, Беттега буквально окаменел. Не знаю, как он еще в обморок не упал, сука. Надо было плюнуть ему в лицо, да уж ладно. Мне стоило больших усилий удержаться, поскольку явление Беттеги свидетельствовало о том, что фильм был правдивый, и с ужасным сюжетом. Мне так хотелось надавать ему по роже как следует, но я не мог упускать своего последнего шанса.

Я вошел в лифт и поднялся на четвертый этаж. Подойдя к 417-му номеру, я заметил, что у меня дрожат руки. Чтобы успокоиться, я стиснул свитерок, что вез Аните в подарок. Возможно, это поможет мне смягчить ее сердце, пусть хотя бы ненадолго. Я не должен плакать, я не должен плакать, я не должен плакать. Я побеждаю в игре с фатумом и не плачу.

Анита открыла довольно быстро, поддавшись на мою уловку — я постучал в дверь особенным образом. Она была без обуви и в розовом платье с большими цветами. Выглядела она великолепно, лицо сияло. Наверное, вчера днем они загорали. Анита так удивилась, что вся затрепетала, или, может, она и была в таком состоянии до моего появления.

Я не очень хорошо помню эту сцену, но постараюсь восстановить.

— Леон...

— Что делает в холле Беттега?

— Леон...

— Ну и? Где Мария Соле?

— Не спрашивай, и мне не придется лгать.

— Нет, сейчас самое время объясниться. Ты не можешь избавиться от меня вот так просто, выкинув три года жизни. Ты не хочешь больше видеть меня только из-за того, что тебе в ванной попался забытый шарик кокаина.

В этот момент зазвонил телефон. Опередив меня, Анита поспешила взять трубку. С ресепшн звонил испуганный Беттега. Подняться в номер он не осмелился, подлый трус, и прощупывал почву на расстоянии. Пока Анита смущенно отвечала ему, я оглядывал комнату в поисках следов присутствия мужчины. Анитина косметичка, платье от Dolce, дорожный чемодан Русси, который я ей купил в Лозанне, старая сумка Vuitton, а в углу ее обувь. У меня сердце екнуло, когда я заметил пару от Маноло Бланик у кровати. Анита продолжала что-то негромко говорить, но тон ее голоса был твердым, спокойным и одновременно повелительным. Так было всегда, когда решение ею уже принято. В свои двадцать пять она была вполне состоявшейся личностью. К двадцати пяти годам все взрослеют, но девушки, как известно, быстрее.

Она подошла ко мне, глаза опущены, вид нерешительный.

— Я не хочу разговаривать здесь... Может, пойдем прогуляемся, ты как? Дождь только что закончился, а запах мокрого песка меня так успокаивает.

— Я просто обожаю запах дождя.

Я не знаю, зачем произнес такую глупость, наверное, чтобы Аните понравиться, чтобы дать ей понять, что мы по-прежнему Опе. У меня от дождя кишки выворачивает. Единственные запахи, которые приводят меня в хорошее настроение, это запах бензина, запах бумаги, на которой печатают комиксы, запах свежескошенной травы и запах жареного лука. Но сейчас не время для дискуссий.

Анита надела сапожки, чуть подкрасилась, стянула волосы и, даже не посмотревшись напоследок в зеркало, открыла дверь

и взглянула на меня. Я последовал за ней, как побитый, но еще не прирученный пес, готовый к последнему броску.

— Вот, я купил тебе на Ибице. Я переживал, что ты по вечерам будешь мерзнуть...

Не сказав ни слова, Анита накинула свитерок на плечи, вышла из номера, дверь за ней захлопнулась. В лифте мы отстранено смотрели друг на друга, как на дуэли, практически не дыша.

Наверное, я любил ее.

10

Когда дверцы лифта раскрылись, Беттега все еще сидел в углу, весь скукоженный и напряженный, как все сукины дети этого мира. Анита попросила меня подождать, затем подошла к Беттеге и произнесла несколько коротких, чеканных фраз, а потом погладила его по спине. Это мне весьма не понравилось, но в тот момент я настолько сохранял самоконтроль, что никаких внешних реакций не последовало.

Мне удалось не произнести ни слова, но глаза я был вынужден опустить, когда выходил из «Наполеона» вместе с Анитой. Я ощущал на себе десятки взглядов, хотя публика смотрела скорее на розового фламинго, который грациозно переступал лапками, будто исполнял дивный танец. Мы шли молча минут десять вдоль моря, на расстоянии друг от друга. Южный ветер разгонял последние оставшиеся облачка. Я был счастлив. Анита была всего в нескольких сантиметрах от меня, она шла спереди, я чуть сзади, едва не касаясь ее.

— Как думаешь, не сходить ли нам в Сан-Мартин?

— До маяка? Отлично, Ани.

До маяка было не близко, и это меня несколько успокоило. Разговор у нас выйдет долгим, а Беттега пускай весь изведется — ублюдок — этот удар он пропустил. Но в тот момент я не боялся никого, даже самого себя.

Мы подошли к маяку, который должен был осветить, образно говоря, финал нашей с Анитой истории. Сев на какие-то желез-

ные ящики, мы еще некоторое время повздыхали, и наконец Анита заговорила. Казалось, она произносит вслух хорошо знакомый текст, цитируя много раз прочитанное и аккуратно разорванное письмо. Ей бы еще такой взгляд с поволокой — и вышла бы идеальная театральная актриса.

— Ты всегда думал, что если мне нравится, чтобы мною командовали в постели, то ты можешь командовать мною и в жизни. Ведь правда, Леон... Сейчас не время для дурачеств. Настал момент, когда мы должны сказать, зачем мы оба здесь: в самой западной точке Франции, где морская соль разъедает даже твои ботинки. Ты, наверное, думаешь, что я твой трофеем, раз уж я позволяю иметь меня во все дыры, так ведь? Ты считал, что я настолько сгораю от страсти к тебе, что закрою глаза на то, что ты пилил всех этих девок в дискотечных сортирах... А потом возвращался ко мне и говорил, что ходил пыхать с Руди. Ты думаешь, мне хорошо было в тот вечер, когда мы поругались и я ушла... А потом ты звонишь и говоришь: «Еще пивка выпью и приеду!» Ты был уверен, что я не узнаю, как в прошлом году ты ездил в Сан-Мориц с Гретой? Она вернулась с таким же точно загаром, как и у тебя, а братец твой был бледным, как обычно, ясное дело, у него же был моновуклеоз. Что, так и надо было продолжать делать вид, что ничего не происходит? Любовь такая штука, всегда кто-то отдает больше, и это вовсе не значит, что он в проигрыше. Но приходит момент — надо набраться мужества и заявить: хватит. Ах, извини, раз уж мы об этом завели речь... Что скажешь по поводу упаковок с презервативами в твоем комод, они ведь постоянно обновлялись? Да, это правда, я лазила по твоим ящикам, что было, то было, но я получила ответ. Потому что ответы дают только факты, а вовсе не слова. Именно поэтому я решила с тобой больше не разговаривать. Мое молчание — это моя боль, моя жертва, мое страдание, если хочешь.

Только не надо думать, что я тебе ни разу не изменяла, ладно? Изменяла. Один всего раз, правда. Ну, согрешила. Я себя чувствовала совершенно раздавленной, и подумала, что если не попытаюсь поквитаться каким-то образом, то потеряю все, и свое достоинство в том числе. Я тебе никогда не скажу, кто это был, но не переживай, он не из наших друзей. Настоящая проблема — это ты сам, Леон. С каждым днем ты становился

все дальше и дальше от образа, который я создала для себя. На самом деле влюбляются не в человека, а в его образ, иначе так всю жизнь можно провести в одиночестве. Твой образ был безумный, бесшабашный, по крайней мере до тех пор, пока ты сохранял самоконтроль. После веселых вечеринок ты всегда искал мое тело, но сексом занимался практически сам с собой. Тебя выпивка заводила, а вовсе не любовь. Тебя кокаин возбуждал, а не я. Ах, не нравится, как я говорю? А разве не таким языком следует разговаривать с девушками, которые спят со всеми напрапалую, как я? «Телки», как ты любишь говорить. Именно поэтому я стала спрашивать себя, что меня с тобой держит: мне двадцать пять всего, не шестьдесят, вся жизнь впереди, я не хочу ничего упустить... Ты же меня только на дно тянул. Ты готов был утопиться вместе со мной в своих джакузи с шампанским. Меня от этого шампанского просто тошнит, ты никогда не замечал? Да, поначалу заниматься глупостями с тобой было даже прикольно: мы нюхали вместе, а потом занимались сексом, как в фильмах, в окружении больших зеркал, в которых отражались наши чудачества... Потом эти игры начали мне надоедать... Честно говоря, мне жаль вываливать это все на тебя так сразу, одним духом, но раз уж ты сюда приехал аж с Ибицы, то, наверное, именно за тем, чтобы это выслушать.

— ...

— ...

— Ты еще можешь спасти меня, Анита.

— Я — нет. Я могу тебя выслушать, могу тебя подождать, могу представить себя на твоём месте, но не проси меня спасти тебя. Это было бы неправильно да и не получится. Я долго ждала, но в конце концов не выдержала. Может, мне надо было быть понастойчивее со своими ультиматумами. Хотя ультиматумами победу не одержишь, по крайней мере в этой игре. Но ты же меня все-таки любил, чуть-чуть, правда, Леон? Ты любил меня или ты просто меня имел и все?

Я взял ее голову в ладони, как делал это раньше, и принялся целовать, не давая ей произнести больше ни слова, сдерживая ее протестующий язычок. Я казнил Аниту своими поцелуями. Я ласкал ее шею игривым прикосновением первых свиданий, когда мужчины хотят показать, на что они способны: вызывать у де-

вушки дрожь и истому, доставлять наслаждение, как никто другой на свете. Анита ответила на мою ласку — скорее от усталости, нежели от желания. Напряженность прошла, и во мне вспыхнуло чувство обожания к ней, к моей богине.

Стемнело, и мы, не сговариваясь, отошли в сумрак прибрежных утесов, освещенных тусклой луной. Во искупление всех своих мыслимых и немыслимых грехов я предпринял отчаянную попытку в эти немногие, но бесконечно долгие минуты доставить наслаждение своей девушке, прильнув устами к ее лону — только ей, забыв о себе, о своих трофеях и своем эгоизме. В этот момент Анита казалась игрушечной, жесткой и сладкой, счастливой и грустной, и девочкой и женщиной одновременно. И она ускользала от меня. Я не понимал ее реакций, я терялся и не знал, что делать, и я вдруг жутко оробел. Я неожиданно стал неловким, неуклюжим — так бывает, когда переполнен любовью. Действую, как робот и чувствую себя полным дураком. Может, это и есть высшее проявление чувств? Не знаю, догадалась ли об этом Анита. Она тяжело, прерывисто дышала. Я в тот момент понял, что нет на свете актрис талантливее, чем обычная женщина, и сомнения закрались в мое сердце.

Мне захотелось разорвать ниточку ее трусиков под платьем, я обожал это делать зубами, но Анита меня остановила. Не место и не время. А может, просто я не завелся как следует, у меня элементарно не хватило смелости.

Я поднял голову с ее колен и обнял крепко-крепко, не желая никуда отпускать. У меня не было ни слов, ни желания говорить. Меня охватила тоска, потому что я понял, что Анита не вернется. Понимание некоторых вещей приходит вдруг, внезапно. Луна, утесы, мое пылкое желание, блеск ее глаз и все такое... Я явственно осознал, что наше расставание неизбежно. Вот и все.

Я все испортил. И на данный момент иных вариантов не было.

— Видишь, Леон, наша с тобой история могла бы продолжаться — подарки друг другу, поцелуи на пляже. Но я больше не уверена, что все это мне нравится. Да, я знаю, это противоречит всему тому, что я тебе тут наговорила. Но если бы любовь имела смысл, с нашей жизнью было бы все ясно. В общем, что

касается меня, то мне, кроме тебя, был бы никто не нужен. Знаешь, давай пойдем обратно в отель. Уже час, как меня ждут к ужину.

Это был удар милосердия.

— Значит, ты теперь с Беттегой...

— Джилберто здесь только на уик-энд. Ни больше и ни меньше. Жаль, что ему не удалось поговорить с тобой, хотя, может, ему и нечего было сказать. Я бы хотела, чтобы вы оставались друзьями. Я вот по-прежнему подруга и Марилу, и Эммы...

О, как я ее ненавижу! Откуда она узнала про Эмму, про Марилу? Кто ей мог рассказать? И потом, зачем рассказывать про плотские утехы? Ведь это только плоть, только тело, всегда готовое согрешить. Только в этом и состоит удовольствие, если только это не очередная иллюзия.

Я шел рядом с Анитой, за руку не держал, даже не касался, но смотрел, смотрел на нее неотрывно. В какое-то мгновение я не удержался и поправил свитерок, завязанный на ее плечах. Я был слишком уставшим, слишком подавлен, чтобы о чем-то просить Аниту. Я боялся, что случайное слово разрушит идиллию, в которой я ненадолго оказался.

Простились мы холодно, без объятий и поцелуев, больше того, я специально отошел на несколько шагов — чтобы уязвить ее, а может, надеясь, что она раскается и бросится ко мне. Ничего подобного.

Я проводил ее взглядом, потом вошел в казино и решил нажраться.

11

Ночь я провел в полицейском участке.

Не помню, сколько рому с кока-колой я выпил в том казино, оставил тысячи две на блек-джеке, чтобы, значит, впрыснуть адреналинчику, потом подцепил одну синьорину из тех, что сами к тебе клеятся. Во Франции почему-то эти девчонки обходятся намного дороже, чем где-либо. Наверное, я излишне расслабил-

ся, потому и заикнулся на этой телке, и на бабки синьорина меня развела конкретно.

Из казино я вышел отжатый по самые не хочу. Я никому не был нужен. Я был никем и звать меня никак. Красивый проект, забытый в конструкторском бюро, милый костюмчик, который нравится всем, но идет в уценку. Мажор, которого общество осуждает и нисколько не жалеет, ибо любые грехи можно простить своему ближнему, но только не богатство.

Тут мое внимание привлек длинный ряд зеркал на автомобилях, в которых отражалась моя злоба. Я размахнулся и разбил кулаком одно, потом следующее, потом еще и еще. Так я и шел по улице, расфигачивая зеркала одно за другим, наслаждаясь звоном битого стекла. Потом я начал пинать дверцы автомобилей. Машины были аккуратно запаркованы вдоль чистеньких домов, они ни в чем не были виноваты, только в том, что попались мне под руку, а больше никого, чтобы вздрючить, к счастью, не оказалось. Бетегга сейчас, наверное, с Анитой, сволочь... Я колодил, колотил все сильнее и сильнее и даже подумал, что вот не напрасно когда-то околачивал груши в Даунтауне.

Я не успел дойти до конца улицы, как меня повязали двое полицейских. Резко и решительно мне заломили руки назад. Наверное, они мне плечо вывихнули, потому что я и дернуться не мог, хоть и пытался. Меня запихали в полицейскую машину и отвезли в участок. Как в кино, которого я насмотрелся вволю, у меня изъяли бумажник и Rolex Daytona '93. Такие были у Николаса Кейджа в культовом фильме «Возвращение в Лас-Вегас». Чтобы я не повесился, у меня отобрали ремень и шнурки, во Франции всегда все чересчур. Потом сняли отпечатки пальцев — шикарный момент — и еще сделали два классических снимка. Тот, что сбоку, должно быть, получился ужасно. Профиль невыразительный, да и волосы торчат в разные стороны. Блин, как только выйду, обязательно схожу к профессиональному парикмахеру.

Я был настолько пьян, что со мной особо не церемонились. Когда я потребовал, чтобы мне дали позвонить брату, мне сказали, что во Франции звонок своим близким разрешается сделать только на следующий день после задержания. К счастью, эти близкие были моими, и они вряд ли озаботились бы моим долгим отсутствием. Меня затолкали в маленькую ободранную камеру

с двухъярусными шконками. Слава богу, там никого больше не оказалось. Двухместный номер на одного. Я забрался на верхние нары и, хотя обоняние мое было сильно притуплено ромом «Гавана», все равно почувствовал невыносимый смрад от простыни. Присмотревшись, я обнаружил прилипшие к белью кусочки дерьма. Это еще откуда здесь взялось? Неужели полицейские мне специально в постель нагадили? Ах, да, во Франции не умеют пользоваться биде.

Я хотел было посмеяться над своим положением, но сил уже не осталось, и я, как последний бомж, провалился в тяжкий сон: рот открыт, слюна стекает, храп на всю камеру. Некогда белая рубашка стала совершенно серой (видела бы ее мама!), джинсы в лоскутах (видела бы их мама, впрочем, если бы она увидела все это вместе, ее реакция была бы одинаковой).

Через каждые два часа меня будили, чтобы удостовериться, что я жив — это у них просто идея-фикс, — а в восемь утра спросили, что я намерен делать. До меня дошло, что мне следует вызвать адвоката, и я помаленьку начал въезжать, в какую хреновую ситуацию меня угораздило вляпаться. Странно, но это меня почему-то веселило, хотя плечо и ныло от боли. У меня не было во Франции знакомых адвокатов. Единственный человек, которого я знал и которому доверял, был Стефан. Недолго думая я набрал его номер.

Он все никак не мог поверить, что я действительно нахожусь в полиции и что мне в самом деле нужен адвокат — и чем скорее, тем лучше. Стефан в этот час был уже на работе в своем бюро в Монпелье. От Биарritz не так далеко. Он приказал мне сидеть смирно (оказывается, он знал меня лучше, чем мне казалось) и через час прислал ко мне своего доверенного семейного адвоката, мсье Дегурса.

Мсье Дегурс был человеком немногословным, неприметным, но — что меня поразило — говорил со мной на безупречном итальянском. Он объяснил мне, как надо себя вести и что делать, чтобы аннулировать протокол о правонарушении. Проблема состояла в том, что меня повязали прямо на месте преступления, и это все осложняло. С другой стороны, мне сильно повредили лопаточную кость, и мсье Дегурс сумел произвести взаимовыгодный обмен моего поврежденного плеча на безуп-

речно чистый протокол. Правда, доплатив еще восемь тысяч евро за причиненный ущерб, естественно. Добавим еще две штуки в знак расположения к мсье. Чего не сделаешь ради дружбы, правда?

На выходе, прямо-таки как в пошлых фильмах, меня встретил Стефан. Он оставил бюро, вызвал шофера и примчался в Биарritz, чтобы встретиться со своим единственным школьным другом, товарищем по колледжу. Я едва успел попрощаться с мсье Дегурсом, как тут же мгновенно оказался во власти собственных спонтанных реакций. Я непроизвольно обнял Стефана и зарыдал. Уткнувшись лицом в его плечо, я вдруг ощутил то, чего давным-давно не ощущал: голос своего тела, которое в этот момент плакало, просило, умоляло о сочувствии. В тот раз мне впервые вспомнились слова дедушки, когда он советовал прислушиваться к голосу собственной натуры.

Мне решительно было наплевать на все: что от меня воняло, что я стоял посреди дороги, что я пополнил ряды французской шпаны, а главное, что Беттега, скорее всего, спал с Анитой. Мне надо было поплакать. Стефан молчал, не двигаясь.

Солнце стояло высоко, небо сияло безупречной голубизной.

— Сте, ты подкинешь меня к моей тачке? Я ее вроде у «Таласса» запарковал... Блин, я уже здесь совсем не ориентируюсь, море в какой стороне?

Стефан отдал своему водителю какое-то распоряжение, затем усадил меня в машину, и через несколько минут я вновь увидел человека, который, как я полагал вчера вечером, оказал мне по жизни неоценимую услугу, а на самом-то деле всего лишь помог судьбе настучать мне как следует в бубен. Слава богу, Стефан вошел со мною вместе, а то мы чуть было не испортили к чертям репутацию отеля. Консьерж подошел ко мне с видом доброго дядюшки и, как обычно, пригласил меня присесть за продолговатый журнальный столик.

— Синьор желает остановиться в нашем отеле или вы просто заехали за автомобилем? Из-за него переполюшился весь наш персонал.

— То есть?

— Мы думали, что вы на нем уедете, а вы убежали. К счастью, швейцарский номер вашего автомобиля я помнил, он был

у нас зарегистрирован, вы ведь к нам до этого приезжали, поэтому я был уверен, что вы обязательно вернетесь за машиной.

— О, я вам так благодарен, но я хотел бы немедленно уехать, мне нужно в Милан.

— Не хочу быть навязчивым, но если вам требуется массаж или вы пожелаете воспользоваться нашими услугами, мы были бы рады принять вас на денек — вас и вашего друга.

Да, это не помешало бы, однако сие место пробуждало в моей памяти слишком много воспоминаний. Мне нужно было бежать отсюда, бежать как можно скорее, невзирая на поломанное плечо. Мне было интересно, оказался бы консьерж столь любезен со мною, если бы я не оставил ему накануне вечером полтинник. Скорее всего, да, потому что симпатия не всегда зависит от денег. В определенных ситуациях доброе расположение приносит гораздо более ощутимые результаты, нежели банальные товарно-денежные отношения. Хотя он мог так себя вести из уважения к моей матери — госты идеальной во всех отношениях. Кстати, вот и мама — не прошло и двух дней, как она аккуратно прозвонилась.

К счастью, я все еще был в «Таласса», поэтому с комфортом устроился в уютном креслице, в уголке.

— Чао, ма... В Биаритце! Ну да, я знаю, что день рождения на Ибике... Нет, ты все правильно поняла... Так, маленькая засада... В «Таласса»... Какой крем тебе купить?... Погоди, сейчас возьму ручку, запишу, а то так ни фига не запомню... Извини, нервничаю чего-то... При чем тут одеколон?... Да нет, все тот же — «Маньфико»... Да, тот самый, точно... Нет-нет, номер чудный, тот, над бассейном... Нет, со Стефаном, с моим другом по колледжу... Да, я не должен был его бросать, ты права... Архитектор... Конечно, только в студии с его дядьками, а я типа инженер нашей славной кирпичной фабрики... Я не повышаю голос... Чего-то на линии, из Портофино всегда фиг дозвонишься... Если я к вам туда не приезжаю, то это вовсе не означает, что мне неизвестно, как там работает мобильная связь... Да, я знаю, у тебя Swisscom... Привет ей передавай... Да, как прошел выпускной по классике?... Беденькая... Ну, она же не специально... Чего тут смешного... Ладно, мама, подумаешь, бубен уронила... Нет, сейчас нет... Давай... Чао, Лола, как твои дела, лапа? Не бери в голову, ты все равно

лучшая балерина... Знаю, знаю, *port de bras** у тебя всегда получался хорошо... Не накручивай... Откуда мне знать, как переводится «веник»? Ты же в английскую школу ходишь... Не, понятия не имею... Двадцать евро... Тридцать евро... Не знаю, дай мне маму... О'кей, целую тебя... Чао, ма... Да, Лола молодец, у нее все получится... В семь лет, конечно... Я знаю, что мы для тебя все одинаковые, знаю, знаю... Сегодня солнце, так, вроде ничего... У Сагасепи у меня примерка на следующей неделе... Третья уже, по-моему... Черт, извини, в эти дни меня немного достали... Ну так, переволновался немного... Я отослал свои резюме в Астор, целых три... Ну, если бы мне Амедео еще помог... Да знаю, что я не виноват, что меня на целый месяц оставили одного в этой проклятой студии... Что мне там было делать... Амедео помогает, как может... Ладно, не плачь... Ты вовсе не виновата!.. А сейчас чем занимаешься?.. А, в Африке... Мне кажется, замечательная инициатива... Почти бросил, не больше десяти за день, так, после кофе... Нет, два бокала в день, правда, пара за обедом и все... Конечно, «Шевалье-Монтраше» я тоже попробовал... Ничего подобного... В казино... Бразильское шоу, две партийки в блэк-джек... Нет, зачем мне продавать машину? Некоторые вещи надо делать только в Кампене!.. Ну так, просто пошутил... Да нет, не злюсь... Я тебе ничего не купил, потому что здесь распродажи, а я знаю, ты уцененку ненавидишь... Уж я бы тебе купил пальтишко от Dior... Сейчас же лето! Я не повышаю голос... Да опять что-то на линии... Давай сменим тему?.. Мы поговорили и пока больше не встречаемся... Нет, религия тут ни при чем, просто не сошлись характерами... Знаю, что она тебе никогда особо не нравилась... Я ни в чем тебя не обвиняю, мама!.. Нет, со мной все в порядке, я отдыхаю... Не переживай... Да, я помню, однажды я просадил тридцать пять тысяч евро... Совесть потерял... Понимаю, это не проблема денег, а то, что деньги требуют уважения... Да ничего я тебя не разыгрываю... «Кадиллак-эльдорадо» не видел, но вот одна «феррари» у отеля припаркована... Если хочешь, сделаю фото... Ты права, это вульгарно, конечно... Ну иди, купайся... Я тебя тоже люблю... Целую.

* Балетная поза: стоя, одна рука в сторону, другая вверх, одна нога прямо, другая выставлена назад на носок.

Стефан стоял рядом с моим креслом и терпеливо ждал, будто имел в своем распоряжении все время мира. Он не сильно изменился: может, чуток нарастил мяса и уже не выглядел как ловец, но зато приобрел во внешнем облике нечто, что резко отличает французов от прочих европейцев. После двадцатиминутного разговора со своей матушкой я сумел произнести всего два слова: «Увези меня».

12

Похоже, я заснул моментально.

Стефан отпустил своего водителя, предупредив, что в бюро не вернется, затем сел за руль моего «мадджолино» и решил, что лучше всего сейчас отправиться к нему домой в Перпиньян. Перед тем как окончательно отрубиться, мне показалось, что он сказал именно это, да-да, он так и произнес — *ma maison*. Слава богу, хоть один близкий человечек, давно пропавший с горизонта, но оттого ничуть не менее дорогой. Ниточка, связывавшая меня с беспечными годами в Эйглон-колледже.

Что касается среднего образования, тут все решала моя мать. А я, само собой разумеется, не возражал. Этот колледж пользовался репутацией самого строгого в Швейцарии, из тех, что формируют в юношах идеалы моральной чистоты, чести, твердости и самодисциплины. Запрещены мобильные телефоны, наличные деньги и кредитные карты, ровно в двадцать два часа отбой. И самое главное — прилетать в школу на вертолетах, что моя матушка считала ужасно непедagogичным — тоже было запрещено. Таким образом мне пришлось жить строго по уставу, который я обязан был прочитать и подписать, правда, заплатив сперва годовую плату в семьдесят тысяч франков плюс пять тысяч на депозит, еще три тысячи — на униформу *Eagle Association*, разные там страховки, и, разумеется, родительский взнос на нужды школы, от которого ни один родитель не смел уклониться. Короче, идеальная модель для моего здорового роста.

Однако должен признать, что преподаватели там были достойные, и если бы у меня имелась хоть толика позитивных устремлений, я, несомненно, научился бы в колледже намного большему нежели сматываться оттуда вечером по субботам или как лучше прятать в комнате жрачку.

Слава богу, в этом маразме, который гордо назывался порядком, меня заселили в комнату — такую, знаете, со светленькой мебелью, аккуратными полочками, прямо Ikea какая-то — с классным соседом, которого звали Стефан. Мы друг друга понимали с полуслова, хотя и разговаривали на смеси французского и итальянского. Это специфическое общение стало нашей с ним фишкой.

И вот я вновь встречаю его, и у меня такая уверенность, что я встречаю человека более одинокого, чем я.

У Стефана не было брата, которого он мог бы обожать или ненавидеть. Родители его — люди необычайно жесткие. Отец — армейский генерал, мать из парижской аристократической семьи: у такой пары не мог не появиться сын-гомосексуалист. Я, правда, никогда не был в этом уверен на сто процентов, но и в ужас от такого расклада не приходил. Стефан казался таким незащищенным, и я всегда старался оградить его от насмешек окружающих. Первый раз в своей жизни, а возможно, и единственный, когда я был движим тем, что можно назвать чувством солидарности. Часами я выслушивал истории про его одиночество, как он таскался по всему миру вслед за родителями, про неуспынный надзор нянек из Эфиопии и Панамы, об отсутствии товарищей по играм, о запрете разговоров за столом. Его папа с мамой, правда, имели право поговорить, но все равно молчали, поскольку не знали, что сказать друг другу. До семнадцати лет Стефан ни разу не был на пляже, то есть он, конечно, иногда проводил каникулы на море — но на яхте. А так, чтобы растянуться на песочке и поджариться, как следует, такого не было. Моя же семейка напоминала рынок Вуччириа в Палермо или какой-нибудь базар в Редджо-Калабрия, не знаю, с чем и сравнить, главное, что в этих местах на Юге все постоянно шумят, и поэтому ты себя ощущаешь в своей тарелке.

Машина резко затормозила, и я проснулся. Звучала песня Ван Моррисона, которую я считаю самой красивой песней

о любви всех времен и народов: Have I Told You Lately That I Love You?

Я открыл глаза и увидел, что Стефан поет, не отрывая взора от дороги. Тонкий профиль, выдающийся нос, черт возьми, он был в точности похож на Паоло Уччелло, портрет которого висел в нашей библиотеке, ну просто копия.

— Ты ведь голубой, правда?

— Зачем спрашиваешь, Леон, если и сам все понимаешь?

— Ну, так, кое-что уточнить для себя. Я понял по твоей манере вести: геи машину водить вообще не умеют, и ты еще одно тому доказательство. Резко тормозишь на повороте вместо того, чтобы чуть сбросить...

Стефан улыбнулся мне обезоруживающей улыбкой. От него веяло такой братской приязнью, что я чувствовал, что он и в самом деле бесконечно близкий мне человек, хотя от этой мысли мне становилось как-то не по себе.

— Леон, ты что, злоупотребляешь коксом?

— С чего ты взял?

— У тебя кровь идет из носа.

Эlegantнейшим жестом — о, как подобные манеры нравились моей маме! — Стефан извлек из кармана носовой платок и протянул мне. Блин, опять у меня кровь, опять. В последнее время все чаще и чаще, даже если я и не усердствовал особо с дозами. Принимая во внимание последние приключения, иммунно-защитные свойства организма, видимо, истощились до минимума. Моя несчастная плоть молила о пощаде.

Я не спешил утирать кровь. Сначала я достал мобильник и сфоткал самого себя. Меня прикалывало, как у меня кровища из носа хлещет. Когда я замечал такое по утрам, цифровой камеры, как назло, под рукой не случалось. Я теперь, наверное, распечатаю этот снимок в большом формате да и повешу у нас дома — над кроватью Лолы.

Вот так, обменявшись колкостями, Стефан и я признались друг другу в собственных пороках.

— Что, по-твоему, лучше: быть педиком или наркоманом?

— В нашем доме, Стефан, лучше быть педиком, вне всяких сомнений.

— А вот у нас — наркоманом!

— Ага, а вот если бы одновременно — и педик, и наркоман, это был бы аллес.

Мы стали ржать, и впервые я не чувствовал себя неловко в компании с голубым. Как-то летом, на Ибице, мне довелось познакомиться с одним. Было понятно, что он на меня глаз положил, он мне предложил выпить в одном из чирингuitos, смотрел на меня похотливым взглядом — еще одно слово, от которого я тащусь, похотливый — а главное, смеялся над моими шутками, в которые вообще никто не врубался. Этот крендель все трндел и трндел без умолку, а я все заказывал и заказывал: чистую водку, водку со льдом, водку с лимоном, ну и водку с тоником — для разнообразия. А потом ситуация обострилась, парнишка возбудился настолько, что стал как бы невзначай трогать меня за ляжки. Подкатился, сука, с лаской, так что у меня уж никаких сомнений относительно его намерений не оставалось, и я даже чего-то такого с его стороны ожидал. Тогда я ему швырнул салфетку в лицо и обматерил. Он окаменел на своем табурете, сконфуженный донельзя. Что, человек не может просто так тебя угостить, и все? Нет же, обязательно должны быть какие-то задние мысли — блин, меня это особенно бесит. Проблема в том, что у меня всегда были сомнения относительно собственной натуры, и потом, меня беспокоило пристрастие к анальному сексу. Так ведь и параноиком недолго стать.

Со Стефаном совсем другое дело. Именно он частенько организовывал мои залеты и сам же потом из них меня вытаскивал с потрясающим изяществом. Спасая меня, он, похоже, и сам испытывал невероятное удовольствие. Жаль, что я не оценивал его присутствие в моей жизни так, как он этого заслуживал.

Разумеется, я пытался подсадить его на алкоголь и на ганджубас — о коксе и о девочках даже речи быть не могло, — но пробить этого парня мне так и не удалось, хотя и очень хотелось. Стефан единственный относился ко мне с искренним и глубоким уважением. На меня ведь все всегда смотрели неодобрительно, потому что мне нравилось рыгать, а главное, я почему-то всегда смеялся во время утренней медитации: а о чем еще может думать подросток в восемь утра? Правильно — чтобы никто не мешал ему справлять естественные потребности.

Мы въехали в окрестности Перпиньяна, окутанные словами и мыслями. Я был счастлив вновь обрести Стефана. Он между тем открывал ворота своего дома, вокруг которого бегали лабрадоры. Такой, знаете, французский *maison*, белый, полный жизни, с живописным навесом, увитым глициниями, и стульчиками из кованого железа во дворе. Моя мать расставила бы их таким же образом.

Я попросил, можно ли мне прилечь ненадолго, и он тут же отвел меня в свою комнату, хотя в доме было две комнаты для гостей. Но я не был гостем, я был Леон.

Я упал в кровать, не снимая двухдневной рубашки с пятнами крови. Хорошо еще, что я не забыл сбросить ботинки, в которых казался самому себе Наполеоном, входящим в «Отель-дю-Пале». От постельного белья шел невероятный аромат, прямо не знаю, с чем и сравнить, и я погрузился в тихий, умиротворенный сон. Анита не существовала. Анита умерла. Анита не должна была уходить от меня.

Я проснулся от кошмара. Из соседней комнаты доносились звуки музыки — Шопен или Моцарт, в общем, что-то медленное. На кресле в ногах кровати лежала моя сумка, банный халат, пара полотенец и одноразовые шлепанцы, которые Стефан, очевидно, тырил в гостиницах. Я пошел в душ и не вылезал оттуда добрых полчаса. Кровь из носа не шла, с рожей тоже вроде было более или менее, вот только мои волосы, стриженные под горшок, даже после душа выглядели ужасно. Может, Анита ушла от меня именно из-за прически, только сказать мне об этом не решилась?

Я привел себя в порядок — из уважения к Стефану — и вышел в гостиную. Он сидел в кресле фиг знает какого столетия, поглощенный чтением, нога на ногу, будто позировал фотографу. Мне показалось, что я вернулся на двенадцать лет назад.

Когда мы учились с ним вместе в «Эйглоне», пока меня оттуда не выперли, у Стефана была такая отдушина, из которой никто был не в силах его достать: чтение. Книги были его страстью. Он любил великих классиков и время от времени читал вслух отрывки из романов. Я помню, как ржал, когда Стефан зачитывал мне «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Этот Лоренс Стерн наверняка был еще тот прохиндей, жил бы он сейчас, пыхал бы обязательно. Я открывал книги и читал вслух заключи-

тельные абзацы — специально чтобы испортить Стефану удовольствие. С моей стороны это было проявлением ревности, что ли, а Стефану было поперек. Один лишь только раз он возмутился, когда я прочитал ему: «Фон Гогенфельц, Конрадин, обвиняемый в покушении на Гитлера. Оправдан». Это был финал «Обретенного друга», и это стало бурным началом нашей дружбы.

Стефан говорил, что книг, которые реально заканчиваются на последней строке, мало, совсем мало, и это самые жестокие произведения, в том смысле, что они не дают тебе возможности со вкусом дойти до конца сюжета и попрощаться с главными героями. К финалу следует добираться неторопливо, с чувством, посматривая время от времени, сколько там еще страниц осталось, следуя по стопам автора за развитием истории. Не существует на свете любви более нежной и странной, нежели любовь к замечательной книге. Стефан говорил мне это несколько раз, и мне казалось, что это слова пожилого человека.

И вот через столько лет я опять вижу его, левый указательный палец на подбородке, правый указательный уперт в страницу. Я со своей обычной деликатностью вытащил книгу из его рук. Стефан, улыбаясь, поднялся с кресла.

— «Про меня позабудут. Про меня скоро позабудут».

Это была последняя строчка из «Платформы» Мишеля Уэльбека.

— Что это за несчастный страдалец?

— Он потрясающий. Это хирург, человек слова и глубоких чувств. За его внешним цинизмом скрывается невероятное одиночество. Все самое плохое, что есть в мужчине, в нем проявляется, и это меня воодушевляет. Мои тревоги оставляют меня.

— Ты сейчас один, Сте?

— Нет.

— А твои знают, что ты, как бы это сказать, скорее сякой, чем такой?

— Нет.

— Но подозревают?

— Нет. Они меня подозревают только в том, что я проматую их имущество.

— И как же ты маскируешься, без женщины... Такой парень симпатичный...

— У меня есть подруга, лесбиянка, и мы друг друга прикрываем. Так уж повелось. Практически на все официальные мероприятия являемся вместе, на свадьбы там, на разные приемы. Нас даже называют образцовой парой. Чтобы не возникало подозрений, мы и в отпуск тоже вместе ездим, все четверо, я с Мэтью, она с Элен.

Неожиданно я обнаружил, что не готов выслушивать подобные откровения. Меня прямо затосило, так что я оборвал разговор.

Стефан это заметил и сказал, что ужин давно готов, осталось только яйца пожарить. Когда мы подошли к столу, я разволновался. Стефан приготовил для меня то самое блюдо, которое готовил в колледже, один раз, когда нас запустили на кухню. Это был его фирменный рецепт: спаржа с луком, два ломтика бекона с яичницей и обжаренные в масле гренки.

Как в старые добрые времена. Я думал, что все будет как-то по-другому, что у нас уже никогда не будет ни общих дел, ни общих тем для разговоров. А сейчас казалось, что мы будто и не уходили никуда от тех наших коек с безобразными подушками, от письменных столов, вид коих приводил в ужас даже самых примерных студентов. Наверное, между мной и Стефаном проснулась братская дружба, та самая, которая неподвластна пространству и времени. Насчет прочной дружбы я похвалиться не могу. Если не считать моего брата и этого ублюдка Беттеги, совсем не многим людям я мог бы доверить свою паранойю (за исключением путан, разумеется).

Однако в этот вечер я предпочел не говорить про Аниту. Я не хотел думать об этом. Я не хотел советов. Хотя у Стефана, я уверен, нашлись бы для меня мудрые слова. Но для этого должен быть еще и тот, кто их готов выслушивать.

Стефан видел мой тупой взор, устремленный в пустоту, и, чтобы расшевелить меня, наполнил бокалы великолепным бургундским вином. Закурил. Мы оба радовались возможности посидеть просто так, без слов. Сидеть друг напротив друга, как в былые времена — вот самый чудесный разговор, который стоило поддержать.

Утром над нами нависло столь сумрачное небо, что мне вспомнился Милан зимой. Я решил, нет, я захотел, очень захотел подвезти Стефана в его бюро в Монпелье, где он занимался проектами интерьеров или чем-то в этом роде, я не совсем понял. Когда он объяснял, мне все еще приходилось делать усилия, чтобы сконцентрироваться. Хотя в целом мне несколько полегчало.

Нажав на газ, я устыдился, что насмехался над водительскими способностями своего друга, он же не мог знать, что двигатель у моей тачки с примочками и в принципе мог обеспечить чуть ли не вертикальный взлет. Что же, прощения, что ли, у Стефана теперь, на свежие мозги, просить? Попрощались мы довольно сдержанно, будто должны были увидеться этим же вечером, однако очень искренне, с чувством, сопутствующим всем примирениям, когда слова сдерживаются из робости, а скорее всего, потому что вовсе не нужны.

В Милан, я должен возвращаться в Милан, к необходимости заполнять чем-то целые дни, к обязательству воздерживаться от кайфа, к позору поражения, к «теперь об этом все узнают». Но рога, как известно, как и ботинки: у каждого в шкафу своя пара имеется. Самое смешное, что внешне я все еще представлял из себя отпрыска приличной семьи — картавое «эр» в нужных местах, прямая осанка, костюмчик по мерке. Как и раньше, я должен буду посещать все эти бесконечные праздники, куда меня затаскивал мой братец из-за своей мании повыеживаться: «to see and to been seen», — так он мне ответил, когда я однажды спросил его, отчего он так заиклен на вечерах. Сам гуляет, а своего Ламенто тупо пытается удержать в доме.

Мне захотелось выпить каппуччино в барчике недалеко от площади Комедии, в двух шагах от того места, где я оставил Стефана. Я уселся за столик, заказал кофе и огляделся. В заведении было полным-полно молоденьких студенточек, наверное, на каникулах, и вид у них у всех был ну ужас какой сексуальный. Наконец-то мои гормоны проснулись и зашевелились, и, слава богу, в этом баре было разрешено курить. Я бы хотел быть поэтом, чтобы написать одну-единственную оду бару, в котором можно по-

курить после кофе. Я решил взбодриться и принялся листать какую-то местную газетку, в основном чтобы привлечь внимание одной девицы, сидевшей неподалеку. Похожа на скандинавку, чуть вульгарна на вид, однако гладкая и юная, как Грэнни Смит.

Я использовал свою классическую технику съема: поднимаю глаза и упираюсь в девушку взглядом: типа кто это, ой, обознался, потом опять смотрю в газету, потом изгибаю правую бровь дугой, левой у меня так эффектно не получается, опять гляжу на нее, складываю газету, вздыхаю, отхлебываю глоточек кофе и говорю девушке: «Не выпить ли нам перно?» Девушка смущается и отказывается, но все, она уже в моих руках, я начинаю предлагать ей что-нибудь еще, шучу, предлагаю сигаретку, она опять отказывается, но в конце концов девушка находит меня вовсе не таким уж отталкивающим и втягивается в разговор. Та, что напротив меня, точно девушка из разряда «быть». Повадки такие, чересчур мало амбициозные, что ли, а главное, на ее мобильнике болталась пластмассовая ракушечка. Сентиментальная, блин.

Она мне улыбнулась, я предложил ей попури из всех языков, что знал, и она выбрала английский в немецком соусе. Девочка была из Польши, изучала иностранные языки в Варшаве, всю жизнь грезилась Францией и особенно танцами. Она решила ударно завершить каникулы и хлынула на фестиваль «Монпелье-данс». И вот пока она радостно мчалась на поезде «Интер-Рэйл», она посеяла по пути и даты, и программу. Надо бы объяснить получше, что такое этот «Интер-Рэйл»: я никогда не понимал, почему молодежь выбирает этот вид транспорта для путешествий, ведь на машине или, скажем, на самолете, получается намного быстрее, да и воняет не так. Хотя пару раз мне тоже приходилось ездить на поезде до Форте — когда у меня отобрали права, но я это делал по суровой необходимости. Такая достача, не приведи господи.

Ай, забыл, девушку-то звали Яна, бедная Яна, что за имя!

Я смешил ее, пытаюсь играть роль такого, знаете, весельчака итальянца. Убогий метод, конечно, зато всегда срабатывает. Когда она задала судьбоносный и неизбежный в таких разговорах вопрос «чем ты занимаешься по жизни?», я задумался, что бы такое сказать. Обычно я использую классический ответ «вношу-

свой-вклад-в-энтропию-земли», хотя у меня есть и более утонченный вариант:

— Камешки коцаю.

— А, на карьере, дробилкой?

— Нет, кредитной карточкой.

— ???

— Ну, иногда карточкой с Человеком-Пауком.

Она не врубилась, но заулыбалась. Вообще-то такие приколы понимали только мои друзья, крутые спецы по коксу. И я решил выдать запасной, нейтральный вариант, тоже достаточно эффективный: «учусь-в-аспирантуре-в-Боккони». Такие понты прокачивают даже за рубежом. Я нутром чуял, что все, что мне сейчас было нужно, так это хорошенько перепихнуться, и одинокая путешествующая полячка представлялась идеальной добычей. Не было нужды рассказывать про дома, про покореженные машины, про швейцарский колледж, про отца-аристократа. Она была одна, как и я, и так же, как и мне, ей нужна была компания. Я это сразу понял, потому что, как только я с ней заговорил, она закрыла книгу, которую читала. Разумеется, я не удержался от моей чудесной шутки и прочитал ей вслух последнюю строчку. Там было написано «Рекомендуется всегда иметь при себе вещества для регидратации, которые можно растворить в воде». Яна была несколько этим обескуражена. Пожалуй, я малость переборщил, а моя излишняя самоуверенность сыграла со мной злую шутку. Тогда я придумал игру с фатумом — затащить девицу в постель, не произнося слов «Сан-Мориц», «мерседес» и «Вдова Клико». А что, могло сработать.

Я пригласил новую знакомую прогуляться — специально, чтобы оценить ее ножки. Для девушки из Восточной Европы она выглядела довольно сексуальной. У нее были светлые волосы, очаровательная улыбка и едва заметная щелочка между передними зубами. Эта щелочка напомнила мне одну певицу из Детройта, ну, знаете, такая низенькая, довольно известная, у нее еще бабушка итальянка, из Абрुццо. Имя как у святой, и поет, всегда ухватившись за распятие. Очень интересная певица, имя сейчас не вспомню, так вот у нее такие же зубы, как у этой полячки.

С Яной мы дошли до Пиру, до террасы, откуда, несмотря на низкие облака, открывался прекрасный вид на Савенские горы

и на море. Сомнений не оставалось: девушка категории «быть», которую можно завоевать продуманными комплиментами и сальными шутками — вот еще одно трепетное слово, «сальный». Девушка странным образом прониклась ко мне доверием, и это мне весьма льстило. Разговор шел, разумеется, о ее путешествии, о городах, где она побывала, о людях, с которыми она встречалась. Потом Яна почему-то принялась рассказывать о том, что она кушала в Памплоне, на празднике гонок с быками.

У нее оставались еще несколько дней до того, как истекал срок действия билета — она каталась уже почти целый месяц — и юная пани предполагала провести еще одну ночь в Марселе, потом съездить в Италию или в Австрию, а затем уже вернуться в Варшаву. Я поймал мяч на лету и предложил ей забыть про поезд, а поехать со мной на машине в Милан и погостить у меня дома. У меня перед глазами уже крутился фильм «Шампунь, джакуззи и дозняк». А еще, конечно, бутылочка шампанского прошлого столетия, моя заполненная водой ванна с гидромассажем и много маленьких кокаиновых чертиков, чтобы я кончил как можно позже. Ну, фильмец был так себе, третьего сорта, я понимаю, но рана, нанесенная Анитой, еще кровоточила. Да, меня бросили, но теперь маятник качнулся в обратную сторону, спасибо моему другу.

Я привел Яну перекусить в один кабак — он назывался «Со-фи», кажется — и когда увидел ее рюкзак, с которым она путешествовала, то идея тащить девчонку с собой мне уже не показалась столь привлекательной. Вы представляете себе эти рюкзаки, к которым самые безбашенные привешивают даже котелки? Я как-то раз встретил таких путников на улице Манцони, на потных плечах рюкзакищи, и я подумал, черт, а может, это и не так уж плохо, хотя в жизни своей не таскал с собой котелков. Я спросил Яну, не носила ли она в своем рюкзаке котелки, и она мне ответила, что, мол, yes, особенно если ездила в лагерь. Неожиданно я осознал, насколько опрометчиво было с моей стороны приглашать в мою машину такую девочку, как Яна.

С малых лет мне всегда внушали одну вещь: соблюдать дистанцию. Соблюдать безопасную дистанцию с незнакомыми персонами или с теми, кто не был тебе представлен надежными

людьми. А Яну вообще-то мне никто не представлял, хотя в свои двадцать семь лет, полагаю, я в состоянии и сам разобраться, кто заслуживает доверия, а кто нет. Конечно, она была студенточкой из развивающейся части Европы, так почему же и мне не внести свой вклад в развитие? Как это можно заниматься благотворительностью и не глядеть в глаза тем людям, для которых и оказывается, как это делает моя мать вместе с подругами?

В конце концов, я всего лишь девушку подвезу.

Девчонка реально перлась от того, как у нее развивались каникулы. Она бросила на меня такой восторженный взгляд, что я немедленно вдавил педаль газа в пол и врубил Touch Me группы «Дорз». Однако идилию нарушил повторяющийся звук сливаемой воды из бачка: звонил братец.

— Пьер... Блин, да знаю, я уже маме говорил... Я тебе звонил, у тебя был отключен... Да, бардак... Кто это тебе сказал?.. Пидарас... Да, у меня параноя, что же еще... Да, я мог остаться на Ибике, только я закидываться не хотел... Ну так, не очень здорово... Погуляли... У Стефана, это мой товарищ по «Эйглону»... Какая на фиг разница, сколько у него денег? Я не повышаю голос... Как, опять?.. Бедный дядя Аугусто... Ну, да, экстрадировать... Думаешь, можно обвести вокруг пальца налоговую в Соединенных Штатах?.. Конечно... мама права... Я тут с одной телкой, плячкой, ну, из тех, что с такими рюкзаками ходят... Домой... надеюсь, в свою комнату!.. Да, прямо с рюкзаком, только что кастрюли прицепленной не хватает... Так, шутка... Симпатичная телка, да... Чего мне тебе рассказать?.. Я ее пригласил, через пару дней она уедет в Бухарест или куда там — в Москву... в общем, вернется в свою страну... Да, знаю, знаю, «дистанция»... я не устоял... Чего собираюсь делать?.. «Быть»... «Булгари» — разве не слишком для «иметь»? Ах да, это Il Principe... Ты мне можешь заказать номер на сегодняшнюю ночь, да, с супружеской кроватью сгодится, чего уж там... для девушки «быть»... такая телка... Скажи только, что я завтра приеду, будь умничкой... Да, праздник был улетный, только я вот не вписался... А у тебя как дела?.. Правда?.. Черт возьми... Ты ему дал тридцать капель лексотана??? Я понял, что она привыкла кушать только Sheba Tresor... Да, у Маризеллы явно с головой не в порядке... В следу-

ющий раз мы ей самой дадим Fufi del Conad!.. Нет, не давай ему больше, все равно он рычать не перестанет... В четверг, в «Метрополе»? Слаго... Два пригласительных для меня... Не знаешь, Анита не придет?... Понял, но ты же мой брат, я тебя об этом даже просить не могу... На английском... Конечно, я об этом не забыл... Да, резюме я послал, и мама в курсе... Амедео для меня ни черта не сделал...

Яна озадаченно смотрела на меня, возможно, она и просекала тему разговора, банка пива в руке составляла ей компанию, и ей, похоже, этого хватало. Я тоже отхлебнул пивка, а потом затарился еще шестью банками в первой же придорожной закусочной. Без какой-либо видимой причины я вел машину как сумасшедший, хотя на кону стояли последние баллы в моих правах. Зачем тогда жить, если нельзя рисковать жизнью? Гонка меня возбуждала, особенно когда такая телка на соседнем сиденье. Мне нравилось ее лицо, сначала недоумевающее, потом испуганное, нога, которая инстинктивно жмет на несуществующий тормоз. Эти суки используют все свое жеманство, чтобы сказать тебе «прошу тебя, дорогой, куда мы так несемся?». А потом дрючат тебя в полный рост, как Анита.

Удар был нанесен, теперь стали появляться синяки. В Милане все уже знали про нее, про Беттегу, про меня, что я проделал две тысячи километров за один день только для того, чтобы услышать «désolé»*. Я ей даже свитерок винтажный привез, и мои туфельки она надела, сука. Элементарного спасибо я не услышал, только чушь всякую в торжественном исполнении. Как мне отплатить той, что так меня мучает?

В «Булгари» нас встретили в некотором замешательстве из-за рюкзака, однако чаевые мигом обратили ситуацию в забавную экстравагантность. Да, сейчас бы не помешало закинуться, взять неплохой такой «камешек», разделить его напополам, потом на четыре... Однако Дука мобильник отключил, а рисковать — брать товар у черных пушеров — я не хотел.

Лицо моей полячки, попавшей в шикарный отель, заслуживает отдельного описания, однако намного интереснее были выражения лиц у двух японских тетенок, которые выписывались

* «Сожалею» (фр.).

в этот момент из гостиницы. Что вы так осуждающе смотрите? Занимайтесь больше сексом, а не шопингом.

Правда, потом, в номере, между нами возникла некоторая неловкость, поскольку Яна начала меня спрашивать, отчего мы не поехали ко мне домой и зачем надо было снимать такой роскошный номер — притворщица, всякий раз, когда девушки задают вам такие вопросы, не воспринимайте их всерьез! — а потом она заметила, что я вдруг приумолк и задумался, поэтому не выдержала и спросила:

— О чем ты думаешь?

— О твоих духах. Я думаю о твоих духах... Что это?

— Это флакончики на пробу, которые раздавали в Байонне... я не знаю точно названия, если хочешь, сейчас посмотрю в косметичке.

Тут начинается поэзия. Я обнял Яну рукой за шею и принялся целовать с обычной для кабана пылкостью. Она ответила, да еще как. Я был приятно удивлен. О, она умела целоваться, и неплохо, и язычком работала во всех направлениях, и губки раскрывала, когда надо, делая это с паузами, неторопливо. Девушка, которая умеет целоваться столь обстоятельно, способна довести вас в постели до исступления.

Я отвел ее прямоком в ванную и там раздел без лишних разговоров. Раз уж мы здесь оказались, то я был бы не против поработать чуток банщиком. Время от времени Яна от возбуждения произносила какие-то слова на польском языке. Родной язык пробивается и в крайнем волнении, и в глубоком отчаянии.

Я грубо мял ее тело, время от времени отрываясь, чтобы отхлебнуть кубинского рома, а потом переливал ей алкоголь изо рта в рот. Яна оказалась намного более сексуальной, чем я себе представлял. Она позволила мне практически все, а я задавался вопросом: сколько же мужиков у нее было? Сколько же елдаков испробовала она за эти каникулы? Я немедленно натянул самый extrastrong презерватив, а то, не дай бог, еще подцеплю на себя все беды Восточной Европы, мне только этого не хватало. В общем, это была ночь грандиозного секса. Наконец-то я завоевал девушку своим естественным оружием, своим обаянием, своими словами. Она отдалась мне сама, и мне не пришлось соблазнять ее кредитными карточкам и кэшем. А что касается «маджоли-

но», то такую тачку сегодня каждый себе может позволить, разве не так? Я победил в игре с фатумом, так и не произнеся три заветных слова: «Сан-Мориц», «мерседес» и «Вдова Клико».

Если у меня и были поначалу разные нехорошие мысли в ее адрес, то потом я свое мнение изменил. Более того, я подарил ей много поцелуев в качестве бонуса после анального секса, чего ни с кем никогда не делал, кроме Аниты. Проснувшись утром, я не увидел своей подруги. Возможно, она вышла, чтобы подготовить мне приятный сюрприз, какой-нибудь цветочек с открыточкой, на которой выведены стихи Тагора. Типично для влюбленной девочки «быть». Я вновь умиротворенно уснул.

Ситуация прояснилась через пару часов, когда я не обнаружил в своем бумажнике четырехсот евро. Швейцарские франки тоже испарились.

14

Пожалуй, это был первый раз, когда я, вернувшись домой, ощутил себя в безопасности.

Я радостно приветствовал Хулио с Маризелой, нашу верную филиппино-мексиканскую прислугу, и чмокнул в щеку свою маму, которая собиралась идти в Реск за покупками. Маман, видите ли, была убеждена, что Маризела нас обсчитывает. На самом деле такие небольшие занятия давали маме возможность избавиться от навязчивого ощущения бесполезности, столь присущего нашей семье. Меня не было в Милане всего несколько дней, но череда последних безумных событий придала времени сумасшедшее ускорение.

Чувство безмятежности, которое я испытывал, вдыхая ароматы нашей мебели, скоро прошло. В квартире, огромной даже по моим масштабам, не было никого за исключением прислуги да Лолы со своей французской бонной. Мой брат вынужден был торчать в суде до конца дня, ожидая вынесения приговора. Моя мать должна была ехать в Аграте, чтобы проследить за перестановкой каких-то ваз в саду.

Я спрятался в своей комнате, которая была сама по себе двухуровневой мини-квартирой: в нижней части гостиная, в гостиной два дивана — один из них был весь в сигаретных прожигих, а также плазменный телек, неработающий камин, два глубоких кресла, книжный стеллаж, заполненный «Дьяболом» и «Человеком-Пауком», и огромный деревянный стол, на который я сваливал всякий хлам. Стены обиты голубой тканью, огромное окно выходило на одну из внутренних террас, самую мою любимую. На террасе стояло кресло Ron Arad и растения в горшках, имитирующие амазонскую сельву. Верхний уровень я называл не иначе как «скотобойня», потому что там я потрошил свои жертвы и развлекался всеми возможными способами. Непосредственно у моей кровати стояла посылка, упакованная настолько тщательно, будто пунктом ее доставки был Марс. Было и сопроводительное письмо на мое имя. Распаковывать я начал, разумеется, посылку, а не письмо, поскольку, как и любого другого, сюрпризы меня будоражили.

Я по меньшей мере четверть часа потратил, пока не распаковал загадочный предмет. Это была чудная картина Караваджо. Неподтвержденный подлинник. Прибыл непосредственно из банка, из дедушкиного депозитария. Затем я прочитал грустное письмо от нотариуса Гэби, написанное им собственноручно и с приложенной копией завещания.

Дорогой Леонард!

Вот «Святой Иоанн Креститель возлежащий», который, вероятно, является последней картиной Караваджо, хотя подлинность этого окончательно не установлена. Ваш дед приобрел это произведение после войны у одного банка в Мюнхене за сто тысяч марок. Если подлинность картины будет подтверждена, стоимость ее не будет поддаваться исчислению.

Если вы посмотрите внимательно, то заметите, что одна из двух ног — лошадиная, в точности так же, как у «Иоанна Крестителя сидящего», вывешенного в Риме, в «Галерее Боргезе».

Если вам доведется посетить эту римскую галерею, обратите внимание, что натурщик, который позировал для

вашей картины, изображен еще и в качестве Давида на картине «Давид и Голиаф», на которой, кстати, Караваджо нарисовал еще и себя самого.

Хотя мне и не следует вмешиваться в личные обстоятельства, но смею обратить ваше внимание, что доктор Эдуардо был преисполнен к вам глубочайшей симпатии и питал большие надежды относительно вашего будущего.

На прощание позвольте от всего сердца пожелать вам всяческих успехов в карьере инженера.

*Ваш
Никола Альберто Гэби*

Я разнервничался и скомкал письмо. Чего от меня хочет этот прощельга? Кто он такой, чтобы отсылать меня на экскурсии в ватиканские музеи? Да еще и желать мне «всяческих успехов в карьере инженера». Они миллиарды делают на том, что просто ставят пару подписей крест-накрест. И этот человек пытается читать мне морали. А главное, прямо так и заявляет, что картина, мол, поддельная, без всяких там экивоков и оговорок.

Чтобы успокоиться, я решил опрокинуть стаканчик чего-нибудь. Мой бар оказался пуст, и мне пришлось позвать Маризелу, чтобы она принесла бутылочку портвейна — единственный алкоголь, который разрешено было моей мамой держать в доме, поскольку в портвейне содержится меньше всего калорий. Мама говорила, что хороший стаканчик портвейна способствует медитации. Я так думаю, что дело в размере стаканчика, поэтому предпочитал всегда пивные бокалы по ноль-пять.

Я тянул свой дринк, когда в мою комнату ворвалась Лола, одетая Учительницей Итальянского Языка. Она это специально подчеркивала. Опять напялила на себя мамино платье и туфли на каблуках. В руках у Лолы была коробка с листочками бумаги. Сестренка настолько вошла в роль, что решительно ни на что не реагировала — бонна-француженка смотрела на меня беспомощно. Лоле вздумалось сделать меня учеником. Мне было ее так жалко, бедняжка, она не знала, как убить время.

— Итак! Леонардо, Леонардик... где книга для чтения? Где книга для чтения???

— Я ее дома забыл, синьора учительница...

— Так!!! Все сидят тихо! Мы не на базаре в Папиньяно... Эльза, прекрати болтовню! Сейчас ты выйдешь из класса!!!

Лола выглядела совершенно рехнувшейся, на этих своих каблуках, с идиотскими интонациями. По-моему, от этой бонны для Лолы никакой пользы. Смотрите сами, Лола ходила в английскую спецшколу, дома занималась с гувернанткой-французенкой, а в семье мы говорили на итальянском. Так и в самом деле недолго свихнуться.

— Леонардо! Раз у тебя нет книги для чтения, тогда... Пиши: «Четверг, двадцать второе июня»... Дальше... Пиши: К... Р... З... Молодец, Леонардо, дай мне листок! Теперь ты должен придумать слова, которые начинаются с этих букв... Сейчас я приведу пример... «Картина» — начинается на К...

— ...

— Сло-ва! Сло-ва!! Придумывай слова, ясно? Все сидят тихо! Эльза, вон из класса! SILENCE* !!!

Клянусь, мне ничего не приходило в голову, никаких таких слов, чтобы девочка поняла. Наконец я написал «кедр», аккуратно выводя букровку за букровкой, как в школьных прописях. Лола презрительно взяла листок и, шевеля губами, прочитала написанное. А потом заорала, как полоумная:

— МНЕ НУЖНЫ СЛОВА, А НЕ ДЕРЕВЬЯ! НУ-КА, ВОН ИЗ КЛАССА!!!

Я с готовностью вышел за дверь, чтобы тут же вернуться и довольно резко выставить теперь уже Лолу из своей комнаты. Впрочем, она уже была вполне удовлетворена сыгранной мною ролью, поэтому без особых протестов потихоньку последовала за гувернанткой в свои королевские покои.

Оставшись в одиночестве, я не без удовольствия принялся рассматривать злосчастного «Иоанна Крестителя». В целом картинка была очень даже ничего, святой этот, с конской ногой... Я решил повесить картину там, где и намечал, рядом с дипломом. Бог весть сколько дырок пришлось понаделать в стене, чтобы картина висела ровненько, как надо. Хулио все пытался принять участие в процессе, но безрезультатно, он вообще не понимал, когда следует тормознуться.

* «Тишина» (англ.).

— Ты хоть понимаешь, что нельзя вешать Караваджо на глазок.

— Что значит — Караваджо?

— Это значит, что ты ни черта не понимаешь. Ты знаешь, почему мы тебя взяли к нам сюда работать? Потому, что ты к нам не имеешь никакого отношения. И если мы можем позволить себе всякую фигню, то ты должен вести себя хорошо и не выпендриваться, о'кей?

— Хотите повесить картину чуть выше?

Хулио настолько привык к нашим выходкам — а мой братец порой бывал по-настоящему ужасен — что на него и злиться-то было неинтересно. Кроме того, Хулио был непревзойденным мастером по части сделать вид, что ничего не понимает. Эта его стратегия меня каждый раз обезоруживала. В общем-то он был безобидным цыпленком, которого щипали все кому не лень.

Заправившись алкоголем, я подумал о полячке, которая вернулась к себе на родину с моими швейцарскими франками. Тут мне вспомнился еще один случай, когда путана свистнула у меня деньги, и я заржал. Мы тогда находились в Делано, в Майами, вместе с отчимом и сестрой. Ночевали мы в одном номере, потому что, когда надо было платить из собственного кармана, Амедео держался строго профсоюзного минимума. После ужина втроем в полном безмолвии я решил прошвырнуться по кабакам на Майами-Бич. И там уж я налег на выпивку, помню, там было что-то новенькое, мохито, кажется. Потом я вывалился из очередного бара с местной ночной бабочкой и потащил ее с собой в отель. Она взяла у меня триста долларов вперед, и я, не поднимая шума, отымел ее в ванной комнате. А потом, пока я мыл свои причиндалы, эта бабочка открыла сейф гостиничной картой. Я застал ее за этим занятием и заорал благим матом. В этот момент проснулся мой отчим, вскочил озабоченно с постели и бросился проверять, чтобы ничего там не пропало. Лола, надеюсь, ничего не услышала, она продолжала спать или по крайней мере притворялась, что спит. Через полчаса мы разрешили шлюхе уйти, но, едва она удалась, Амедео принялся вопить: «Паспорта! Паспорта!»

Ослепленный гневом, я выбежал в одних трусах на Оушен-драйв, нашел полицейского и начал кричать ему, что какая-то

bitch украла из нашего номера документы. Когда mister поднялся к нам для уточнения обстоятельств, Амедео вдруг неожиданно вспомнил, что спрятал паспорта под матрац. В этот самый момент проснулась Лола и вытаращила на нас глаза: я в трусах, ее отец в халате и полицейский. Шериф оглядел нас троих с некоторым сочувствием, и спросил только: «Вы че, семья?»

Я и Амедео больше к этому вопросу не возвращались, но через день я вынужден был ему признаться, что у меня из бумажника пропало все до последнего доллара, включая кредитную карточку. «Я обо всем позабочусь», — ответил он, уничтожив меня взглядом.

Я продолжал улыбаться, вспоминая эту историю, но тут в шаге от кровати возник Хулио.

— Прошу прощения, инженере, начинают показывать Гриффинов.

— Спасибо, Хулио. И извини за тот раз...

— За что?

— Ладно, ничего. Ты телек включил?

— Так точно. Я вам даже пива принес, хотя это и не разрешается.

Гриффины — это мультик, который заставил меня забыть про Симпсонов: я смотрел их каждый день. Мне нравился их едкий сарказм, страсть папы Питера к телевизору, его закидоны — когда он нажрался вином во время причастия, это был вообще финиш — но в больше всего я обожал малыша Стью за его злобность закоренелого убийцы и за его дьявольские планы грохнуть свою мамашу. Я казался сам себе идиотом, но всякий раз не мог удержаться от смеха. Это была моя ежедневная порция здорового юмора, с них начинался мой рабочий день, типа: после Гриффинов я еще немного смотрел телевизор, канал TRL или повтор какого-нибудь вечернего телефильма, потом немного играл в Play, обычно в Small World, потом читал «Человека-Паука» или «Дьяболик», в зависимости от настроения, потом, если меня прибывало, засыпал, практически всегда ругался по телефону с дежурным оператором спутникового телеканала, иногда шел поиграть на автоматах в «Пиноккио», потом, если были силы, ехал в «Даунтаун» помахать кулаками, либо проплыть пару раз от

борта до борта в бассейне «Скорпион». И только потом приступал к ежевечернему саморазрушению.

По большому счету, проводить время дома мне нравилось. Я обожал бесцельное времяпровождение. Когда в разговорах люди начинали рассказывать про свою работу, то это был единственный случай, когда мне нечего было сказать. Необходимости трудиться я не видел. Выходит, люди делятся на тех, кто должен, кто хочет и кто может работать. Я был в числе тех, кто «мог бы», и не знаю, может, это какая-то особая привилегия, скорее всего, да.

Хулио наконец-то удалось надежно повесить моего как бы Караваджо в нужном месте, и у меня возникло ощущение, что день прошел не зря. Поэтому я слонялся по своей скотобойне и слушал Патти Смит, что-то веселенькое. В плане музыки мне хотелось бы родиться лет на двадцать лет пораньше, но исключительно для того, чтобы раньше и умереть. Похоже, именно по этой причине я не умел жить.

С этими теплыми мыслями я и задремал — нормальный исход после грустной выпивки, и только непосредственно перед ужином меня разбудил мой брат.

— КОЗЛИНААААА... ОПРАВДАН ЗА НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ!

— Тебя оправдали? Ты чего, под судом, что ли, был?

— Да не я, блин, а мой подопечный!

— ХА! КОЗЛЫ ВОНЮЧИЕ...

— Козлы, конечно. Но мы их сделали... А это что за хрень? У нас чего здесь, Национальная галерея?

— Это дедушкин типа Караваджо... неплохо смотрится рядом с дипломом, правда?

— Мне кажется, немного мрачновато, ты его в нише повесил...

— Да фиг с ним, пусть там и висит.

— Куда же мне пришпандорить конверт с марками, которые дед мне завещал?

Вместо ответа я налил ему стакан портвейна, и вопрос был снят.

Да, я любил своего брата, хотя и не одобрял его поведения на восемьдесят процентов, но чувство у меня к нему было самое искреннее. Мое чувство многократно усилилось, когда Пьер достал пакетик с кокой, и мы по очереди это дело нюхнули, чтобы

пережить спокойно ужин в компании с нашей мамой, Амедео, Лолой и одной из кукол «Винкс».

За оживленной беседой Пьер напомнил мне еще раз о грандиозной вечерине, которую организуют в «Метрополе» Dolce&Gabbana, и мы битый час просидели, обсуждая, кого бы мне пригласить, чтобы уесть Аниту.

— Я думаю, Леон, тебе нужно пригласить какую-нибудь star fucker. Кого-нибудь типа Кармен или Фернанды, тем более, что она мулатка, тебе такие нравятся. Она сладкая, сексуальная и не вульгарная. Пошли ей приглашение, она поведется. Увидишь, эта твоя сучка со своим козлом дерьмом умоются.

— Чудно.

У моего брата всегда есть готовые решения. Я целые дни провожу, метаясь в своей паранойе в поисках выхода, и в голову приходит все одно и то же, а Пьеру это раз плюнуть, бац — и весь мой вечер расписан, а может, и вся жизнь.

Да, нужна именно star fucker, девушка из категории «иметь», но такая, которая помимо денег, стремится еще и к популярности. Эти тащатся, когда их фотографируют, когда они рядом со знаменитостью. Они бегут от безвестности, ради того, чтобы ощущать вспышки на своих священных телах, над которыми поработали инструктора фитнеса, ланцеты пластических хирургов и всякие разные елдаки. Их величайшая мечта — это, разумеется, выйти замуж за всемирно известного певца, хотя актер или там актриса, тоже сгодится. На худой конец можно и за стилиста. А с футболистами пора завязывать, уж извините.

Я решил прощупать почву с Кармен и Фернандой — Бразилия или Пуэрто-Рико? — чтобы потом воплотить в жизнь безупречный план вендетты. Мой брат — гений.

15

Я остановил свой выбор на Фернанде, потому что у нее была силиконовая грудь, а я всегда питал слабость к силиконовым сиськам. Мне нравится ощущать в ладони искусственную каучу-

ковую упругость, клубок ниток, который гасит эмоции и возбуждает только взор. Есть на что полюбоваться, а потрогать — так себе. На эту вечеринку вполне достаточно — и людей посмотреть, и повыкорежиться, как говорит мой брат, в переводе на земной язык.

Само собой, я боялся показаться Фернанде банальным, ведь я хотел как-то выделиться из толпы мажоров, жаждущих ухватить ее за задницу. Надеюсь, в ягодицы-то она силикон не зашивала — вечером я собственноручно это проверю, однако, для пущей надежности я решил прицепить к пригласительному что-нибудь весомое из Wolford. Для девушки из категории «иметь» и еще не «поиметой» намерение выглядело несколько рискованным. Слишком высокий риск, что она вдруг почувствует себя шлюхой, а я не мог допустить такого социально неадекватного позора в присутствии Аниты и Беттеги.

Я зашел в магазин Dolce&Gabbana и обратился за советом. Я расписал ситуацию до мелочей, о да, девицам из бутиков я готов даже исповедываться, только им, да еще, пожалуй, путанам. Думаю, что они меня понимают лучше, чем я сам, и несмотря на это не завидуют мне ни на йоту. Ну разве что когда я вытаскиваю колоду швейцарских кредитных карточек, вот тогда-то я просто засранец.

Арианна, которой я особенно доверяю, посоветовала мне послать приглашение в сумочке усыпанной стразами Swarovsky из тех, что выпускаются ограниченными партиями. Тысяча евро — разумная цена за компанию Фернанды, не правда ли? Я положил пригласительный в сумочку и отправил с курьером в на флэт, который Фернанда снимала с двумя другими моделями.

Ее согласие пришло в виде полной ошибок SMSки со смайликом на конце (с круглой скобкой). Подумаешь! Как говорит мой отец, «лучше две груди в нужном месте, чем апостроф не там, где надо».

Я буквально запрыгал от радости. С тех пор как я прервал отношения с Беттегой, круг моего общения сузился неимоверно, более того, меня буквально обложили вежливым молчанием, принятым в нашей компании. Руди, Альби, Биянка, Зева, Том, Бетти Котолетта. Все пропали. Никаких E-mail, ни одного утешительного звонка. Народ предпочитал отмалчиваться,

нежели, не дай бог, показаться навязчивым. Эта ситуация порождала во мне чувство, честно сознаюсь, будто меня все покинули, оставили, хотя, может, я просто излишне мнительный человек.

Я с трепетом ожидал вечеринки, и все эти дни накануне оставался прозрачным, как стеклышко — такая у меня была игра с фатумом — Дука даже позвонил мне, обеспокоенный. Уж он-то помнил обо мне. До кучи я принялся перечитывать последние серии «Дьяболик» и начал даже сочинять для себя историю с арестом Евы. С финалом, правда, у меня не получилось, в голову никакого оригинального поворота не пришло.

Единственным сюрпризом как раз в день party стал звонок Стефана, бесцельный, рутинный — будто он обзванивал всех подряд, чтобы просто поинтересоваться, как дела. Сте человек все-таки необычный. Он прекрасно знал мое состояние, но сердечные проблемы не затрагивал, просто болтал о погоде, вспоминал наши прошлые проказы, рассказывал, как у него идут дела в студии, и что собирается приехать в Италию, прикупить что-нибудь из антиквариата. Пока мы так с ним беседовали, я вдруг почувствовал какое-то странное спокойствие и уверенность. Такое ощущение, будто спишь с кем-то в одной постели и вдруг во сне невзначай касаешься его пяткой, кончиками пальцев или там икрой заденешь. Но спишь и не двигаешься, потому что при уте-ре тактильного контакта почувствуешь себя гораздо хуже. Стефан в этот момент, образно говоря, коснулся меня своей лодыжкой — вот только не надо зубоскалить, я вас умоляю — и я между делом посоветовался с ним, что бы мне такое надеть на праздник. Он посмеялся, чуть подумал, а потом выразился как-то уж очень по-особенному, чем меня немало удивил: «Будь понаглее и оставайся самим собой».

И я Стефана послушался, ведь я такой зависимый, вы же знаете. Я надел тертые джинсы из разряда «домашние», черную рубашку, пиджак от смокинга и сапоги из змеиной кожи зеленоватого оттенка без всяких прикамбасов. Пьер вернулся в дом после того, как выгуливал своего Ламенто на поводке — комично, не правда ли? — и принялся обсуждать мой внешний вид. По его мнению, такие джинсы носят только грузчики, автостопперы и футболисты. Но он был рад, что я немного отвлекся от своих

душевных трагедий. Пьер сообщил, что для нас забронирован столик у самого подиума.

В приглашении время было обозначено 22:30, Пьер просил прийти где-то к 23:15, потому, что нужно всегда добавлять к официальному началу сорок пять минут. Если вечеринка после ужина, тридцать минут, если это фуршет, пятнадцать минут, если это обычный ужин, приходите вовремя, если это домашний ужин, и немного раньше, если ожидаются мировые знаменитости, поющие, как правило, и поэтому все приходят заблаговременно. Нужно. Нужно. Из каждых пяти слов, произнесенных Пьером, два были «нужно». Я ему не раз об этом говорил, а он смотрел на меня такими глазами, будто хотел сказать «марш-на-работу!» и, возможно, был прав. Хотя, конечно, дико признавать правоту за человеком, который выгуливает кота на поводке.

Я решил немного разогреть Фернанду, пригласив ее на ранний ужин в «Голд» — ну так, чтобы включиться в тему. Едва мы вошли, я тут же отправил ее в сортир пописать — только ради того, чтобы она посмотрела на плазменную панель, которые они там развесили в своих уборных. Крутизна невероятная.

Фернанда вернулась совершенно потрясенная, пролепетала «вполне-сойдет-и-пицца», а я, наблюдая, как она вся расклеивается, только и подумал «вот же дрянь». Впрочем дрянь довольно симпатичная. Наверное, это карибская кровь делала ее не такой вульгарной. Даже то, что я использовал ее по-черному, превращало все в прикольную игру. Короче, в этой правильно позолоченной рамке блистала нужным блеском и сумочка от Swarovsky.

— *Me gusta muchissimo*, Леонардо... С тобой я чувствую себя просто как королева...

— Я давно хотел тебя пригласить, да все не представлялось удобного случая.

— О чем ты думаешь?

— Я представил тебя в красном платье... от Валентино.

— Ох, Леонардо! Ты хочешь сказать, что это платье тебе *gusta*?

Я улыбнулся своей промашке и погладил ее по щеке. Фернанда потупила очи, изображая, что обиделась. Прелесть девушек «иметь» в том, что они никогда не сердятся по-настоящему. Они

отходчивы, а если еще и в постели поведут себя правильно, то всегда найдут способ взять свое. Обычный секс превращался у меня в целое событие, в том смысле, что был несоизмерим с моими расходами на ужин, гостиницу и финтифлюшки: любовь, в конце концов, это бартер или не бартер? Да и способен ли кто в этом мире определить истинное содержание обмениваемых ценностей?

Заплатив фиг знает сколько за какое-то Clos Des Goisses, я еще прождал минут десять, пока Фернанда бегала попудрить носик — скорее всего, чтобы еще разок пошариться у плазмы — но выглядела она действительно потрясающе. Жгучие глаза молодой лани, точеные скулы, убийственный маникюр, попка стульчиком. Анита сдохнет от злости, я не сомневаюсь.

Моя уверенность улетучилась, едва я миновал бронированные подступы к «Метрополю» с Фернандой под ручку. Темы мероприятия я не знал, какие-то там мужские дефиле; должно быть, обыгрывалась тема серебра, поскольку даже тротуар перед отелем весь сверкал, как пьяная комета. Брат мой давно был на месте и прислал мне SMS с местоположением столика. Публика излучала шарм, но выпендривалась несколько меньше обычного, хотя я заметил, что мои оригинальные джинсы были на каждом втором.

Единственное, чем я выделялся в толпе, если не считать стрижки под горшок, замазанной гелем, так это казаки из зеленой змеиной кожи. Едва мы оказались в тесной тусовке перед огромным подиумом, как от нас буквально ничего не осталось — пипл пялился лишь на мою стрижку под горшок да на груди Фернанды. Ну, должен признать, в сочетании с моей прической ее добро лишь усиливало эффект. Я просвистел в десяти метрах от Пьера, потом притормозил, заправился парой martin и приготовился отрываться по-полной.

Ничего не могу сказать плохого, тусовка меня принимала замечательно. Никто из моих друзей меня не предал и не забыл, они все быстренько подключились: кто усаживал Фернанду за столик, кто наливал ей Dom Perignon. Мы прикольно так сидели все вместе, выпивали, закусывали фруктами на шпажках, и тут я увидел, как с верхнего яруса, прямо от столика, что был над нами, спускается Анита. Впереди шел Беттега. Он ее и за

ручку так мило придерживал, будто это его девушка. Сукин сын, чтоб ему...

Я пристроил Фернанду с одного бока, с другого — бокал с алкоголем, успокоил брата взглядом и приготовился сыграть самую трудную мизансцену в своей жизни. Эх, сейчас бы закинуться как следует, не по-детски, но сегодня вечером низззя — игра с фатумом, — и мне разрешен только алкоголь. Я взглянул на них обоих прямо и без страха, мне так хотелось посмотреть Беттеге в глаза. Не раздумывая, я выпалил:

— Шампанского?

Оба испуганно уставились на меня, но мой миролюбивый вид их успокоил.

— Да, нет, Леон, спасибо... Ты так любезен. Ты же знаешь, я не люблю шампанское.

— Да знаю, блин... Так сказал, по привычке.

— Ничего. Как у тебя дела?

— Все в ажуре, Ани. Ну а, ты, Беттега, как поживаешь?

— Нормально... Извините, мне надо в туалет

Беттега в замешательстве выпустил руку Аниты, и в мгновение ока испарился, я же с резкостью невежи оттолкнул Фернанду. Я весь светился любезностью, но за этим скрывалась лишь смятение, бешеный стук сердца, слепая ярость и отчаяние. Держать себя в руках. Не повышать голоса. Держать себя в руках. Не повышать голоса. Забудь промах с шампанским. Очаруй ее своим вниманием. Задави ее волей, убей чистой любовью. Пронзи ее стрелами, из тех, что еще остались у тебя, давай, Леон, если любишь, пара острых стрел всегда отыщется в сердце.

У Фернанды хватило ума не убежать, и она терлась рядом, под масляными взглядами моих приятелей. На мгновение я подумал, насколько менее любопытны консьержи в наших подъездах, нежели эти гребаные лицемеры, мои друзья.

— Как дела на работе, Ани? Разрываешься между Майами, Нью-Йорком и Бразилией?

— Но это же все обычные командировки! В последние дни, в основном, в Милане, аукционы один за другим... Ты знаешь, я открыла одного молодого китайского художника, он недавно выставился в Шанхае. Твоим бы наверняка очень понравилось.

— ...

— А ты, у тебя как дела? Ты в порядке?

— Мне плохо, Анита. Ты нужна мне.

Вот что я ей ответил. По идее, мне надо было сказать: «Какого хрена ты все еще с этим козлом?». Но у меня не хватило мужества. Я стушевался, я обделался, обделался на глазах у всех. Я чего-то мямлил, и глупые мои слова были последней соломинкой, за которую я пытался ухватиться. Когда Беттега вновь нарисовался на горизонте, на мгновение у меня возникло чувство, будто Анита ко мне вернется. Туфелька у нее сползала с ноги, она ее все пыталась подцепить, такая скромница, чистое, непорочное дитя... Анита явно нервничала, ее Леон стоял перед нею, словно ясно солнышко, выпив всего лишь два бокала мартины да полбутылки шампани. О, я был чист, как стеклышко, таким трезвым она меня ни разу не видела, ни на одной тусовке. И тут неожиданно для себя я злобно посмотрел на нее, развернулся и пошел прочь. Все тарасились на меня: брат с пониманием, друзья с любопытством, Фернанда — так та просто моргала, не врубаясь в свой неожиданный облом. Я подошел к ней, как ни в чем не бывало, и повел танцевать.

На танцполе сердце чуть успокоилось, а может, наоборот, заколотилось еще сильнее, я не помню точно, помню только, что сердце работало как-то не так. Нет, ничего не кончилось, не может все так кончиться. Я весь отдался танцу и заставил себя отметить, что попал на реально крутую тусовку. По бокам подиума около шестов извивались девушки go-go, а два гламурных паренька разливали шампанское всем, кто проходил мимо. Фернанда не удержалась и тоже было протянула свой бокал, но я ее одернул. Мне казалось, что момент неподходящий, хотя парочка ее признала.

Я изобразил пошлое объятие в надежде, что Анита меня видит. Я ощущал ее взгляд на себе, я исполнял роль пьяного и счастливого, я пытался тащиться под эту ужасную, завоораживающую музыку. Искусственные груди Фернанды накрывали меня всего без остатка, но обычного своего эффекта не производили и не возбуждали меня, может быть, потому, что все это было неприкрытым свинством и латентным эксгибиционизмом. Открытки, вернувшиеся к отправителю. Пирожные в финале

обильного ужина. Я больше не хотел сисек несмотря на то, что оплатил их.

И вот, когда я совсем уже пришел в себя, я обнаружил, что все мои приятели уже танцуют вокруг. Я все это воспринял не иначе как демонстрацию дружеской поддержки с их стороны, и был им бесконечно благодарен. Хотя, может, они просто-напросто уже закинулись, блин, и ни один не предложил мне дернуть — подонки они все, и больше никто.

Я стал водить жалом по всем лестницам, на которых было полным-полно секьюрити, в поисках Аниты. Я заметил ее: она беседовала с одной из своих фальшивых подруг, может, о живописи, может обо мне, в руке бокал, в нескольких метрах — Беттега. Несмотря на подлянку, которую он мне подсунул, никто из моих друзей не стал с ним менее вежлив. Честно говоря, такая чистота нравов меня несколько обескуражила. Только Котолетта — видимо, я недостаточно хорошо ее знал — имела мужество встать на мою сторону. Она сказала мне, что Беттега — полное дерьмо и что Анита в конце концов приползет ко мне на коленях. О, я был ей бесконечно признателен за такие слова, но напрямую выразиться не посмел, протянув ей зубочистку с земляникой в знак благодарности — на большее меня не хватило.

Я продолжал тусоваться с Фернандой — как-никак штуку евро заплатил, чего деньгами разбрасываться. Задумав поцеловать ее, я перед этим бросил внимательный взгляд на лестницу, чтобы удостовериться, хорошо ли Анита меня видит. Аниты не было. Я искал ее глазами на танцполе, у туалетов, среди болтавшихся по партеру компаний, в толпе у гардероба, в очереди за сувенирными маечками и даже на посеребренном асфальте.

Анита ушла, не попрощавшись со мной. Они ушли, не попрощавшись со мной. Я пощупал в кармане, на месте ли ключи от машины, и побежал к своему «жучку», запаркованному на каком-то далеком тротуаре, потом поехал домой, один, без никого, без единого жалкого «камешка» в кармане, без обычного литра выпивки, чтобы посадить печень. Я физически чувствовал, как тоска пожирает мое тело, я упивался собственным поражением. Так было надо. Но когда я прибыл на улицу Боргонуово, и уж фотоэлемент замигал, и парадная дверь стала открываться, тут я все-таки сдунул к Порта-Венеция, чтобы взять дури у черных.

Это было самое ужасное для меня лето.

Нигде, буквально нигде я не мог успокоить свои нервы. Я метался по какому-то бесконечному замкнутому кругу, сотрясая самого себя в губительном вихре саморазрушения. Насыщенные каникулы, которые я пытался изобразить, оказались не чем иным, как банальным повторением всех моих прежних приключений: однообразные ночи Ибицы, летняя монотонность Сан-Морица, смертельная скука Портофино. В мои двадцать семь у меня не было никакого желания путешествовать, я не говорю уже про свою мать. В последнее время мама не ездила даже в Сен-Тропе: она его находила вульгарным, люди там не умели ни правильно держаться, ни одеваться, ни кушать. Один разок она съездила в Намибию, один раз в Полинезию, но во всем остальном наши каникулы состояли в том, что мы перетаскивали наш стеклянный миланский колпак в разные милые места. Маман, к примеру, во всех наших домах свою спальню обставляла совершенно одинаково, и в каждой непременно должен был быть графин с водой, который заказывали у Ника Мэйсона. Менялся только пейзаж за окном, ну и иногда — светильники. Я возил с собой альбомы с Человеком-Пауком и свое любимое одеяло, Лола — своих фей «Винкс», Пьер был неразлучен с Ламенто. Каждый таскал с собой свою раковину, и это делало нас примерной семьей.

Почти два месяца прошло с того момента, как Анита оставила меня, и до сих пор я так ничего и не понял. Возможно, я специально не желал ничего ни понимать, ни видеть, ни осознавать. Я упорствовал в своих привычках и поступках, которые вели только лишь к бесконечным потерям и новым безумствам. Это был порочный круг, и я чувствовал, что кислороду становится все меньше и меньше.

Когда твой лучший друг уводит у тебя девушку, ничто не снимет тяжесть с твоей души: единственное твое желание, это чтобы она была с тобой, а он сдох. Но они, гаденыши, продолжали жить своей жизнью, а вежливая уклончивость друзей заставляла меня лишь строить догадки в отношении этой парочки: близ-

ки ли они, спят ли друг с другом, говорят ли обо мне, отвергла ли она окончательно возможность вернуться ко мне. Целую неделю я прокручивал в памяти те несколько дивных ее слов, сказанных на вечеринке: «А у тебя как дела? Ты в порядке?» Ничего не значащие слова, даже если читать их, но некоторые фразы стоит не только слышать, но и видеть, как они произносятся. Я уверен, Анита хотела сказать мне намного больше. Нет, она не выглядела счастливой, это было очевидно, и это служило мне единственным утешением.

Я начал было бомбардировать ее SMS, но она расщедрилась лишь на одно ответное послание, которое пришло ночью. Вот что она написала: «Леон, не настаивай. Мне очень жаль, что тебе плохо. Мне тоже плохо. Мы должны это пережить. Целую. Ани».

Всю неделю я носился с этим чертовым сообщением, я декламировал его вслух, зачитывал Пьерандреа по телефону, один раз я прочел его даже Ламенто, когда тот не рычал. Но никто не мог утешить меня, а главное — никто не мог растолковать мне этот текст с филологической точки зрения, хотя у меня нет даже самой смутной идеи о том, что значит это слово. Поэтому я принялся расшифровывать мессидж Аниты самостоятельно, благо времени имелось в избытке. Вот какие результаты.

«Леон, не настаивай» кажется довольно резким, однако мое имя в начале фразы есть несомненный признак дружеской приязни. Наверное, Анита стремилась вызвать меня на диалог.

«Мне очень жаль, что тебе плохо» звучит просто здорово. Ей безразлично, как у меня дела. Впрочем, Анита женщина непростая, с сиськами, но гордая и никогда не стала бы откровенничать. То есть некоторые вещи сказать сказала бы, но писать об этом — ни за что.

«Мне тоже плохо». Сто баллов. Когда я это читаю, чувствую себя всякий раз окрыленным.

«Мы должны это пережить». Здесь Анита, похоже, все еще дует на меня, но все равно смысл фразы положительный, хотя сама фраза какая-то корявая.

«Целую». Это просто цимус! Если бы она написала «салют», то это была бы трагедия. «Обнимаю» меня убило бы на месте. Но «целую» звучит так искренне, я будто слышу ее голос.

«Ани». Она не написала «Анита», она написала «Ани», как я ее называл. Значит, она все еще меня любит.

Чего там говорить, не прошло и нескольких часов, как мой горячий оптимизм превратился в тяжелый леопардианский пессимизм.

Вот такие мысли занимали меня в конце августа в Портофино, когда я после длительных уговоров решился-таки провести несколько дней в компании с мамой, Амедео и Лолой. Моя сестренка, освоив роли сначала матери, а потом училки итальянского языка, теперь упорно имитировала свою преподавательницу балетной школы. Судя по всему, та фурия беспрестанно орала на всех подряд — ЧТО ЭТО ЕЩЕ ЗА ГРАН-ЖЕТЕ?! — одна только Лола со своими пируэтами оставалась вне критики. Мне же она казалась совсем неуклюжей, когда кружила со своими пухлыми ляжками вокруг бассейна. Возможно, я излишне критичен.

По причине ужасного состояния духа я сократил до минимума и традиционную тусовку на Ибике. Мне даже удалось убедить друзей, что я собираюсь сдавать экзамены в университет. Результат: я проглотил аж десять граммов за два вечера.

В Портофино я обрел некоторое умиротворение, особенно в нашем бассейне, нависающим над морем, непосредственно над Парадджи. Вот еще одна отличительная черта нашей семьи: если бассейн не нависает над чем-нибудь, мы его просто в этом месте не строим.

Моя мать была очень рада видеть наконец-то всех нас вместе, под боком, в первую очередь, конечно, чтобы повыпендриваться перед своими тошнотворными подругами. Эти тетки копошились в гостиных, болтая об искусстве, литературе и пластической хирургии ног. Когда они устроили перерыв на чай — Lady Grey, насколько помнится — как раз в этот момент мой мобильник наконец-то вспомнил о своем хозяине. Увы, это была не Анита, другой человек, который, впрочем, порадовал меня тем, что жив и здоров.

— Папа, как ты?.. Можно, конечно, назвать трагедией... что-то с Пьером?.. На Ибике... Нет, мы вчера разговаривали, он там отрывается по полной... Откуда я знаю, почему он тебе не сказал? Я что, его секретарь... Я не повышаю голос... Я понял, что произошла трагедия, но ты можешь мне объяснить... Ох, черт,

мне жаль... А она в этом уверена?.. Она уже ушла из твоего дома?.. Крандец какой-то... в смысле, ты переживаешь... Я знаю, что это и так понятно, а что ты хочешь, чтобы я тебе сказал?.. В Портофино с мамой... Ну, не сказал бы, чтобы совсем легко... Да, знаю, но мне надо побыть с ней немного... Нет, потому что я уже не на Ибике, раз я здесь... Хочу попробовать поступить в университет... Да, уверен... Зачем ты мне такое говоришь? Только потому, что я никогда не любил учиться?.. Это не значит, что я... Ладно, раз ты так считаешь... Я тебе звонил, только ты не отвечал... Да, конечно, мог еще раз набрать, но как-то все было не до этого, блин... Извини... Сейчас скажу ей... Вот как, прямо у тебя дома?.. Один ты никак не можешь... Я ни на что не намекаю... Извини, тут плохо ловит... Я знаю, что у тебя Swisscom, у мамы тоже... У тебя первого появился, я помню... Я тебе не могу так сразу ответить... Знаю, что от Портофино до Милана полтора часа езды... Все родители одинаковы... Да, я люблю тебя... И Пьер меня часто о тебе спрашивает, мы бы хотели видеть тебя чаще, разумеется... даже когда тебе хорошо... Я не повышаю голос... Да, задница у нас любимая часть тела, как всегда... Я знаю, ты хочешь мне добра, спасибо... Я тебе перезвоню, а то я сейчас с мамой говорю... Будь молодцом и постарайся успокоиться... Обнимаю.

Этого мне только не хватало. Именно сейчас папина телка — богатая, глупая, напыщенная фифа — осознала вдруг, что мой отец полное фуфло, и решила от него свалить, совсем как Анита от меня. А мой папаша каждый раз, когда такое происходит (не реже двух раз в год), в отчаянии названивает мне, умоляя приехать, а не то он, видите ли, впадет в жуткую депрессию. Он предпочитал меня, а не Пьера, вероятно, потому что у меня было гораздо больше шансов стать неудачником.

Папаша постоянно заставлял меня врасплох с этими своими бедами, и я никогда не мог сказать ему «нет». Потом через пару недель у папаши появлялась новая невеста, и он просил меня поехать к маме. Типа «езжай, сынок, я теперь и один справлюсь», и опять пропадал на месяцы. Когда папа звонил, я знал, что ему по фигу, что со мной и как у меня дела. Он хотел только вывалить на меня свои горести, будто у меня у самого этих несчастий было мало.

Я накинул халат, оставил Мика Джаггера петь в одиночестве в моем ай-поде и вышел в гостиную, где болталась моя мама, обернув свои телеса в ласковое парео. Я пригласил ее выйти со мной в сад, а мама обрадовалась возможности продемонстрировать своего сыночка, такого остроумного, своим ехидным подругам. Какие же слащавые эти тетки, как и их духи, которые они сами же и делали — зачем, фиг его знает. Ладно, это тема странная, даже для Портофино.

Маман вышла радостная и озабоченная одновременно, ведь я не так уж и часто приходил к ней, чтобы о чем-то сказать, если только у меня не тырили бумажник.

— В чем дело, Леонардо? Что-то случилось с Пьерандреа?

— Нет, ма... Просто папа позвонил... и...

— Понятно, эта идиотка его тоже оставила. ОН ЧТО, ПРОСИТ, ЧТОБЫ ТЫ ПЕРЕЕХАЛ К НЕМУ?

— Мама, здесь твои подруги.

— Извини меня, но ты мне нужен здесь... ты же знаешь, я уменьшаю курс психофармакологии...

— Мама, ты тоже не заводишься... В конце концов это мой отец.

— Кажется, ты его больше ценишь, чем Амедео, который тебя вырастил.

— Мама, блин, о чем ты говоришь... Моему отцу плохо, я должен как-то помочь... А потом вернусь и помогу тебе, ладно?

— Ты меня совсем не любишь, как прежде.

Я не стал ждать, когда мама начнет свой запрограммированный плач, запахнул халат и сунулся попрощаться с синьорами, которые загорели до черноты. Помните: после определенного возраста чем сильнее загар, чем старше выглядишь!

Я побежал собирать сумку, чтобы вернуться в Милан. Наконец-то хоть какое-то занятие, наконец-то что-то новенькое. На самом деле страдальцем являлся я, и не было никого, кто мог бы мне помочь. О'кей, Стефан, это правда, но друг был в Перпиньяне. Или еще мой брат, но тот торчал на Ибике, а потом собирался отправиться в Патагонию — типа чтобы нервы поправить в компании с «наставником» — лайф коучем. Он и мне предлагал провести несколько занятий с этим учителем жизни — шаманом-гуру-философом-инструктором в одном флаконе, — но мне это дело как-то не по душе. Как может посторонний человек

поправить твои нервы, заставляя тебя выполнять тяжелую работу или отправляя черт знает куда?

Лучше бы Пьер сходил со мной в «Даунтаун», там бы хорошо выложился, и стоило бы это ему намного меньше. Никогда нельзя перечить старшим братьям, особенно, если те работают преуспевающими адвокатами. Кроме того, у меня нет сомнений в том, что братец занимается с лайф-коучем исключительно потому, что его прикалывает произносить это слово. Пьер любил так, походя, ввертывать разные словечки. Больше всего ему нравились: Такашимайя, Ума Турман, Барнес & Нобль, Эннис-дель-Мар, Променад-де-Энгле, сашими, Отель-де-Рюсси, aficionados, after show, Майкл Джексон, Питер Джексон, Джанет Джексон. Да, к Джексонам Пьер питал настоящую слабость, хотя по большому счету ему было все равно, кто они там, певцы или режиссеры.

У меня в голове еще гремел голос Пьера, а я уже запрыгивал в автомобиль со своей сумкой и с впечатляющим чемоданчиком первой помощи, в котором лежали седативные и психотропные средства, порнуха, чуток травки и свежечопатая бутылка портвейна. Мне было приятно заявиться к папе с гостинцами, которые могли бы его оживить. Наконец-то у меня появилась цель, достижение которой отвлекало меня от суицидальных наваждений, от навязчивых мыслей о самоубийстве, от желания беспрестанно биться головой о стену.

Вот о чем я думал, оставляя Портофино с его высокими скалами, безупречными виллами и белесым небом — испариной больного августа. Милан лучше, решительно лучше. Милан — это именно то, что мне сейчас нужно.

17

Ненавижу Милан.

Эта вечная унылость дворцов, даже самых красивых, эта нелепость женщин, у которых есть деньги, чтобы дорого одеваться, но нет природной красоты. Когда я думаю о Навильи без воды,

о площади Лорето, Куарто-Оджаро, о голубях на Пьяцца Дуомо, мне всегда становится почему-то грустно.

Но это мой город. Города, как и родителей, не выбирают. Ты привыкаешь любить их такими, какие они есть, просто за то, что они тебе способны дать, за то, что они тебе могут предложить. В моем Милане меня ломает буквально все: особенно люди вроде меня — богатые бездельники, — которых становится все больше и больше, хотя внешне на всех Милан производит впечатление города строгого, чопорного, практически швейцарского. Он очень отличается от Рима, в котором я был раза четыре, на каких-то тусовках. Что я могу сказать о Риме? Перед такой роскошью можно только отвесить поклон и спросить: «Пardon, что бы мне такого сделать для вас? Если желаете, я могу подмести здесь улицы. А может, мне натереть тряпочкой до блеска Марка Аврелия?» Ну понятно, минут через пять такие настроения проходят, у меня это так, сдуру вырвалось.

У, если бы я мог выбирать, то мне бы пришлось бы по сердцу жить в столице, где каждый житель, даже босс, открывающий совещание, производит впечатление отпускника. Я думаю, такую атмосферу создает вызывающая красота римских дворцов. Хотя моя мать и говорит, что нет ничего ужаснее римских окраин — она как-то раз там заблудилась, еще до того, как был изобретен джи-пи-эс-навигатор.

Что толку хныкать, если в этой жизни живешь привычками. День проходит за днем, отсутствие воды в Навилях уже не так тебя раздражает, про смог ты и понятия не имеешь, улицы с односторонним движением не представляют уже никакой опасности.

Я свернул на такую, как раз во встречном направлении — несколько метров делая вид, что я таксист — и добрался до дома моего отца, на улицу Сенато. Я припарковал машину тут же и, весь довольный, позвонил папаше. Папа отвечал как-то вяло, без всякого удивления, будто речь шла об обязательном визите, хотя, скорее всего, он был уже «тепленький».

Отец пребывал в жалком состоянии. Босой, в шелковой пижаме, с потухшей сигарой во рту и стаканом виски в руке. Папочка мой, короче. Он обнял меня и принялся плакаться, уткнувшись лицом в мое плечо. Тем временем Зельда — румынка или

словенка, я их никогда не различал — продолжала собирать серебряные пепельницы, полные окурков, и рюмки, оставленные там и сям на разных предметах мебели. Дом, где жил папа, являлся воплощением изысканного декаданса. Внешне здание было в классическом стиле пятидесятых, с непременным колоритным швейцаром в униформе, но внутри царила атмосфера восемнадцатого века. Кроме того, из окон виднелись шпили Дуомо — бесценный вид.

Папа продолжал плакаться, а меня это никак не волновало, точно так же, когда дети капризничают, а ты с досадой думаешь «какая ерунда!» Хотя папа и был большим ребенком. Я пытался как-то его успокоить, особо не раздумывая над тем, что говорю.

— Может, тебе начать снова играть в гольф... это классно... познакомишься с новыми людьми... вес немного сбросишь.

— Пожалуй. Но мне так далеко добираться до Бьеллы...

— Тогда можно играть в Монце.

— Да я лучше прямо здесь, в своей гостиной, играть буду. Они там все козлы!

— Блин, тогда играй на Вилла-д'Эсте.

— Меня исключили оттуда за то, что я ругался на поле, а директору это не нравилось. Видишь? Ничего мне не подходит.

— Пап, да брось ты...

— Ладно, я начну ездить в Бьеллу... Тем более скоро начинается сезон в Марракеше, я быстро включусь. О, мне надо слазить на escort.it и найти себе какую-нибудь телку в компанию. А ты когда в клуб запишешься?

— Папа, ты же знаешь, гольф — это спорт пожилых... и потом, каждый раз, как я появляюсь в клубе, твои друзья постоянно пытаются всучить мне какую-нибудь работу. А работу я себе хочу найти сам, своими силами.

Папа был настолько в себе, что даже не воспользовался моей промашкой, чтобы разразиться очередной проповедью в мой адрес. Он взял чистый стакан, налил туда виски и протянул мне. В этом жесте было столько нежности, я чувствовал, как он старается выразить всю свою любовь ко мне.

— Если тебе нужны успокоительные, то я привез немного... если ночью ты не можешь заснуть... У меня еще есть Lexotan, едва початый.

— За кого ты меня принимаешь? Я не debil, что живет с твоей мамой. Мне достаточно почувствовать, что мои дети рядом со мной и все, я уже в полном порядке.

Он опять наполнил стакан. В его повадках я узнавал самого себя. Впервые я начал отдавать отчет, что должна была чувствовать Анита в определенные моменты нашего с ней общения. Мной овладела странная неловкость, и вовсе не от стыда за мои выходки. Ни разу в своей жизни я никому ничего не советовал, и никаких решений, за исключением рецептов химического свойства, я предложить не мог.

— Твой брат никак не проявляется, даже позвонить не может.

— Боюсь, что на Ибике какие-то проблемы со связью... Я ему тоже не мог дозвониться.

— Твой брат приезжает только для того, чтобы говорить о дедушкином завещании.

Увы, папа был прав, но не мог же я настраивать его против бедняги Пьера, единственного, кто всегда был рядом со мной.

Неожиданно во мне проснулась ностальгия по Портофино. Было уже половина седьмого вечера, город, казалось, вымер. Нежданный ветер раздирал небосвод на части. Мне пора сматываться отсюда.

Я придумал, что мне надо заехать на улицу Боргонуово, чтобы отослать пару факсов для мамы, и папа купился. Он звал меня поужинать с ним, приглашал в «Консоляре» — мы туда часто ходим, папу там знают, кроме того, там не надо по три часа объяснять, как ты хочешь, чтобы был прожарен бифштекс.

Я договорился с папой о времени, потом еще немного побыл с ним, хлопнул пару стаканчиков виски, а потом вышел на улицу и вдохнул цементного воздуха этого города, который, что ни говори, любил меня больше остальных. Эти апартаменты, этот запах прокисших гобеленов и гангренозной роскоши вызывали во мне просто-таки чувство тошноты. Потому-то я и старался всегда устраивать встречи с отцом в каком-нибудь ресторане или на озере, где я чувствовал себя в своей тарелке.

Я сел в автомобиль и погнал в никуда, включив в салоне вентиляцию на полную мощь, и поставил диск New York Dolls. Мне нужна была энергия, мне нужно было сбросить напряжение. Я

вбирал в себя все эти одинаково серые улицы, одну за другой. Невидимый механизм сам собой давил на газ, переключал скорости, включал поворотники, жал на тормоз. Я осознал, где нахожусь, только остановившись у такого знакомого подъезда Аниты. Занавески были раздвинуты, но только в кабинете ее отца. Комнату Аниты скрывали шторы. Пару раз я объехал вокруг квартала, обдумывая стратегию в режиме «сделай сам». Вот какие банальности мне пришли в голову:

— послать ей SMS: «Я у твоего дома, выгляни, моя Джульетта»;

— прислать ей букет цветов с отстойной запиской: «Человек Паук стоит на улице и сейчас заберется к тебе в окно!»;

— позвонить ей на домашний телефон и спросить: «Сколько еще тебя ждать, бэби?»;

— набрать ее номер по домофону и предложить обратиться в Церковь Сайентологии;

— проскочить через консьержа и постучаться в ее дверь с пробитой на хи-хи рожей.

Поскольку я был такой весь трусишка-зайка-серенький, то начал, разумеется, с написания SMS, составил их несколько, но мужественно не отправил, поскольку ни одно из них не казалось мне достаточно убедительным: не хватало какого-то окончательного штриха, чтобы это было действительно достойное послание. Бегать искать где-то цветочника — это идиотизм, по домофону названивать — а вдруг не она, а кто-нибудь еще подойдет, то же самое, если тук-тук в дверь. Я набрался мужества и выбрал вариант со звонком на домашний, потому что на такие звонки всегда отвечает Анита. Исходящий номер не высвечивается, ей интересно, кто бы это мог быть, она снимает трубку, я закуриваю, успокаиваюсь, в общем, вариант проходит. Я набрал ее номер два раза подряд, хотя мог спокойно «стрельнуть» из памяти, но мне необходимы были пара секунд для обкатки. Первый раз я просто хотел убедиться, проходят ли звонки. Я задрал голову, чтобы посмотреть, не выглянула ли Анита: если бы шла вторая серия какой-нибудь голливудщины, она обязательно бы это сделала.

Не выглянула. И в этот самый момент моему пьяному взору открылся знаменательный знак моей драмы: «гольф» Беттеги,

припаркованный в нескольких метрах от меня. Сколько же виски я выдул, если сразу его не заметил?

Я подошел поближе, надеясь, что, может быть, это не его тачка. В конце концов, Милан полон всяких хабалок из Лондона: я заглянул через водительское окошко и распознал сумочку Аниты, оставленную на сиденье. Точно, ее. Это были они. Там, на верху. Вместе. Game over. Game over. Game over.

Я пнул что есть силы дверь подъезда — никто не услышал, кроме, быть может, консьержки, взвалил, в который раз, на плечи узел с горестями и поплелся к своей машине.

Ни слезинки на этот раз не выкатилось, я сел в тачку, разозленный своей наивностью, своей упертостью — как хотите, трактуйте — признак детского упрямства или, может быть, зрелой любви. Не уверен, что эти две вещи сильно друг от друга отличаются.

Я несся по проспекту, пару раз чуть не попав в аварию, я орал матом через опущенное окошко, и чувствовал, что мне конец. Я чуть-чуть пришел в себя на улице Санта-Маргарита, когда с визгом затормозил прямо у киоска Grom: я взял полкило малинового мороженого в ведерке и горький шоколад. Все это я сожрал тут же, на глазах мороженщика и изумленных прохожих. Два несовместимых вкуса анестезировали мою боль, по крайней мере, желудок мой как-то сумел это перенести.

Я прошелся до «Ла Скала», пошатываясь и порывивая, а потом вернулся к своей «маджолино», припаркованной неподалеку от дома моего daddy. К счастью, штрафных квиточков на ней не обнаружилось.

По большому счету я отсутствовал чуть менее часа, так что с моей стороны было даже весьма учтиво прибыть пораньше. В лифте я раздвинул губы в улыбке и попытался пригладить ладонями свой «горшок», правда, без особого успеха. Дверь мне открыла Зельда.

— Добрый вечер, инженер Леонардо...

— Дрр-й-е-чер, Зельда... Пааааа?

— Синьор, ваш отец ушел десять минут назад. Он просил передать вам, что на ужин не придет. У него срочное дело.

— Какое еще дело?

— Не знаю, синьор.

— КАКОЕ ДЕЛО?

— ...

— ???

— Ну, он позвонил каким-то своим подругам, и одна из них пригласила его к себе, бедный синьор Джованни... ему было так плохо в последнее время.

— Понятно.

Я ушел, не попрощавшись. Разочарование было таким, будто ты опоздал на самолет, а тебе говорят, что, мол, можно успеть на чартер, только это в другом аэропорту. Неудивительно, что вскорости я уже закидывался в доме у Дуки. Дука, заложив пару грамм со мной впополаме, вдруг подкатил аки змей:

— Осталось-то всего три дозы... может, ширанемся?

— Сказочно, Дука.

Я вышел без каких-либо колебаний, добрался до ближайшей аптеки и громко потребовал два шприца для инъекции инсулина. Потом возвратился к разлагающемуся аристократу и протянул ему шприцы, как корсар, кидающий добычу в общак. Потом я видел, как он заливает в утюг воду, растворяет там ширево, перетягивает мне руку ремнем, заправляет шприц через фильтр от сигареты, а потом игла втыкается мне в вену. А потом я уже ничего не чувствовал.

18

Это ничего длилось с минуту, не больше.

Минута началась с того, что Мэрилин запела Happy Birthday to You, но вдруг ее резко оборвали. Я ощутил сердце где-то вне себя. Сердце пустилось в жуткий пляс, но не радуясь, а лишь безумно ускоряясь и ускоряясь. Раз-два-три-прекрати. А оно опять... Прекрати, остановись же, говорю я тебе. Сейчас досчитаю до десяти — и вот увидишь, оно остановится. Игра с фатумом. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль.

И ничего. Сердце меня не слушалось. Мэрилин между тем собрала свои шмотки и собиралась возвращаться к своему Кеннеди. Дука смотрел на меня удивленно, нет, скорее озабоченно, уж не знаю, что у меня была за вывеска в тот момент, но наверняка не суперская. Мне нужно было что-нибудь, чтобы успокоиться, поскольку вставило меня конкретно. Что-нибудь радикальное, типа валиума. В карманах я обнаружил только пару мятых упаковок виагры. Дука попытался привести меня в чувство словами, он лепетал, что сейчас, мол, все пройдет, что эффект долго не длится, однако меня продолжало крутить и колбасить.

Я бросился в ванную и вернулся с таблеткой дормикума. Я заглотил ее, как волшебную облатку, размазав по щекам и губам воду, настолько был в панике. Там, где не стреляли игры с фатумом, стреляли таблетки. Дормикум мне ни хрена не помог, вообще никак. Эффект был иной, но мгновенный: я просто вырубился и рухнул на диван.

Через несколько минут я открыл глаза — передо мной был Дука. Он смотрел на меня сурово, и мне показалось, что на его лице отчего-то слишком много морщин.

— Леон, ты как? Леон? ЛЕОН?

Да здесь я, здесь, слышу я тебя, только ответить не могу. Плохо мне. Плохо, твою мать, хотя нет, уже чуть лучше. Я медленно заставил себя принять сидячее положение. В метре от меня, на столе лежал шприц, а на кончике иглы — заметное пятнышко крови. Ремень висел на спинке стула.

— Убери это.

— Мигом.

— Только будь здесь. Не уходи, твою мать, не уходи никуда.

— Как же я все это дело убери, если мне нельзя отойти?

— Кинь куда-нибудь в угол, не оставляй меня сейчас. Черт, я же откинуться мог. Нет, сегодня мне нельзя умирать, никак нельзя.

Дука пощупал мой пульс и вздохнул с облегчением. Он знал, что меня надо бы сейчас отвезти в клинику, но неприятностей ему не хотелось, тем более, зная мою наивность, их бы он огреб по самые не хочу.

Он дал мне попить водички, в неловком и тягостном молчании, и мое дыхание практически восстановилось. Но башка гуде-

ла, ноги дрожали, я с трудом мог передвигаться. Я не хотел больше там оставаться, мне нужно было убежать куда-нибудь подальше от иглы.

Я продолжал сидеть молча, оглядывая дом, где мне чуть было не пришел крандец, потом мало-помалу пришел в себя и стал собираться.

Дука безуспешно настаивал, чтобы я посидел еще немного, потом дал мне на дорогу еще одну таблетку дормикума, запретив принимать сразу, и довел меня до лифта.

Нажав кнопку первого этажа, я глянул в зеркало — и впервые почувствовал себя виноватым.

Если бы я умер, что от меня осталось бы? Ничего, за исключением там и сям оставленной блевотины, каких-то оплаченных ужинов, пары поношенных кроссовок и подстриженных под горшок волос. А еще что? Добра я не сделал никому. И зла тоже никому не причинил. Ничего не создал. Ничего не разрушил. Я не существовал. Абсолютно. Какие-то вещи начинаешь понимать вот так, внезапно, я это повторял себе много раз, пока пытался доехать до улицы Боргонуово. Как мне удавалось вести машину — фиг его знает.

Хулио с Маризелой пришла в голову чудная идея устроить званый ужин в нашем доме. Очевидно, они отследили все перемещения нашей мамы, воспользовались тем, что консьержка ушла в отпуск, и позволили себе приглашать гостей, чтобы заполнить ими все диваны в наших гостиных на Боргонуово. Маризела встала к плите — и вперед, все на ужин, в дом, где им платят сущую ерунду плюс бонусы.

Не знаю почему, но сцен я устраивать не стал. А ведь мог, я такую сцену мог закатить, мало бы не показалось, тут я своему братцу практически не уступал. На самом деле, я знал, почему обошелся без крика: я испугался. Животный страх. Потом я немного взял себя в руки и посмотрел на ситуацию с другой стороны: это было даже забавно. Они все сидели на нашей кухне, человек десять, и еще три ребенка, которые играли на полу в куклы — Человека-Паука и фей «Винкс». Маризела смотрела на меня, как на ангела смерти, возможно, лицо мое было и в самом деле, как у покойника. В комнате мгновенно все замолчали, включая детей.

— Синьор инженер, я не знаю, как вам объяснить... сегодня день рождения моей сестры... мы так редко видимся... все хотели собраться где-нибудь... простите нас, пожалуйста...

— Простите нас...

Это был Хулио.

— Простите нас...

Теперь опять Маризела.

— Простите нас...

А это, полагаю, была сестра Маризелы.

— Простите нас...

Эту я практически не услышал, это была какая-то посторонняя филиппинка.

— О'кей, я пошел спать. После приведите все в порядок и подарите детям Человека-Паука. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, синьор инженер.

— Спокойной ночи, синьор инженер.

— Спокойной ночи, синьор инженер.

— Спокойной...

Я плотно закрыл за собой дверь, чтобы не слышать голоса этого праздника нищеты, хотя, должен признать, меня это несколько растрогало. Хотя, скорее, с моей стороны это была даже некоторая зависть — не знаю, захотел бы Пьер приготовить что-нибудь вкусное на мой день рождения, да уж он бы наготовил!

Приход, словленный после кокаина и дормикума, потихоньку оседал, но как-то неубедительно. Уходить из дома мне было в лом, тем более сейчас, когда в котелке чуть прояснилось, кроме того, я боялся, что меня опять вставит круче прежнего. Иглы, мне мерещились повсюду иглы. Реальность выставила мне счет, и как оплатить его, я не знал. Кредиток не было, бабок тоже, даже волосы на голове, казалось, отсутствовали, ни фи́га у меня ни осталось. О, зубы. Я потрогал свои зубы пальцем, чтобы удостовериться в их наличии. А Анита? Где же Анита? Почему ее тоже больше нет? А может, она придет, вот и шаги слышны, это точно она, нет, это филиппинцы. Хрен тебе. Меня окружают призраки, они тычут в меня пальцами и хором насмеваются.

— Уходите прочь, сволочи! ВОН!

— Синьор, все уже давно ушли... Успокойтесь, и еще раз простите нас, пожалуйста!

Что за пургу несет Маризела? Я ничего не понимаю. Шума я больше не слышу. Призраков больше нет, хотя как же, есть, только они попрятались за занавесками, я знаю. Это они унесли прочь Аниту. Я заплакал. Просто ревел как ребенок, изо рта капала слюна, а глухие рыдания перехватывали дыхание. В зеркале мелькнуло мое багровое лицо, но остановить рыдания я был не в силах. Заснул я только после того, как принял вторую таблетку дормикума.

Проснулся я странным образом с ясной головой и под чистой простыней, не помня, как оказался в постели. Осознание ужасов едва миновавшей ночи приносило неожиданное облегчение. Наверное, у меня съезжала крыша, или, проще говоря, последние оставшиеся в живых нейроны решили устроить напоследок конкурс бальных танцев в моем мозгу.

Маризела услышала, как я прошаркал по комнате, открыл жалюзи и вывалился на террасу. Она робко выглянула из гостиной и спросила, не подать ли синьору завтрак на террасу. Тысячу лет она не задавала мне подобных вопросов, бедняжка, она, вить, до сих пор чувствовала вину за свою столь нежную любовь к сестре.

— Спасибо, Маризела, только знаешь, я все равно маме ничего бы не сказал. Даже если ты мне приготовишь завтрак как обычно, в столовой, о'кей?

— Вы так добры, синьор инженер. Мне жаль, что у вас сейчас не самый счастливый период.

— С чего ты взяла?

— Потому что вчера вы ни капельки не рассердились... А еще я заметила дверь в вашей комнате...

— Дверь?

— Когда вы счастливы, вы дверь не закрываете, вам совершенно неважно, видим ли мы вас или нет. А в последнее время вы всегда запираетесь.

— Что же мне сделать, чтобы вновь забыть про свою дверь?

— Влюбиться. А еще лучше — сменить обстановку. Вы знаете, что я делаю, если мы поругаемся с Хулио?

— Что?

— Я иду в супермаркет. Беру тележку и хожу, хожу по залу, даже если мне и покупать ничего не надо. Ну, я смотрю на цены,

на скидки, так, чтобы в следующий раз синьора осталась довольна, если нам удастся немного сэкономить. Там я могу встретиться и поболтать с другими горничными. Когда я возвращаюсь домой, Хулио думает, что я болталась бог знает где... Давайте я приготовлю вам что-нибудь вкусное. Хотите пирожки с кленовым сиропом?

— Чудесно.

Может, день был солнечный. Может, страх перед иглами прошел. Однако в этот первый день сентября у меня было весеннее настроение. Мог ли я вообразить, что такая женщина, как Маризела окажется настолько внимательной, я ведь ни одного вопроса ей не задал, а она честно и с подобающей скромностью исполняла свою роль крепостной прислуги. Как она смогла определить, что, когда я не в духе, то запираю дверь в своей комнате? Умница Маризела.

Должно быть, она тоже провела непростую ночь, ведь я запросто мог вышвырнуть на улицу и ее саму, и ее мужа, и всех этих мексиканских родственников, которым мы каждый год отправляли ненужные нам футболки.

Я ел самые вкусные пирожки в своей жизни и пытался сконцентрироваться только на еде да на ветре, который обдувал мое тело и мой «горшок». Блин, я ведь живой. Это здорово.

Я вернулся в комнату и внимательно оглядел ее. Это была комната семнадцатилетнего подростка, вся в комиксах и Play Station, стены оклеены какими-то постерами, вырезками, картинками, фотками красоток из «Макса». Однако рядом висел еще и мой диплом о высшем техническом образовании, а также как бы Караваджо с ксерокопией дедовского завещания. Я перечитал ту его часть, в которой дедушка упомянул меня, и особенно ту, глубоко взволновавшую меня фразу «И еще мне хотелось бы, чтобы ты не потерял свою истинную любовь».

Я подумал, что ничего так просто не происходит, и в эту безумную ночь на грани помешательства, когда даже мой папаша, кусок дерьма, оставил меня спокойно умирать, мне пришли явные знаки надежды, и от кого же? От кого я и не ожидал — от мексиканской женщины, которую я принимал за слабоумную, и от старика, ушедшего в мир иной несколько недель назад.

Я перечитал полные нежности слова дедушки, и мне вспомнилась последняя прогулка с ним, когда он советовал мне никогда не забывать о своей природе, о ребенке, который все еще живет у меня внутри. О его голосе, к которому я никогда не прислушивался, беспрестанно заглушая его ромом, лишь бы он замолчал. Слушать этот голос означало бы признаться кому-нибудь, что мне плохо, а такую роскошь я не мог себе позволить. Я был обязан быть счастливым. Мы все были счастливы, ведь именно этому нас учили, не так ли?

Я просидел весь день на террасе с завещанием в руках, будто это было послание с того света, хотя так ведь оно и было. Мне захотелось узнать как можно больше об этом человеке, которого я всегда боялся и уважал, но никогда не имел возможности понять как следует. Может, уже поздно, может, он и следов никаких не оставил, но впервые за два месяца — после скупых слов Маризелы — я услышал, как кто-то дает мне сердечный совет: «Прошу Лавинию не отказывать в приюте моим потомкам, когда бы они ни захотели посетить Колле».

Я отыскал на моем столе, заваленном нераспечатанными конвертами с приглашениями, письмо нотариуса Гэби, которое он приложил к завещанию, нашел телефон Фаттории-дель-Колле и позвонил. Донна Лавинья была на винограднике, и какой-то португалец или румын, я не очень хорошо понял, радостно ответил мне, что Сала Дуньяни всегда желанные гости в Колле.

— Мы разместим вас в комнате Грандуки, если не возражаете...

— В комнате Дуки?

— Нет, синьор, в комнате Грандуки*. Это комната *tuu bonita, señor. La mas bella*** . Донна Лавинья будет счастлива познакомиться с вами... Она часто вспоминает доктора Эдуардо. *Nasta mañña****.

— До свидания.

Будто разряд неведомой мне энергии пробил мое брренное тело. Мне нечего было терять. Не перед кем оправдываться. Никто

* Великого герцога.

** Очень хорошая комната, синьор. Самая красивая (исп.).

*** До завтра (исп.).

меня нигде не ждал. Голос подсказывал мне, что надо ехать. Нет, это было вовсе не бегство, про бегство я все знал. Это было нечто иное, это чувство исходило откуда-то из области живота, подкрепляясь остатками памяти. А скорее всего это было просто отчаяние.

Не знаю, почему, но впервые меня охватило желание узнать для себя что-нибудь новое. Какое лицо, например, у этого румына? А может, у мексиканца, судя по акценту. Или даже испанца. Мне очень хотелось бы узнать мнение Маризелы по этому поводу. Второй раз за всю жизнь я вошел в гладильную комнату и попросил Маризелу помочь собрать мне чемодан. И она в нарушение всех правил обняла меня.

19

Разумеется, джи-пи-эс не сумел найти никакой Фатториндель-Колле.

По навигатору я сумел добраться только до Трекуандо, местечка, которое сильно мне напомнило городок из Dylan Dog, а дальше я конкретно подвис. Честно говоря, у меня и адреса-то точного не было, только название усадьбы да номер телефона, но я затеял очередную игру с фатумом — добраться до места, ни разу не используя мобильный телефон.

Я пару раз объехал городок по периметру, выискивая какой-нибудь проезд, чтобы просочиться в центр, но, возможно, центра просто не существовало. Помню только извилистые спуски и высокие стены, одинокие кипарисы и башню, в которую я каждый раз упирался на очередном круге. Пораспрашивал прохожих, но те немногие, к которым я обращался, никакого воодушевления у меня не вызвали. Чего они все так смотрят на меня, будто я зомби? Или они тоже тут все под кайфом? Или не слышали, как у «маджолино» ревет мотор с прибабасами?

Пришлось прибегнуть к статистике, и я остановился в единственном месте в мире, где можно на что-то рассчитывать: на бензоколонке. Очевидно, я был единственным, желающим по-

лучить информацию у «Петрол-Транс», но это меня даже забавляло. Я въехал на заправку, заглушил двигатель и стал ждать. Никто не выскочил обслужить меня, больше того, похоже, здесь ни одной живой души не было. Блин, только забастовки мне еще тут не хватало. Рядом располагался киоск с кладбищенскими цветочками: желтые маргаритки, гладиолусы и всякая разная петрушка, которую моя мать не желала видеть даже на садовых лужайках.

Я был почти уверен, что проиграю игру с фатумом, и тут какая-то старушка быстрыми шажками перешла дорогу и направилась ко мне.

— Синьор желает заправиться?

— Ну... в общем, да...

— Прошу прощения, мне надо было купить у Летиции батарейки для моего внука.

— Кто такая эта Летиция?

— Летиция, из магазина инструментов... А вы поди иностранец, у вас номер-то неместный?

— Я из Швейцарии, но живу в Милане. Мне нужно проехать к Фаттории-дель-Колле.

— А, вы в Колле едете... молодой человек. Там отлично кормят.

У старушки был настолько необычный акцент, что ее ворчливость меня нисколько не раздражала. Более того, я с восхищением наблюдал, как эта пожилая женщина, которой лет шестьдесят-то уже было, не меньше, ловко управляет с заправочным оборудованием. Она мне даже водительское стекло протерла, а чаевые гордо отвергла. Потом старушка вновь заговорила на своем симпатичном наречии, пытаясь объяснить мне дорогу к дедушкиному раю.

— Так вам поезжать туда вниз, до проселка... хорошо?

— До проселка?

— Туда, в общем, в сторону Ашьяно. Вот сейчас будет дорожка, внизу, а над ней статуя мадонны... так вы поезжайте по ней, два или три километра... А через пару поворотов увидите проселок... по нему как раз до Колле. Не бойтесь, не заплутаете.

Как обычно, я сумел запомнить только первую часть объяснений — какой смысл выслушивать до конца, если ты не в состоя-

нии зафиксировать начальную часть маршрута? Я помахал женщине рукой и покатил к своей цели, доверившись природным инстинктами и послав этот гадский бесполезный навигатор ко всем чертям. Солнце скрывалось то за облаками, то за крышами одиноких домов. Я надеялся, что дом, который я искал, не окажется столь же тоскливым, а может, усадьбы по своей природе все такие, попробуй пойми. Шоссе вилось между холмами и оврагами, проходя то мимо вспаханного поля, то возле неожиданной рощицы. Наверное, здорово было бы ехать здесь выпимши, глубокой ночью, с потушенными фарами, и с какой-нибудь телкой на плече. Неожиданно на одном из подъёмов указатель слева:

ФАТТОРИЯ-ДЕЛЬ-КОЛЛЕ — 1000 м.

Асфальт кончился, начался проселок. Моя черная тачка в момент покрылась пылью. Солнце едва пробивалось из-за облаков, оливы плотно обступали проселок со всех сторон, лишь там и сям пробивались среди них чудные виноградники. Наконец справа я увидел какую-то усадьбу, но, к счастью, тревога оказалась ложной. Дом был так себе, вместо ворот была натянута цепочка — в общем, полный аут. Моя матушка всегда говорит: «Прежде всего ворота, а потом уже дом». Она не так щепетильно выбирала обстановку для гостиной, как кованое железо для ворот.

Дорога петляла, виляла, все круче, все извилистей, и вдруг кустарник по обочинам вытянулся в струнку — я увидел усадьбу Фаттория-дель-Колле.

Она стояла как-то боком, этакий сельский нонконформизм. На первый взгляд усадьба мне показалась запущенной, и я понял, почему дед не захотел никому передавать ее по наследству. Ворота были распахнуты, вернее, ворот как таковых не существовало. Я проник через некое окошко в пространстве, будто Алиса через зеркало, и вдруг обнаружил себя выброшенным в иную реальность.

Я въехал, стараясь не задеть какое-нибудь дерево в саду, и тут осознал, что все — я на месте. Вот дверь, вот гипсовый лев на задних лапах, вот зеленые жалюзи и стены из камня, возведенные бог знает когда. Неподалеку была даже небольшая часовенка, охраняемая двумя кипарисами. Блин, эти кипарисы, они повсюду.

У меня было ощущение, что я попал в место, где все делали вид, что не существуют. Может, я здесь нежеланный гость, может, они боялись, что я прибыл с адвокатами оспаривать стариковское завещание. Прислуга получила строжайший приказ отвечать по телефону как можно любезней, но исчезать сразу же при моем появлении.

Я сделал несколько шагов вокруг дома и наткнулся на второй, боковой дворик. Надпись «бюро» немедленно вернула меня к реальности, в которой существуют понятия услуг и эффективности. В тот момент, когда я читал это название, я услышал, как кто-то зовет меня по имени. Я обернулся, и увидел латиноамериканца, спускавшегося по одной из лестниц с террас густого сада.

— Это ты Леонардо?

— Да, я Леон.

— *Mucho gusto*. Я — Рикардо, мы вчера разговаривали по телефону. Мы тебя целый день ждем...

— Уж извините.

— Никаких проблем... Донна Лавиния немного в запарке из-за анализов.

— Она плохо себя чувствует?

— Да нет, это анализы винограда. Похоже, мерло уже созрел, и завтра надо начинать сбор. Сейчас донна Лавиния разговаривает с бригадиром сборщиков, чтобы организовать все как следует. А ты что, без багажа?

У парня был акцент наполовину тосканский, наполовину испанский, а еще ослепительные голубые глаза, которые излучали радость, даже когда он произносил слово «проблема». Этот тип — просто моя вторая копия. Вел он себя достаточно фамильярно, не знаю даже, почему я вдруг согласился, что он сразу же стал называть меня на «ты», хотя я его и не просил. Нет, он точно не был благовоспитанным мексиканцем, как Маризела.

Я сделал ему знак, что запарковал «мадджолино» напротив главного входа, будто приехал в свой собственный дом.

— Извини, что я сразу начал называть тебя на «ты», Леонардо, но мы с тобой вроде бы одного возраста...

— Да ладно, я и сам хотел тебе предложить. Знаешь, только не зови меня Леонардо, как моя мать. Мое имя Леон.

— Представляешь, а моя продолжает называть меня Рикардито, хотя мне уже двадцать восемь.

— А откуда твоя мать?

— Из Санкти-Спиритус, это в центре Кубы.

Блин, Куба! Мне говорили, что там можно... что там полно шлюх, которые дают за копейки, потому что они все там дохнут с голоду из-за этого гребанного коммунизма.

— Пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

Не знаю, с чего это Рикардо вдруг перешел со мной на «вы», капризы прислуги с каждым разом мне становятся все более непонятными. Он поднял мой чемодан, как пушинку, и я последовал за ним. Мы поднялись по лестнице, прошли коридором и вошли в гостиную, посреди которой возвышался огромный бильярдный стол. Кубинец остановился.

— Mira* ... Эта гостиная к услугам всех гостей Колле, но донна Лавинья говорит, что если вы пожелаете, то мы ее закроем и оставим в полном вашем распоряжении, entiendes** ?

— Почему ты обращаешься ко мне на «вы»?

— Извините, я плохо говорю по-итальянски. Сейчас я отведу тебя в комнату Грандуки.

Мы миновали пару дверей, запертых на шпингалеты, и оказались в предназначенной для меня комнате. Это была огромная старинная зала, на потолке — фрески с изображением замков и птиц, а еще — тяжелая кровать со стеганым покрывалом, массивный платяной шкаф, письменный стол, трюмо и кувшин для умывания, будто мне придется мыть голову самой Мерил Стрип.

— Te gusta***, Леон?

— Да, очень мило. Не пойму, а где телевизор?

— Ни в одной из комнат для агротуристов нет телевизора. Ни телефона. Ни даже Интернета. Это решение донны Лавинии. Кто приезжает сюда, должен на несколько дней отсоединиться от всего мира. Так говорят по-итальянски — «отсоединиться»?

* Взгляните (исп.).

** Понимаете (исп.).

*** Тебе нравится (исп.).

Я посмотрел на него так, будто он меня классно разыграл, а потом, чтобы понять, нравится мне это место или нет, распахнул окно в глубине комнаты и выглянул наружу.

Я увидел красное заходящее солнце, будто на картине, которую, возможно, купила бы моя мать, если бы ее нарисовали. Но не я. Мне нравятся вещи грубые, экспрессионизм, неопределенность. «Крик» того норвежца*, как его? Или шведа? Ну того, знаменитого, вот это был для меня пик счастья.

На горизонте, справа, виднелись множество маленьких огоньков, которые сверкали и переливались в закатных сумерках.

— Там внизу — Сиена. Если внимательно приглянитесь, увидите даже башню дель Манджа и колокольню собора...

— Эта вон та, что ли?

— Нет, это Монтальчино.

— Город вина?

— Город донны Лавинии. У нее там есть свой маленький виноградник, Казато.

— Большое спасибо, Рикардо. Можешь идти.

Рикардо стоял молча, чего-то ожидая, как обычно бывает, когда люди спрашивают у тебя, как, мол, дела. Затем в течение двадцати минут выслушивают твои истории, а потом наконец выкладывают истинную причину, чего они от тебя на самом деле хотят.

— Донна Лавиния просила узнать, сможешь ли ты завтра помочь со сбором винограда... Поскольку ситуация сложилась критическая, у нас возникли проблемы с набором людей в бригаду, в последнюю минуту.

— Не понял?

— Мы тебя просим помочь нам на виноградниках. Прямо с завтрашнего утра. Только на первые дни...

— Я не понимаю.

Уста мои были закрыты, но глаза высказали все, что я думал. Я положил Рикардо руку на плечо и проводил до двери. Он вышел, и я резко захлопнул за ним дверь. В отчаянии я бросился на кровать, спрашивая себя, зачем я сюда приехал.

* Имеется в виду Эдвард Мунк.

Я увидел ее первый раз за ужином.

Помимо того, что я чувствовал необходимость откликнуться на приглашение, мне еще было жутко любопытно познакомиться с дедовой наследницей, которая сумела вывести из себя моего отца. Кроме того я хотел есть, и мысль о том, что сейчас я могу чего-нибудь покушать в кухне рядом с моей комнатой, прогоняла всякое желание разбирать чемодан.

Я, непререкаемый властелин мира, двигался через все эти комнаты в странном смущении. Но за спиной я ощущал своего деда, и это наполняло меня легкостью. В этот момент нарисовался этот Рикардо с написанием, что меня ждут, и еще раз извинился за несуразную просьбу помочь им со сбором, но когда положение отчаянное, добавил он, никогда не следишь за своими словами.

Я никак это не прокомментировал по одной простой причине: я не мог дожждаться момента положить что-нибудь на зубок. По дороге я купил всего-навсего пару бутербродов, мусс в шоколаде, двойной кофе и колу. А нет, я потом еще купил пару килограммов чипсов — снэк с холестерином никогда не помешает, когда ты за рулем. Более того, он необходим.

Зайдя на кухню, я увидел, что мадам уже сидела за столом и кушала. За ее спиной во всю стену возвышался неразожженный камин. Ощущение было такое, будто попал в шестнадцатый век.

— Извини, Леонардо, я сажусь ужинать всегда ровно в восемь и не терплю опозданий. Надеюсь, ты не обидишься, что я начала без тебя...

— Это вы меня простите, синьора. Мое опоздание непростительно, но я был в плену очарования этого места.

Она не улыбнулась. Видимо, я ее не убедил, а значит, знак ее был не Лев, и не Близнецы. Я решил применить искренность.

— Я никогда не являюсь к ужину вовремя, если только это не ужин дома.

Ну что я за дурак, как можно такое сказать? Мадам посмотрела на меня, не меняя выражения лица, и кивком пригласила присесть. Стол был громадный, но без скатерти. На нем были лишь

прямоугольные подложки из пеньки, белые тарелки, большие и маленькие рюмки и столовые приборы с деревянными ручками. А еще блюда с кушаньями, которых я в жизни не видел и не нюхал. Я потянулся было к еде, но синьора остановила меня. В ее решительном голосе звучал сильный тосканский акцент.

— Я пригласила тебя не есть, а выпить.

— Выпить?

Мне не хватало только нажраться в компании пожилой синьоры.

— Я хочу, что бы ты узнал причину, по которой мы с тобой встретились здесь, сегодня, через столько лет. Благодаря этому вину мы с твоим дедушкой познакомились много лет тому назад. Оно называется *Cenerentola**.

— *CENERENTOLA*?

— Наконец-то я смогу увидеть на твоем лице то же самое выражение, какое было на лице Эдуардо, когда он впервые попробовал это вино. Он был во Флоренции на конференции и заехал в Борго, в энотеку, чтобы попробовать что-нибудь новенькое. Глаз его зацепился на этом названии, я тебе как-нибудь расскажу историю, почему вино так называли. И на следующий же день Эдуардо был уже здесь. Он хотел узнать все и всех, как любопытный птенец...

— Как кто?

— Птенец. Ну, ребенок... И с тех пор его жизнь навсегда оказалась связанной с Колле. Если ты не против, этот тост мы поднимем за него.

Я поднял бокал и внимательно поглядел на синьору. Я пытался имитировать ее манеры, хотя все это мне казалось каким-то несерьезным. Вино я всегда заказывал, ориентируясь на цену, проверять его качество не было никакой необходимости. Особенно после рекомендации сомелье, вино хорошее, и точка.

Я вдохнул аромат, поворачивая бокал, медленно пригубил, а потом сделал мощный большой глоток, будто я не вино пил, а воду. Странно, я как-то сразу хорошо себя почувствовал, в груди разлилось тепло, и первоначальный лед нашей беседы начал таять. Хотя обстановка, прямо скажем, не располагала к этому — суро-

* *Ценерентола* — Золушка.

вость крестьянского стола, развешанные на стенах ружья и голова кабана, которая, признаюсь, вселяла в меня некоторый ужас.

Казалась, синьора прочитала мои мысли, и рассказала, что этот кабан был последней добычей ее мужа, который вскоре погиб на охоте. Фразы она произносила сухо, в телеграфном стиле, не оставляя мне возможности углубляться в тему, хотя любопытство мне и несвойственно.

Я принялся накладывать себе в тарелку еду, о которой было и забыл: сиенскую колбасу с овечьим сыром, обжаренные кусочки печени и панцанеллу — «самое некалорийное и вкусное из местных традиционных блюд», как его отрекомендовала синьора. Она выражалась, словно ведущая на презентации. Хотя в некотором смысле так оно и было. Синьора увлеченно рассказывала мне, что хлеб для этого блюда ничем пропитывать не надо, он крошится так, сухим, только его надо мелко-мелко протереть на терке, потом следует добавить помидоры, огурцы, лук — хорошо, что мне не надо целоваться сегодня вечером — базилик, масло, соль, перец и уксус. Ознакомившись с рецептом, я узнал также, что это грандиозное блюдо готовит кухарка Мена, образцовая прислуга, бессловесная и незаметная. Что за женщина эта Лавиния. В глазах у нее была какая-то одержимость, будто она жила в своей изоляции по принуждению, а отношения с внешним миром поддерживала исключительно благодаря своей жесткости.

Лавинии было лет семьдесят, и она чудесно выглядела. А главное — никаких подтяжек, лифтинга, когда она щурила глаза, морщинки были живые, а не обезображенные ботоксом, как любила ехидно выражаться моя мать.

Чем-то она напоминала Вирну, актрису с невероятно красивыми глазами, в присутствии которой все вытягивались по струнке.

Ужин шел своим чередом, и я впервые попробовал говядину, вымоченную в вине. Сказать наверняка ничего не могу, только то, что это кушанье оставило во рту странный и противоречивый вкус. Синьора между тем продолжала подливать «Золушку» — дурацкое имя для вина, скажем прямо! — и мало-помалу ужин начал терять свою первоначальную суровость. Диалог вертелся вокруг банальностей, неизбежных при выстраивании отношений. Приходится нащупывать почву в поисках взаимно интересных тем: красота местной природы, школьное обучение, путешествия, еда. Ме-

ня же, честно говоря, оживили бы разговоры на совсем иные темы: телесериалы, комиксы, Play Station, кайф и секс.

Пульсация каких-то скрытых токов на генетическом уровне притягивала меня к этой женщине, которой дед оставил все эти гектары недвижимого имущества («гектар» — вот еще одно чудное словечко, которое Пьер непременно включил бы в свой лексикон).

Но о дедушке донна Лавиния, как оказалось, не имела большого желания говорить, как и о своей работе, об агротуризме и об этом неожиданном наследстве. Наверное, ее просто покорибил мой отказ испачкать ручонки на сборе винограда, и она не хотела возвращаться к этой теме (кроме того, не сама же она пошла просить меня о помощи, а отправила с этой целью карибского подданного). Ну, и еще одно замечание, до кучи: кто ты такая, чтобы заставлять меня работать на тебя? Нет, лучше так: кто ты такая, чтобы заставлять меня работать?

— А чем конкретно занимается Рикардо?

— Тем, чем должен. Он помогает мне принимать гостей, интересующихся агротуризмом*, работает в винном цехе, обслуживает гостей в винном зале. Парень — просто сокровище, ниспосланное небесами.

— А как он здесь оказался?

— Я познакомилась с ним несколько лет назад, когда летала на Кубу. Он говорил немного по-итальянски, немного по-английски, и я решила помочь ему выбраться из этой безнадеги... Должна сказать, что я об этом ни разу не пожалела. Он работага, и ты с ним подружишься, вот увидишь.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, донна Лавиния. Еще хочу сказать спасибо за комнату, которую вы мне предоставили. Просто потрясно!

— Что, такая ужасная? Можешь выбрать любую, какая тебе понравится... у нас есть и маленькие номера.

— Да нет. Все классно... А дедушка где жил, когда приезжал сюда?

— Ты сам как думаешь? Это была его любимая комната. Даже когда Эдуардо уезжал осматривать виноградники, всегда воз-

* Агротуризм — отдых на базе фермерского хозяйства или приусадебного участка.

вращался, чтобы непременно полюбоваться закатом из своего окна... Иногда он записывал в тетрадку мысли, которые приходили ему в голову в тот момент, по крайней мере пока не заболел. С той поры я его больше не видела.

На этот раз причиной неловкости стала опустевшая бутылка с вином. Донна Лавиния кивком предложила мне еще вина, но я отказался. Я? Отказываюсь от вина? В самом деле что ли нажрался? Тем не менее охотно согласился на стаканчик домашней граппы. Едва я выпил рюмку — трак! как это делает Пьер, подражая пьемонтцам, — старушка мне сказала, что ей пора идти к себе, поскольку завтра начинается большая работа. Она не упомянула про сбор винограда, даже не намекнула на мой отказ, но я, разумеется, почувствовал угрызения совести. И еще я ощутил громадную усталость. Я сердечно пожелал Лавинии доброй ночи и пошел отыскивать свою комнату.

Войдя в бильярдную, я наткнулся на четырех англосаксов, развалившихся на диванах, багровые лица и фразы, наполненные «lovley» (это дамы) и «actually» (мужчины). Компания распивала бутылку Drago местного производства. Я охотно опрокинул предложенную мне стопочку и вдруг ощутил себя выжатым и ненужным на собственной территории. Было бы, конечно, здорово поехать по усадьбе, посмотреть, какие тут сады и бассейны, под звездным небом, но я был совершенно без сил.

Лечь спать в десять вечера — это надо испытать хотя бы один раз в жизни. Без телевизора это сделать проще простого. Перед тем, как опустить жалюзи, я высунулся из окна, чтобы послушать звуки ночи. Тоска, все то же самое. Я погасил свет, впуская внутрь лучики луны. И в этот момент в неясном лунном свете я различил тень внизу: это была донна Лавиния, и она стучалась в дверь как раз под моими окнами.

21

Со сном у меня всегда была беда. С малых лет мне снились уже исполненные желания: подарки, игры, теннисные туфли.

Парадокс, но пробуждение не доставляло мне радости, потому что мечта к тому времени уже сбылась и, стало быть, я напрасно грезил. Так было до тех пор, пока ночи не превратились в прерывистый кошмар, а мне к тому времени уже исполнилось лет восемнадцать, и года два уже я нюхал кокаин. Чаще всего мои сны помогали мне просто-напросто стереть из памяти все мои вечерние закидоны, и это можно было сравнить разве что с чередой небольших, невсамделишных смертей. Именно поэтому я никогда не испытывал страха перед смертью, я даже ловил кайф, бросая смерти вызов. Смерть — не сон, сказок не рассказывает, и это заставляет относиться к ней без лишнего трепса, с уважением. А я обожаю выламываться.

И вот по прошествии стольких лет в первую мою ночь в Колле мне приснился сон, и я увидел тех, кого меньше всего ожидал: Хулио и Маризелу. Они находились в каком-то доме, похожем на наш в Лозанне, одетые во все красное, и они, и все их родственники, которых оказалось почему-то неисчислимое множество, и они все сидели за громадным деревянным столом, и кушали *gaclette**, и ликование их было неопишущим. Догадайтесь, кто прислуживал им за столом с серебряным подносом в руках? Моя матушка, одетая в костюм Деда Мороза. Мама с улыбкой произносила что-то вроде: «Синьора Маризела, прикажете подавать сардельки с квашеной капустой?» А Маризела, занятая веселой болтовней с сестрами, повелительно кивала маме.

В комнате играла чудесная музыка, и все отбивали ритм ладонями по столу, как в дешевых кабаках. Я поспешил проснуться, прежде чем в моем сне успеет появиться отчим.

Я жив и здоров, и мое сердце снова принадлежит мне. После ужаса, который я испытал в доме у Дуки, испытывать вновь перемещение в другое время и в другое пространство казалось для меня практикой столь же странной, сколь неприятной. Я стал шарить рукой по тумбочке в поисках телефона, чтобы заказать завтрак, но телефона не было. Я включил мобильный телефон и убедился, что связи не было. Хотя нет, вру, на мобильнике появлялась одна единственная жалкая черточка приема — в даль-

* Картофель с плавленым сыром.

нем углу комнаты, у окна. Блин, почему у меня не Swisscom, как у всех? Наверное, сон означал именно это: мама подарит мне на Рождество мобильный телефон с карточкой Swiss. Это шик для моей матушки.

Я набрался смелости и распахнул окно, даже не ведая, который час. Пейзаж был вовсе недурен, хотя, я уверен, пару живописных замков я бы на холмах поставил, причем обязательно французских: о французах можно говорить все что угодно, за исключением того, что они не умеют вписывать замки в ландшафты, раз — и шато.

Ладно, без замков пейзажик тоже был ничего — разбросанные там и сям домишки, густые рощи, холмы, оливы, кипарисы. Я задвинул подальше свой обычный цинизм и должен был признать, что этот вид наполняет меня покоем и безмятежностью. Тут я бросил взгляд во двор и обнаружил какой-то сарай, в котором стояли разные металлические механизмы. Что у них здесь, подпольный цех? У сарая еще металась женщина, будто по вызову «скорой помощи». Смысла происходящего я не понимал, однако наблюдать, как тетка носится, как сумасшедшая, от агрегата к агрегату было забавно. Чего они там замутили, термоядерную лабораторию, что ли?

Я принял душ в ванной, оборудованной в стиле семидесятых. В отличие от спальни, ванна выглядела полным убожеством. Шланг от душа был смотан вокруг крана, крючок наверху отсутствовал, поэтому водой ты вынужден поливаться, сидя на корточках в ванне. Вода из душа льется, а ты намыливаешь голову шампунем и не знаешь, куда эту хреновину деть, поэтому ты суешь ее промеж ног — какие штуки, однако, могут оказаться в подобных местах — зажимаешь, моешь голову, и тут, в момент, когда ты на секунду расслабляешься, душ вырывается и начинает неистово метаться, с восторгом заливая водой все вокруг, особенно твое заботливо сложенное полотенце. Так как насчет крючка, а? Я все понимаю, и то, что агротуризм должен быть как можно более «агро», но с душем это, блин, кажется перебор.

Я посмеялся, потом оделся и снова выглянул в окно, чтобы насладиться несказанно чистым местным воздухом: та пейзажка внизу наконец уgomонилась. И в этот момент перед женщиной явилась мадонна. Богиня протягивала тетке-херувиму ка-

кой-то белый листок, а та похлопывала ее рукой по спине — то ли в знак признательности, то ли утешая, то ли ободряя. А я сам в этот момент превратился в самую настоящую бабушку у подъезда, которых так ненавидел. Ну почему у меня нет супервзгляда, которым можно поджигать все вокруг? Прости, Супермен, если я когда-либо болтал, что ты просто щенок, нет, ты даже лучше Человека-Паука, когда захочешь, о, подари мне мощь своего супервзгляда! Ну пожалуйста! Анита меня бросила, Беттега увел мою женщину, мой отец от меня смотался, моя мать заглатывает горстями успокоительные таблетки, а мой единственный друг — голубой. Ты понимаешь, в какой дерьмовой ситуации я нахожусь? Дай мне, дай же мне супервзгляд!

Фигушки, эта игра с фатумом закончилась, не начавшись. Тогда я решил спуститься во двор и выяснить, что это за женщины. Я потыкался в поисках двери, потом поблуждал по дому, потом спускался по каким-то деревянным скрипучим лестницам, пока наконец не вышел на финишную прямую, орнаментированную кованым железом, которая должна была привести меня не иначе как на Чернобыльскую АЭС. В общем, когда я добрался до места, прелестное видение успело раствориться, но зато осталась та, первая тетка, которая вблизи показалась и не такой уж старой: ей было не больше сорока. Она встретила мое появление широкой улыбкой.

— Что, на сбор винограда пришел? Свой номер ИНН знаешь? А то тебе страховку нельзя будет оформить.

— Вообще-то я гость донны Лавинии.

— А, так ты и есть Грандукинчик...

— Грандукинчик?

— Да, наши тебя так называют, ведь это ты прогнал Рикардо, когда он попросил тебя помочь нам.

Блин, куда я попал? На национальный фестиваль сплетников? Эй, убогая, ты за кого себя принимаешь, чтобы стебаться надо мной? Где тебя учили хорошим манерам?

— Ну а ты-то не иначе в швейцарском колледже обучался! Красавчик, послушай меня: если у тебя проблемы, оставь их дома. Теперь извиняй, сбор уже начался, с минуту на минуту привезут первый мерло... Если у меня насос закупорится, то все.

Идиотка вернулась к работе, даже не извинившись, а я остался посреди каких-то гигантских цилиндров и красных трубок, которые соединяли их с огромными резервуарами. Характерная вонь подтвердила мои подозрения, что я попал на производство, где гонят самопальную сивуху, от которой и дал дуба дедушка.

Я закурил, первый раз за весь день. Мне всегда доставляло удовольствие наблюдать за работающими людьми. Тетка кинулась ко мне с очевидным желанием поорать.

— Тебе делать, что ли, нечего, какого ты сюда приперся? Я не из вредности, но здесь строго-настрого запрещено курить.

— Почему? Вино не относится к легковоспламеняющимся материалам.

— Ничто не должно испортить аромат вина... Это главное правило. А теперь будь добр, проваливай, а то вон, уже первая партия едет. Нет, погоди, раз уж ты здесь, лучше помоги. Виноград будут вываливать в чан, а ты пустые ящики ставь обратно в кузов. Или что, мне в посольство запрос отправить?

Я и слова вымолвить не успел, как смотрю — сигарета на земле, ногой притоптана, сам в боевой стойке. Повелся, как цыпленок.

В кузове стоял парень с банданой на голове, и это делало его похожим на корсара. Вокруг него громоздились красные ящики, наполненные виноградом. Ящики были аккуратно установлены и обвязаны веревкой. Просто ретро какое-то! Удивительно, как они еще быков не запрягли в этот трактор! Водитель развернулся и сдал малость, чтобы прицеп встал ровно напротив этого странного механизма, который казался мне гигантским кухонным комбайном «Бимби» — любимой игрушкой Маризелы. Водитель выпрыгнул из кабины и забрался к корсару в кузов, даже не поздоровавшись со мной. Деревенщина, блин, где их только учили?

Херувимша дала команду начинать, эта «Бимби» заворочалась, а два пирата принялись вываливать ящики в давяльную. Тут же, не медля, они всучили мне в руки пустой ящик и приказали ставить их с краю, один на другой. Я хотел было послать их в задницу, но замешкался, потому что первый ящик был у меня уже в руках. Я не сразу понял, как правильно устанавливать

ящики, но мало-помалу освоился и даже ощутил себя эффективным звеном в этом производственном конвейере. Да здравствует технологический прогресс!

Тетка время от времени на меня посматривала, а я чувствовал смущение, потому что истекал потом. И тут опять появилась она — мадонна, которую я видел из окна. Грузчики впервые посмотрели на меня не враждебно, а как бы намекая: «Ну что, ты бы тоже не отказался ей впердолить, а?»

Работа приостановилась, насос перестал гнать вино в цилиндр, раздавленный виноград безучастно ждал своего неизбежного конца.

— Вот, я принесла свое свидетельство с ИНН... Извини, Виктория, сегодня утро было такое суматошное... Пришел мой отец, сказал, что есть такая возможность, я подумала, быть такого не может. Откуда они начали сегодня утром?

— Сейчас они в Подджоне, знаешь, где это? Рядом с Казеллой... Когда увидишь машины запаркованные, там же паркуйся и спроси Сестилио, он тебе покажет, к кому вставать... Ты виноград-то когда-нибудь собирала?

— У дедушки.

— Ладно, справишься. Вечером еще увидимся, да не забудь на голову что-нибудь надеть, а то при такой жаре и сгореть недолго.

Я не очень-то хорошо понимал их разговор, но глаза мои завороченно смотрели на девушку. Я был очарован ее голосом, ее рабочей футболкой, в которой она смотрелась как модель на подиуме. На ней были джинсы с низкой талией и клепками на попе, кроссовки, за спиной рюкзачок Invicta первого поколения. Девушка прошла мимо с опущенной головой, я повернулся и проводил ее глазами. Она села в старенькую «Y10» — первая модель, такая, в форме утюга, и скрылась из глаз, предоставив меня собственной судьбе вечного подростка.

Я весь был опьянен желанием, и тут пустой ящик, задев мое плечо, грохнулся на землю на глазах двух ухмылявшихся корсаров. Подобрал ящик, с радостным автоматизмом я вернулся к работе. О, я работаю, я кому-то помогаю, а прекраснейшие на свете девушки существуют даже в этом middle of nowhere*.

* В центре Ничего (англ.).

Закончив разгружать прицеп, корсары уехали, даже не попрощавшись. Тетка подошла ко мне, сняла рукавицы и протянула мне шершавую ладонь, будто в знак перемирия.

— Чао, я Виктория, заведующая винным цехом.

— Леонардо Сала Дуньяни, весьма рад.

— Ладно, не строй из себя. Что я, не вижу, что тебя Джулия зацепила?

— Какая Джулия?

— Не строй из себя идиота. Джулия, девушка, которая приходила, чтобы отдать мне документы... Она заменит тебя на винограднике... хорошенькая, правда? Дочка хозяина барре, того, что на площади.

— Барре?

— Ну, бара, как вы это называете... Там еще подают капуччино, кофе с такой белой пенкой...

Зная четыре языка, их итальянский я практически не понимал, разве что одно слово из трех, что несколько уязвляло мою гордость. Непривычность выговора, все эти «чи», которые звучали как «ши», глаголы без окончаний, прямые и агрессивные обороты рождали во мне чувство растерянности, даже какое-то оцепенение. Мне казалось, я попал в одну из реальностей, где Маризела чувствовала бы себя в своей тарелке, а вот я — нет, я не умею подстраиваться, как эти несчастные, я — тот, кто я есть. Пока по крайней мере. Леон и Джулия. Джулия и Леон. Неплохо, а? Анита, это Джулия. Беттега, а ты знаком с Джулией? Ей двадцать два, у нее офигенный третий размер, ни намека на целлюлит, попка, которая сама тянется кверху, девушка хороша и утром, и вечером, а главное, она любит меня таким, какой я есть, а не за то, что я имею (я не про личное обаяние). Господи, зачем мне всегда нужно представлять какие-то filmy?

Виттория вернулась к своим шлангам и, казалось, больше не обращала на меня внимания. Я решил вернуться в дом и поискать какую-нибудь кухарку, которая приготовит мне завтрак. Когда я проходил под своими окнами, то увидел, как Рикардо входит в ту же самую дверь, куда в прошлую ночь заходила донна Лавиния. Мне вспомнилась еще одна глубокая сентенция моего папаши: «Все бабы шлюхи».

Закон такой, что когда тебе нужны сигареты, то они куда-то моментально испаряются. Это правило не касается только официантов ресторанов *shear* — куда я вожу девушек «на равных» — халдеи не слышат, как ты их зовешь, даже если проходят в полуметре от столика. Так и здесь — чтобы поест (первый раз за день), мне пришлось спускаться и разыскивать Мену. Кухарку я обнаружил на заднем дворе, за часовней — она шла развешивать белье. Мена сказала мне, что сейчас все сделает, «милый мой Грандукинчик», а если я еще и помогу ей управиться с бельем, то она скорее окажется у плиты.

Я поразмыслил немного и решил помочь ей. Основной причиной был голод, а может, неожиданность предложения, не знаю, но я вдруг оказался с бельевой корзиной в одной руке и сигаретой в другой. И опять оливковые деревья. И вечные кипарисы. Мы, тяжело дыша, поднимались по бесконечным лестницам и дошли наконец до лужайки, на которой была растянута проволока с прищепками. Мне вспомнился один фильм, который нравился моей маме, какой-то особый сюжет, особая любовь, я точно не помню, там играл еще Мastroяни и другая актриса, ну, такая, с юга, очень красивая, они там среди развешанного белья, и девушка обращается к Мastroяни на «вы».

Мена стала подавать мне мокрые полотенца, и я пожалел, что никогда не смотрел, как это делает Маризела в нашем доме в Аграте.

— Если ты не против, продолжай развешивать белье сам, а я пойду домой готовить тебе завтрак... Донны Лавинии все равно нет.

— Ты принесешь мне завтрак в мою комнату?

— Нет, здесь так не принято... Это все для богатых! А нам нравятся люди, которым не лень оторвать задницу от стула.

— ...

— Хочешь яичницу с беконом, как англичане?

— Фантастика!

— Закончишь и приходи есть. А корзину оставь здесь, я потом скажу Рикардо, чтобы он захватил.

Вот так я и остался один с корзиной, наполненной белыми полотенцами, каким-то тряпьем и парой простыней, которые я, разумеется, уронил на землю, одну за другой. На простынях было вышито с одной стороны «L», с другой «G».

Работа, ручной труд, понимаете ли. Короче, я работаю. Работаю.

Я огляделся вокруг в страхе, не видит ли меня кто-нибудь из знакомых. Меж простыней и облаков я увидел с одной стороны склон холма с виноградниками, с другой стороны мое внимание привлек бассейн, вокруг которого в тени расположились тихие тучные туристы. Для первых дней сентября было довольно жарко, воздух был сухой, чистый, без тягостной городской дымки.

Я не знал точно, который час, но голод давал о себе знать. Я попрыгал вниз по ступенькам как мальчишка, держа ноги вместе, и оказался в дворике перед дверью с табличкою «Бюро», за которой, как я помнил, был проход на кухню с кабаньей головой. Я уже было вошел в дом, как заметил этого кубинского жеребца, делавшего вид, будто несет горшок с лимоновым деревом.

— Как дела, Леон? Хорошо поспал?

— Отлично, даже сны снились... А ты?

— О, да... буэна noche. Очень хорошо, си...

— Да уж, я слышал в своей комнате, как вы там развлекались.

— ???

Рикардо, весь смущенный, буквально окаменел, не смея вымолвить ни слова. Короче: спалился вчистую. И еще короче: Беттега сволочь. Таким образом, Рикардо здесь, чтобы ублажать синьору: сунет ей пару раз, и пожалуйста, вот тебе и стол, и дом, и зарплата, и по барабану страдания далекой родины. У меня, бывало, не вставал даже на этих кобыл из Люцерны. Как у этого парня с Карибских островов получалось, фиг его знает. В общем, Рикардо был смущен ужасно, а может, это я был смущен, но тут я спросил по ходу:

— Ты можешь после обеда отвезти меня на виноградники? Мне интересно посмотреть, как там на сборе.

— Те густа Джулия, да?

— Какая Джулия?

— Джулия, дочка хозяина барре.

— А ты откуда... кто... блин, как вы тут все про всех всегда знаете?

— Добро пожаловать в Колле, Леон. Сейчас иди завтракать, а то Мена будет ругаться. Я зайду за тобой попозже, и мы поедem в Подджоне, если те густа...

Я избежал по лестнице весь офигевший — еще одно сексуальное словечко, «офигевший», — от скорости, с которой в здешних местах распространялась информация. Мне уже начало казаться, что все прекрасно осведомлены, как я хорошенько вздрочнул накануне вечером, перед тем как лечь спать. Когда Мена ставила передо мной на стол тосты, ее лицо, казалось, говорило: «Ну, что, старый дровича, ты разве не знаешь, что от онанизма можно ослепнуть?».

Бог мой, что за наваждение. Наваждение. Наваждение. Однако яичница с беконом, яйца, ореховый торт и апельсиновый сок зарядили меня энергией. Я и представления не имел, который же на самом деле час, но сейчас никак не могло быть меньше двенадцати. Мена чего-то пробормотала, я не понял, может, из-за ее акцента, может, из-за того, что я был занят мыслями о Джулии и о том, что все мгновенно узнали, что она мне понравилась.

Сыто отрыгиваясь, я вернулся в свою комнату и с удовлетворением оглядел привычный беспорядок. Час или два я занимался тем, что вытаскивал свои вещи одну за другой из чемодана всего лишь для того, чтобы с удовольствием уложить их обратно. Тут мой взгляд упал на мобильник, на мой Daytona'93, и я потропился включить его, предусмотрительно отойдя в угол у окна.

Телефон чудесным образом работал, и мне, оказывается, пришли даже два SMS. Я ничуть не разволновался, потому что уже ни на что не надеялся и ничего ни от никого не ждал, даже от своего брата. Так и есть, один из месседжей был от «ТИМ-Информа» — да кто вас просит меня о чем-то информировать? — другое сообщение о непринятом звонке с какого-то швейцарского номера.

Я смотрел на номер, пытаюсь вспомнить, чей это, как вдруг он сам дал о себе знать, шумно нарушив знойную сентябрьскую дремоту.

— Мама... А ты с какого телефона звонишь?.. Ах, ты поменяла номер... Много звонков, понимаю... Не бойся, я его никому не скажу! Я не повышаю голос... Не знаю, я давно его не видел... Ос-

тавим это... Ну, да, он подлец... Алло, мама?... Знаю, это правда... Ты права... да... конечно... разумеется... Ну, хорошо, что ты ему сделаешь?... Вообще-то он всегда так поступал... Ну, ты же тоже пьешь!.. Одно дело стаканчик время от времени... Чем по бутылке каждый день... Мы хорошо устроились... Я ни на что не намекаю... Извини, пошутил... Ты молодец, так и держись, малыми дозами... Нет, я ничего никому не рассказываю... Я не знаю, когда вернусь в Портофино, я сейчас в Тоскане... При чем тут, что ты хотела съездить в Пунта-Ала? Я совсем в другом месте... В Трекуанда, на Фаттории-дель-Колле... Я знаю, она уже не наша, но мы можем сюда приезжать... В завещании... Да, мы с ней познакомились... Мама!!! От тебя такие выражения... Мне она показалась приличной синьорой... Строгая, блин... ой, извини... Дедушка имел право делать все, что ему вздумается, и потом, он уже не был твоим свекром... Ладно, ладно, не плачь... Я знаю, что вы с ним не ладили... Я знаю, что они тебя никогда не понимали... Зато мы понимаем, да... Ничего я над тобой не смеюсь... Да, он мне как отец... Как Лола?... Почему ты прячешь от нее фэй «Винкс»?.. Пока сама не попросит... Но это же издевательство... зачем?... А что ты от нее хочешь, если она никогда не станет солисткой балета?... Ах, ты ей посоветовала современные танцы... Я тебе говорил... Но не дави на нее, у Лолы вся жизнь впереди, еще насидится на диетах... Я не повышаю голос... Ты сама меня провоцируешь и сама же потом извиняешься... Да ладно, съешь еще один... Ах, ты уже пять штук съела... Ну, если это Weight Watcher's... В шоколаде?... Ну смотри сама... Да, конечно... один только разик... Солнце, все чудно... Прямо лето... Может, займусь сбором винограда... При чем тут испачкать руки... Просто посмотрю... Что, неужели нельзя просто чем-нибудь заинтересоваться?... Ты же знаешь, я ненавижу гольф... В смысле, мне не нравится... Несколько дней, недельку... мам, не знаю... Я здесь не для того, чтобы специально тебя позлить, честное слово... Подарок в память о дедушке... Алло, мама? Пропадаешь... Да, скоро перейду на «Свисском»... Мне кажется, это глупо — жить в Италии и набирать через международный код... Я не по-пролетарски рассуждаю, а по здравому смыслу!.. Знаю, извини, я просто устал немного... Да, я тебе позвоню... Да никому я твой номер не дам... Я тебя тоже люблю.

Не знаю, так уж сложилось, но после звонков моей мамы у меня возникает желание совершить три операции:

- а) раздавить бутылку «Гавана»;
- б) закинуться;
- в) пойти в туалет.

Я выбрал третье, и тут явно не обошлось без апельсинового сока, если его пить на пустой желудок, то он дает эффект похлеще, чем йогурт с киви. Я прочитал две брошюрки про Человека-Паука, сделал свои дела, и пошел вновь слоняться по безлюдному дому.

Когда выглянул в окно, опять увидел Витторию в давяльне на приемке. Пришла вторая партия винограда, два корсара с голыми торсами выгружали все это, а пустые ящики укладывала новая девушка. Виттория командовала. Я закрыл жалюзи, чтобы меня, не дай бог, не увидели и опять не попросили помочь, потому что, если меня застать врасплох, я не смогу отказать.

Я надел купальные трусы Brooks Brothers и решил пойти окунуться в бассейн. В усадьбе было два бассейна, у каждого сидели гости, читающие в безмолвии книги, и я выбрал тот, что повыше, «нависающий». Я шумно плюхнулся в воду, залив водой страницы в книжке одной немецкой дамы, но она и бровью не повела. Боже, как мне хотелось вырвать у нее из рук книгу и громко прочесть ей последний абзац, но вряд ли меня поняли бы правильно, тем более мы не были друг другу представлены.

Я стоял на бортике бассейна и созерцал свои «облачка дракона за три тысячи лир», когда голос с испанским акцентом позвал меня, предложив, если угодно, поехать на виноградники.

23

Встреча некстати.

Возможно, у меня были не в меру раздутые ожидания, рассмотрелся разных телесериалов. В этом необычном и жарком приключении отсутствовал один элемент, которого мне не хватало,

пожалуй, больше, чем Аниты: телевизора. Но если расстояние было невероятно эффективным средством, чтобы выбросить из головы эту сучку, то отсутствие ТВ меня огорчало, потому что ассоциировалось для меня с началом дня, с завтраками без родителей, с сериалами, с постановками, с рекламными слоганами GP, с Формулой 1.

Поэтому я придумал для себя такой телефильм со спортивным финалом: я первым достигаю финиша, заключаю Джулию в объятия, а она мне говорит: «Ну, где же ты пропадал?», а потом сразу «конец серии».

На самом деле я не то чтобы побеждал в забеге, я с трудом перетаскивал ноги. Холмы и пригорки — это было куда серьезнее изысканной неправильности миланского асфальта. Рикардо с улыбкой посматривал на меня. Ему-то было удобно в своих кроссовках, которые ему достались на халяву от синьоры, а я с трудом сохранял равновесие в своих тяжелых армейских ботинках. Однако гордость моя выиграла, и я решил стойко держаться до конца. Мы искали бригаду на сборе и шли вдоль шпалер с несобранными гроздьями, ориентируясь по раздававшимся вдалеке голосам. Спуск оказался еще более утомительным, нежели я ожидал, наверное, потому, что я старался шагать не по утопанной подошвами и колесами земле, и мои стопы вязли. Перед глазами, словно маяк, виднелись вдалеке четыре домика — это была Трекуанда.

Моя зеленая футболка противно липла к груди, насекомые тоже начали проявлять внимание к свежему горожанину на поле. Рикардо же шагал, не обращая внимания на жару, ос и рыхлую землю. Время от времени он оборачивался, и я кивал ему. Неясный гул голосов становился все ближе и ближе, а для меня он звучал, словно освободительный гимн. Скоро, скоро я ее встречу, я ее очарую, я вновь обрету самоуважение, я задавлю эту тревогу, которая сжимает мне горло и от которой появляется нервный тик — подбородок дрожит или глаз дергается.

Наконец голоса стали отчетливо слышны, и мы увидели сборщиков: женщины и мужчины, разбитые по парам, иногда по трое, был одеты так, как и должно быть одетым крестьянам, то есть плохо. Выцветшие комбинезоны, потрепанные джинсы, футболки с автосервиса. Я порадовался тому, что на мне была

майка с надписью I DRINK AT WORK, хотя они это вряд ли поймут.

Голоса мгновенно смолкли, будто в аудиторию с опозданием вошел строгий профессор, а ты предупредил его появление кашлем. Две девушки перестали срезать гроздья, повернулись к нам, уперев руки в бедра, и набросились на Рикардо:

— Долго же ты ходил за подмогой! — Это первая.

— Хватит ныть, Ванна... даже если он и поможет, все равно ряд не пройдет... — Это уже вторая.

— Они привели парня, чтобы складывать ящики?

Мужской голос через две шпалеры.

— О, кто это, племянник донны Лавинии?

Этот голос донесся я уже, не понял откуда.

— А, так это Грандукинчик...

Удар обухом по голове в финале.

Однако Рикардо быстро всех уgomонил, произнес на удивление серьезным тоном:

— Ребята, Леон — гость донны Лавинии, он пожелал посмотреть, как работают люди в деревне.

— Да понял я, что гость, и что?

— Ну, Арольдо, не выступай, пожалуйста... Леон никого из вас не знает... Я сейчас его проведу по рядам, а потом мы там в конце вас подождем, пока вы не закончите. Если Сестилио увидит, что я вас отвлекаю, он меня не похвалит!

Недовольное молчание было ответом на эту реплику. Рикардо, должно быть, пользовался привилегиями среди местных, в общем, имел преимущества, которых у сборщиков не было. Я же не видел и не слышал своей добычи. Ребята вновь принялись обирать ряды или, лучше сказать, «шпалеры», так они здесь назывались, я быстро приспособился к сельскохозяйственной терминологии. Жара стояла страшная, черт бы ее побрал, мои ноги парились в тяжелых ботинках. Я поволочился до первого попавшегося дерева. Вдвоем мы уселись на землю — о, видела бы меня сейчас моя мать — и стали наблюдать за странным движением далеких муравьев, за суетливостью и ловкостью их поэтической работы. Немилосердное солнце стояло над грядой холмов Крете-Сенези.

— Джулию, должно быть, поставили в паре с Арольдо, он тут самый сильный... Он здесь уже лет двадцать работает.

— А почему именно с ним?

— Он самый опытный... а пары подбирают так, чтобы каждый мог друг друга компенсировать. Если одна пара идет очень быстро, а другая, наоборот, слишком медленно, то это плохо, потому что шпалеры надо проходить с одной и той же скоростью, более или менее.

— По одному никто не работает?

— Нет, на винограднике в одиночку не работает никто. Если ты один, то идешь работать третьим к паре.

— А кто это решает, ты?

— Все решает Сестилио.

— КТО?

— Сестилио, бригадир... у него прозвище Спрут, потому что он всегда берет тебя за горло, если ты плохо работаешь. Он следит за работами, все организует, решает с донной Лавинией, по результатам анализов, с какого виноградника начинать сбор. Когда виноград созревает, нужно собрать его как можно быстрее.

Я задавал вопросы, не утруждая себя выслушиванием ответов, хотя и кивал добросовестно, когда бедняга Рикардо описывал мне работы, которые, возможно, ему доводилось когда-то выполнять. В этот момент с наиболее удаленной шпалеры началось движение: сначала появилась девчушка в компании со стариком, и они двинулись в нашу сторону, потом, потихоньку, как в мюзикле с танцами, стали выплывать другие пары, а потом уже трио уставших сборщиков. Было пять часов. Время Хапах для моей матушки, то есть портвейна. То есть время и для матушки, и для портвейна.

Я опять затеял игру с фатумом, надеясь, что Джулия дойдет до нас первой и я сумею познакомиться с ней накоротке, а не в толпе этих батраков. Она же пришла третьей, очевидно, в деревне эти игры с фатумом не работают. Рикардо начал знакомить меня со сборщиками, и я заставил себя улыбаться через силу. Рикардо знал их всех поименно, и я пожал руку каждому, как меня учили. Рукопожатие почему-то смутило сборщиков, мне показалось, что я выгляжу для них несколько смешным, особенно когда я ощущал шершавость их ладоней, истертую перчатками кожу. Я был для них так же непостижим, как и они для меня. Сквозь все эти барьеры тихим светом, словно безмолвная кошка,

блистала Джулия. Старик рядом с ней с обычной тосканской грубостью нарушил неловкость, впрочем, я был почему-то готов простить его бесцеремонность.

— Эй, бездельник, ты что, каждый день будешь здесь к пяти появляться, когда все заканчивается, а?

— Извините, я не понимаю...

— Да говорю же: вместо того чтобы весь день торчать у бассейна, приходи собирать виноград с нами... Смотри, сколько здесь красивых девчонок...

Общий шум прервал речь старика. Все, будто позабыв о нас с Рикардо, начали собирать свои пластиковые пакеты, выцветшие рюкзачки, отхлебывали воду из бутылок, обменивались впечатлениями о тяжелом дне.

С виноградника доносились звуки трактора, который собирал последние ящики с виноградом, выставленные в междурядьях. Корсар стоял на прицепе, еще двое шли за трактором, справа и слева, подавая ящики в безукоризненном ритме. Парни казались могильщиками, сопровождающими одинокий катафалк.

Рикардо сделал мне знак, мол, поговори с Джулией — она единственная не участвовала в общем гомоне сборщиков, готовых через пару минут вернуться к своей повседневности. У нее не было перчаток, но и мозолей на ладонях тоже не было. Она никому особо не улыбалась и не принимала участие в оживленной болтовне, знаменующей окончание рабочего дня. Была в ней какая-то робость. Она, опустив глаза, тихонько произнесла свое «чао-я-Джулия», а моя сексуальная неотразимость не произвела на нее никакого впечатления. Может, из-за моей мокрой от пота майки. Может, из-за прически под горшок.

Я так и остался стоять столбом, бессловесный и неловкий, и смущение мое нарастало. В тот момент я не представлял никакого интереса ни для кого. Я был всего лишь избалованный Грандукинчик, друг донны Лавинии, ее очередной протезе. Я пришел в конце рабочего дня полюбоваться, как они все вымотались. Мне как-то раз уже пришлось увидеть себя — в зеркале, в лифте, в доме Дуки. И сейчас я опять, в первый мой день в деревне, вылез через собственный пупок и взглянул на себя со стороны. Что за мерзость! Я по-прежнему был ничтожеством. Джулии ни за что бы не понравился такой тип, что уж говорить об Аните.

Мне двадцать семь лет. Настал момент, когда я должен показать себя взрослым мужчиной, к тому же здесь меня никто не знал, и мне нечего было стыдиться. Не было едкой светской публики, непреложных правил, вечеринок и подиумов, демонов тоже не было. Я должен понять местные законы жизни, как и все остальное. Только для того, чтобы познакомиться с Джулией в старых кроссовках, у которой волосы стянуты красной банданой, а груди распирают футболку.

Она закинула на плечи рюкзачок Invicta, сказала всем «на-род-до-завтра» и пошла, покачиваясь, вверх к проселку на вершине холма. Я встал на ноги, чтобы лучше видеть ее. Я не стал ничего говорить в общей сутолоке, лишь подошел к тому старику, который меня зацепил, к Арольдо, и произнес:

— Если хотите, я помогу вам завтра...

— БАБЫ, ВЫ СЛЫШАЛИ? Завтра с нами на сборе сам Грандукинчик! Вообще-то, ты спроси у Сестилио, он у нас бригадир.

Рикардо уставился на меня, будто спрашивая, уверен ли я в том, что делаю, и я успокоил его кивком. Пара дней работы на винограднике не испортят мое гребаное резюме. Подошел Сестилио и без всяких комментариев сказал, что ждет меня завтра ровно в восемь, без опозданий. Я согласился, будто это моя мать отдала мне приказание, и посмотрел на бригаду в поисках хотя бы одного одобрительного взгляда — и ни фига. Снова уселся рядом с Рикардо и закурил последнюю сигарету, а сборщики, в своих пестрых обносах, медленно потянулись к автомобилям. За ними пыхтел трактор с корсарами, увозя добычу к давяльне. Я сидел неподвижно и созерцал эту картину, будто ребенок, открывший глаза на мир.

24

Донна Лавиния наконец-то подарила мне нечто похожее на улыбку. Хотя, возможно, это у нее просто лицо было такое суровое, резкие черты которого производили впечатление, что старуха вечно чем-то рассержена. Я только-только вошел в комнату

и собрался было сходить в проблемный душ, как она постучалась в мою дверь. Я предложил донне Лавинии расположиться в маленькой гостиной, но она как полновластная хозяйка дома решительно двинулась напрямик в комнату Грандуки.

— Мне сказали, что ты решил нам помочь.

— Да, блин...

— Пардон?

— Не... я... да, я охотно вам помогу. Это не так трудно.

— Трудно или не трудно — через пару дней сам поймешь. Прежде чем начнешь, знаешь, обязательно сообщи Виттории завтра утром твой ИНН, код налогоплательщика, иначе мы не сможем оформить тебе страховку.

— Чудно.

— Что чудно?

— Ну... чудно... в смысле хорошо. Хотя у меня нет ни малейшего понятия, существует ли у меня вообще этот чертов ИНН. В жизни не думал, что он мне когда-нибудь понадобится.

— Нет, необходимо, чтобы ты его обязательно предоставил.

Я кивнул, будто ученик в ожидании похвалы, но похвалы не последовало. Вместо этого у меня в руках оказалась небольшая холщовая сумка, которую я раскрыл с некоторым опасением. В сумке лежал короткий садовый секатор и две потертые кожаные перчатки.

— Твой дедушка приезжал сюда в сентябре и всегда шел на сбор винограда. Даже если он здесь и оставался всего на пару дней, все равно большую часть времени проводил на винограднике. Твой дед говорил, что виноградная лоза проявляет свои лучшие свойства лишь в моменты, когда испытывает страдания. И он сравнивал это со своей собственной жизнью. Трогая живую лозу, часами обливаясь потом, он обретал смысл своего послушания, своих трудов и своей любви.

— Вы любили друг друга?

— Что ты себе позволяешь?

— Я и не думаю подначивать. Просто важно это знать.

— ...

— Мне было бы очень приятно знать, что дедушка встретил свою большую любовь. Для нашей семьи это что-то исключительное.

— Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз, Леон. Впрочем, даже не знаю, захочу ли я об этом с тобой говорить. Я собираюсь ехать в Подеруччо на ужин к своей подруге Даде. Она обещала показать мне керамическую посуду, которую сама расписывает.

— А как насчет моего ужина?

— Это к Мене. Если хочешь, поешь вместе с Рикардо на кухне. А хочешь, сходи в остерию, ту, что на заднем дворе, там кушают наши агротуристы. Только смотри, тут по окрестностям шныряет банда байкерш. По-моему, они просто бандитки.

Я ответил понимающей улыбкой. Я был восхищен этим вулканом, с виду потухшим, но в любой момент готовым взорваться жизненной силой, чего, например, так не хватало мне. Я проводил донну Лавинию до двери, увидел, как ее силуэт растворился в сумраке бильярдной комнаты, а потом заперся — сам в себе.

Блин, где я теперь найду этот самый ИНН? Здесь шутить не любят, без документов я могу забыть про телефильм со мной и Джулией в главных ролях, продюсер Аарон Спеллинг, добрейшей души человек. Я пошарил в бумажнике, но кроме кредитных карточек, карточки с Человеком-Пауком и мятых купюр ничего не нашел. Был только один человек, который мог спасти меня в этой дурацкой ситуации, и я бросился ему звонить. Связи не было вообще, даже в заветном углу мобильник жалобно сообщал мне, что со звонком ни хрена не получится. Чтобы занять время, я вытащил зубную щетку и пасту *Cristi* и пошел в ванную почистить зубы. Ванная комната была освещена закатным светом, даже не оранжевым, а таким, слегка розоватым, с сумеречной голубизной. С некоторым стыдом я вынужден был признаться самому себе, что наслаждаюсь этим светом. Лицо я обтер белым полотенцем, чистым, но жестким от бесконечных стирок. А может, здесь просто не умели пользоваться кондиционером для белья. Эх, сюда бы Маризелу.

Вернувшись в комнату, я обнаружил на телефоне чудесным образом нарисовавшиеся две полоски. Я воспользовался моментом и позвонил своему любимому бюрократу.

— Пьер! Блин, если я тебе не звоню, то ты, суцара, вообще исчезаешь... Нет, у меня включен, он берет только в одном месте, в углу... Да при чем тут две линии, плевать я хотел... Ну и как

Ибица?.. Караул, правда?.. А, даже они... Вот суки... Молодец, ты правильно сделал... Знаю, ну, может, на следующий год... Мне было так хреново... А в Патагонии?.. То есть как это, будто ты это спрашиваешь?.. У тебя изменилось мировоззрение?.. В смысле ты снова начал курить?.. Я ни на что не намекаю... Ладно, сам не заводись... Да, я знаю, что мама разозлилась из-за того, что ты устроил скандал с «Энель»*... В темноте... смешно!.. Да нет, Маризела не виновата... Всегда с ней... А что, счета мама сама не может оплачивать?.. Все, хватит про это... Нет, здесь хлеб с маслом не едят... Какие там караваи, нет... Какой хлеб дают, такой и ем! Абсолютно без соли... но вкусный... Да, старовата... Вообще ни хрена, хотя здесь неплохо... Кстати, ты не мог бы найти мой ИНН... Для работы... Это значит, что я решил здесь поработать... На сборе винограда... Руками, чем же еще... Своими собственными... Крестьянин — это звучит гордо... и потом, здесь такая девушка работает... Да мне по фигу, что на свете много красивых девушек!.. Я не повышаю голос... Да так, несколько дней... Часов пять-шесть... Да по фигу мне эти мозоли!.. Не называй ее старой шлюхой, она просто старая, и все... Да по фигу, что ее дед пялил... Так, ты найдешь мне мой ИНН или нет?.. Нет, ручки нет... Хорошо, шли SMS... Прикрой меня, наконец! Я тебя прикрывал тысячу раз... Ладно, но я бы не отступил... Не волнуйся, исключительно, чтобы понять эту цыпу... Джулия... У нее бар, даже несколько... Ну да, целая сеть... Потому, что ей нравится бывать на свежем воздухе... Да на фиг мне тебя обманывать?!.. Всего лишь несколько дней... Нет, с кайфом завязано... Тогда зачем тебе life coach?.. Одно дело мировоззрение, другое — реальность... Что значит трюизм?.. Нет, папу я вообще видеть не хочу... Да по фигу мне, что он там страдает... Потом расскажу... А Лола?.. Горюет?.. Имя такое, типа Айша... Да, цветная... Точно, это она спрятала... сам ей скажи... Смысла нет, сам знаю, но она ведь еще ребенок... Понял, но... Молодец... И что?.. Опять ему плохо?.. Что значит его ОТЫМЕЛИ?.. У него не может так просто взять и появиться аллергия... Да он и раньше рычал... А, сейчас все больше?.. Даже так... И сколько уколов ему сделали?.. Бедный Хулио... Н-да, мне

* Компания, занимающаяся электро- и газоснабжением.

жаль... Знаешь, Ламенто твой кот!! Вот и нет, зеркало тоже было не мое, это твоей бывшей... Забудь... На ужин с одним кубинцем, местным... Нет, кубинок тут нет... здесь же не бордель! Симпатичный парень... Дистанция, разумеется, дистанция. Не волнуйся... Хорошо.

Не прошло и секунды, как на мобильник пришло новое сообщение. И это отнюдь не мой братец оперативно реагировал, нет, это пришел запрос, заявка, от которой окружающий мир несколько содрогнулся: «Найдешь мне три пары обуви сегодня вечером? Руди». Наконец-то дружан, который вспомнил обо мне. Наконец-то живое существо, которому я был для чего-то нужен: добыть три грамма кокаина. Я удалил мессагу, не отвечая и не раздумывая, но тут же, с безрассудным отчаянием — и почти бессознательно, — решил просмотреть все Анитины сообщения, которые из памяти не стирал.

SMSок было дикое количество, все в куче, со смайликами и подмигиваниями. Расстелив полотенце, я растянулся на кровати и начал медленно, будто на маленькой гильотине, убивать один за одним следы моей любви, которые я столь долго сохранял. Перед тем как уничтожить послание, я сначала его перечитывал, а потом несколько секунд колебался, когда на дисплее высвечивался вопрос «Удалить сообщение?».

Я пробовал каждое из них на вкус — в последний раз, тупо упираясь взглядом в «Сообщение удалено». Это казалось освобождением, но уж точно не облегчением. Не знаю даже, правильно ли я поступал, когда-нибудь я об этом пожалею, но голосок у меня внутри говорил, что все в порядке, и я ему не перечил. Вне всяких сомнений, эта казнь не смогла бы состояться в моей комнате в Милане, где каждый предмет, каждая деталь напоминали мне об Аните, у меня там просто не хватило бы мужества. Но здесь — совсем другое дело, здесь уже был не я, я мог поиграть в героя.

Валяясь на кровати с мобильником в руке, я чувствовал, как в комнату вместе со свежим воздухом проникало странное ночное пение. Потом пришла кухарка Мена и своим зычным голосом пробудила меня. Странно, но меня это уже не особо раздражало. Тем не менее мне как-то совсем не улыбалось ужинать на кухне в компании с полужнакомым кубинцем, ублажавшим хо-

зайку дома. И потом, о чем мне с ним говорить? О коммунистах? О борьбе с голодом? О малярии? О Че Геваре? Мы же все отлично понимаем, что Че стал таким популярным просто потому, что имел великолепные данные, в смысле был физически красив. Настоящая поп-икона из мультисерий Уорхолла, которую отец Аниты не замедлил бы приобрести. Хотел бы я посмотреть на своих подружек, богатых коммунисток, если бы Че был маленьким, вонючим и плешивым, надели бы они майку с его изображением? Или сделали бы татуировку на плече? Че им нравится исключительно потому, что с этим парнем, идеологическим таким Джимом Моррисоном, они бы не отказались переспать. По сути, о Геваре они толком-то ничего и не знают, за исключением его подвигов, характерных для всех героев.

Нет-нет, я решительно не мог ужинать один в компании коммуниста-эмигранта. Я обернул полотенце вокруг бедер, прикрыв свою пушку, открыл Мене дверь и попросил ее принести ужин в мою комнату — может, подобное обслуживание не предусматривалось только в отношении завтрака — и извиниться за меня перед Рикардо. Она в ответ начала так громко ржать, что мне стало не по себе. Она опять назвала меня бездельником — второй раз за день — и заявила, что через десять минут ставит на стол суп.

Почти против воли я в мгновение ока оказался в кресле донны Лавинии, по ее, как выяснилось, распоряжению, бок о бок с ее латинским жеребцом, который излучал неистребимую жизнерадостность. Черт, это уже начинает досаждать. Как можно все время быть в отличном настроении? Почему этот тип никогда не сорвется, не заорет? Улыбчив, уверен в себе, терпелив, всегда к вашим услугам. Постоянно. Вообще-то я и разговаривал с ним всего три раза. Ну не может же такого быть, чтобы он не выдал ни разу какую-нибудь гадость, на которую нельзя было бы достойно ответить. Нет, я не могу терять время, выслушивая типа из Копакабаны или там из Гаваны, в общем, вы меня понимаете. А сейчас я вот с ним сижу за одним столом, а он смотрит на меня своими голубыми глазами, с гребаной улыбочкой, будто официант, ожидающий чаевых. Я изобразил дежурную улыбку, кивнул Мене, и она подала на стол какое-то варево из синей капусты, свеклы, фасоли, с мелко нарезанными кусочками ветчи-

ны. Впрочем, для домашнего супа похлебка оказалась довольно вкусной. Рикардо ел шумно, стучал ложкой, и я, разумеется, вышел из себя.

— Пожалуйста, когда ешь, ты не мог бы делать это чуть приличнее?

— Леон, ло съенто мучиссимо. Но я галантности совсем не обучен.

— Не галантность, а благовоспитанность. И вообще, я это говорю ради твоего же блага.

— Это здорово. Знаешь, я тебя даже прошу, указывай мне на все, что я делаю неправильно за столом...

— Ты издеваешься надо мной, что ли?

— Даже и не думал. Ты мне симпатичен.

— ...

— ...

— Как это?

— Ну так. Потому, что ты приехал из другого мира и потому, что ты хочешь всем показать, что тебе здесь хорошо, и еще ты думаешь, что хватит угнетать других. Можно так сказать — «угнетать»?

Я не знал, как отреагировать — надавать ему по шее, вылить кастрюлю с супом на голову, опозорить его на глазах у Мены или продолжать слушать. И решил все-таки дослушать этот бред, который раньше бы отверг сразу же и с презрением. Встречаются люди, которые за секунду просекают мою гнилую душу, раздевают ее догола и пронзают насквозь. Такие меня всегда пугают, особенно те, кому нечего терять. Этот сейчас сидел рядом со мной.

Рикардо поднялся и подошел к небольшому стеллажу с бутылками в углу кухни. Он тщательно исследовал их одну за одной и наконец выдал:

— Поскольку донны Лавинии с нами нет, я бы предложил сегодня отведать хорошего брунелло... те густа?

— Чудно.

— Это ее любимое вино, называется *Primadonne**.

— Все женщины — шлюхи.

— Не энтьендо...

* Первая женщина (итал.).

— Давай, наливай...

Боже, как он умел открыть бутылку, разлить по бокалам, вдохнуть аромат — такая утонченность заставила меня раскаяться в том, что я наехал на Рикардо за его неумение вести себя за столом. Хотя это его невежество в глазах моей семьи выглядело ужасным преступлением, и не сказать ему об этом было бы просто-напросто свинством. Вино было превосходным, и я поразился тому, как медленно я его пил, почти смакуя, наполняя своим дыханием бокал. Я не жрал вино глотками, захлебываясь, как это делал обычно. О, я был распутным сыном Бахуса, освобождающимся из рабства: а это еще что, блин, за фильм?

Рикардо безмятежно улыбался, а я жадно ловил каждое его движение. Он улыбался, потому что и жизнь ему улыбнулась, и смотрел на меня глазами человека, который научился схватывать все на лету. В его взгляде сквозило любопытство, смешанное с жалостью, и еще чувство, которому было наплевать на формальности — все это сводило на нет то, о чем мой брат каждый раз напоминал мне: держи дистанцию.

Мы уплетали стейк кьянина с кровью, поджаренный на гриле с грибами, под бдительным взглядом Мены. Я подносил к губам очередной бокал, как вдруг Рикардо тронул меня за руку.

— Леон, можно я скажу тебе одну вещь?

— Скажи.

— Ты неправильно держишь бокал. Держи его за ножку, потому что, когда ты его держишь за чашечку, тепло от ладони передается вину, и это неправильно.

— ...

— Но ты не беспокойся. Я никому не скажу.

25

Начальница винного цеха с недоуменным видом смотрела на дисплей моего мобильного.

Вообще-то свой ИНН я мог бы нацарапать и на каком-нибудь клочке бумаги, но в этом дурацком отеле не нашлось даже

ручки с обычной карточкой дополнительных услуг. Дополнительные услуги здесь оказывал только Рикардо донне Лавинии. Я не осмелился заговорить с ним на эту тему накануне вечером, хотя и обстановка, и брунелло, как говорится, располагали, еще и потому, что что-то мне в этом типе не внушало доверия. А может, это просто необходимость соблюдать дистанцию заставляла меня при малейшем риске использовать ручной тормоз.

В винном цехе царил суматоха, но я ничего не понимал. Если мое внимание не пытаются привлечь взглядом — или словами — я мгновенно теряю интерес ко всем окружающим, хотя мне было жутко интересно узнать, что за процессы шли в этих огромных цилиндрах. Воздух был напитан ароматами, которые моя мать определила бы как «удивительные».

Виттория оторвала кусочек от приклеенной таблички и медленно выписала на нем мои швейцарские паспортные данные плюс итальянский ИНН, ведь у меня было двойное гражданство, ну, вы знаете, как это. На тетке была розовая футболка, зеленый комбинезон и желтые резиновые сапоги — ни дать ни взять девочка Benetton. После вчерашней стычки мы оба остыли, пришли в себя и старались попусту не болтать.

Было уже почти девять. Мне было велено явиться на виноградники к восьми, но Сестилио, полагаю, смиритсЯ с тем, что при итальянской бюрократии задержки неизбежны. Проснулся я с некоторым усилием, слишком много вчера было вина да и супа тоже, но я поднялся, стараясь не думать о бегущей строчке «С добрым утром!», которая столько раз помогала мне выползти из кровати. Навязчивая мысль о кокаине вызывала тошноту, а голосок внутри исправно глушил мои потаенные порывы и метания даже раньше, чем я начинал говорить себе: «Помни, что случилось в последний раз».

— Секатор у тебя есть?

— Так точно, синьора.

— Перчатки?

— Так точно, синьора.

— Головной убор?

— Мне не нужен.

— Из обуви у тебя есть что-нибудь более подходящее?

— Я ношу только такие ботинки.

— Ты в курсе, что платят пять евро в час?

— Теперь да.

— Тогда зайдешь ко мне вечером, хорошо? Расскажешь, как там все... Сам отсюда до Подджоне доберешься?

— Доберусь, в крайнем случае включу навигатор.

Ну что я за debil, как я мог такое лепетать? Должно быть, это все влияние International School. Я взглянул на Витторию глазами олененка Бемби, и она, как участливая мама, покинула свое королевство и проводила меня вверх по лестницам до машины. Я помахал ей на прощание и двинулся по проселку навстречу своему первому настоящему рабочему дню, если не считать недели обязательной военной службы, на которую каждый год призывает меня Швейцария.

Всегда найдется что-то, что изгадит твои добрые намерения, едва ты выйдешь из дома. Проселок оказался забит девчонками на мотоциклах, готовыми отправиться в очередной рейд. Боже, что за твари. Мадонна, я никогда прежде ничего подобного не видел. Возможно, они и не были лесбиянками, но я очень, очень желал, чтобы они все таковыми являлись. Я гудел, чтобы они дали мне проехать, а они послушно расступались, словно курицы, не утомившая меня даже ругательством, самовлюбленные сво-лочи. Я гордо продрался через их толпу, скрывшись за очками Ray-Ban, и тут уж поймел возможность заценить преимущества двигателя с прибабасами, обдав девиц густыми клубами пыли. В общем, неплохо начался денек.

Наконец я увидел кучу запаркованных по обочинам малолитражек и понял, что доехал до начала виноградника, на котором мне предстояло поработать. Место, где Джулия в меня влюбится, ведь в телефильмах так оно всегда и происходит, верно? Я запарковал свою тачку в своем обычном стиле, то есть безобразно, поставил антигугон — с этими крестьянами надо держать ухо востро — и пошел, ориентируясь по голосам, так же, как в прошлый раз мы шли с Рикардо.

Пару раз я зашел явно не туда, но в конце концов голоса вывели меня на бригаду сборщиков. Склоненные над лозой спины, мокрые от пота волосы, ящики, расставленные вдоль шпалер. Я зашагал по плотной тракторной колее и направился к сборщи-

кам. Они меня видели издалека, ни один из этих невежд не прервал работу, не выпрямился и не помахал мне рукой. Спрут Сестилио, как заправский командир взвода, мгновенно засек меня и подошел быстрыми шагами.

— Так, бездельник, почему опаздываем?

— Блин, да я битых два часа заполнял все эти бланки по страхованию.

— Ну ладно, за работу, пошевеливайся! А что, шляпы, панамы у тебя никакой нет?

— Нет... солнце меня не беспокоит.

Знаменитые последние слова.

Через полчаса у меня начались зрительные галлюцинации.

Сестилио определил меня «третьим» к двум пятидесятилетним женщинам, которых все называли «Кесслерши» — как сестры, пожилые, светловолосые, и работать хотели только в паре друг с другом. Две сумасбродные тетки, которые, едва увидев меня, буквально онемели, будто мировая знаменитость приехала с визитом в развивающуюся страну. Сестилио приказал мне оставить сумку с водой — какой еще водой? — в начале шпалеры, а потом велел взять секатор, перчатки и повел за собой, чтобы показать, как срезают виноград. Я старался идти легко, расслабленно, выискивая взглядом Джулию, но за шпалерами ничего не было видно. Как примерный школьник, я внимательно наблюдал за действиями Сестилио — как он берет гроздь в руку, аккуратно срезает ее и кладет в ящик. С виду казалось несложно. Сестилио медленно срезал еще пару — в этот момент Кесслерши переглянулись — потом протянул секатор мне и велел попробовать, добавив, мол, «пальцы, смотри, осторожнее».

— Никогда не держи их перед секатором. Лучше не спеши, время не подгоняй, потому что важно не сколько ты винограда соберешь, а как. Срезай только здоровые грозди, хотя в этом году, слава богу, все вроде благополучно... В общем, если попадетсЯ гроздь с плесенью, не трогай ее... Если ягоды надкусаны кабанями, тоже не трогай.

— Кабанами?

— А ты что, думал, здесь ботанический сад? Лес совсем рядом, кабаны выходят, косули... Они шпалеры часто портят. Я бы

их всех до одного перестрелял... Ладно, покажи, как у тебя получается, Грандукинчик.

Не знаю почему, но я разволновался. Мне вспомнилось, когда я первый раз без спросу сел за руль автомобиля и как я принимал участие в соревнованиях по лыжам в Сан-Морице. Адреналин, который чувствуешь при встрече с чем-то новым, возбуждающим — довольно редкое для меня ощущение. Я натянул перчатки, взял в правую руку секатор, левой захватил увесистую гроздь, быстро нащупал черешок и решительно обрезал. Все славно сработало, гроздь гулко упала на землю. Сестилио указал на ящик, куда мне следовало кидать срезанный виноград — «но старайся, чтобы они не падали» — и сделал знак продолжать.

Я захватил следующую гроздь — цак! — и прямехонько в ящик. Элементарно, Леон, элементарно. Мой диплом все-таки кое-что да значил.

Прямо передо мной Кесслерши двигались со скоростью света, передвигая время от времени ящик на пару метров вперед. Сестилио велел мне быть предельно внимательным — «бездельник» — и напомнил, чтобы я избегал становиться прямо напротив кого-нибудь из женщин, чтобы друг дружку ненароком не порезать. Это был его последний наказ, и он собрался идти подгонять остальных сборщиков. Оставаясь в одиночестве, я протянул, по своему обыкновению, руку на прощание — и эти две тетki буквально заржали мне в глаза.

— Сынок, ты не в городе, здесь мы к этим церемониям не привыкшие... Ты чего в Колле, на каникулы приехал?

— Ну, типа того... Приехал посмотреть, как у вас тут все... А вы что, здесь проездом?

— Вот идиотский вопрос.

— Нееееет, лучше! Мы поденщицы.

— Поденщицы... То есть?

— Поденщицы. Работаем как сезонные рабочие — виноград собираем, потом оливы, потом картошку, если есть... Работа временная, но мы не жалуемся. На протяжении года хоть какая-нибудь работа да найдется. А ты откуда, из Милана?

— Я швейцарец, но живу в Милане.

Вот идиотский ответ.

— Чем занимаешься? Работаешь, учишься?

— Камешки дроблю.

— В Беноччи-а-Петройо?

— Нет, я пошутил... Я инженер.

— Ни фиги себе!

— Пардон?

— Нет, я хочу сказать, что ты, должно быть, большой умник, коли тебя отправили учиться на инженера... Бог знает на какие жертвы пришлось пойти твоим родителям...

Мне ничего не пришло на ум, что бы такого сказать в ответ, и я сделал вид, что абсолютно поглощен гроздьями. Между тем склон мало-помалу становился все круче. Мы прошли чуть за середину шпалеры, и ее конец мне казался недостижимым горизонтом. Кесслерши неожиданно замолкли, вероятно, из-за моего присутствия, а вокруг нас стоял докучливый гул голосов, время от времени скрашиваемый колоритными фразами, пара заворотов по матушке, вчерашний вечерний телефильм, шуточки. Я пытался распознать голос Джулии — «чао-я-Джулия», — так она мне сказала, но в беспорядочном шуме и развязном смехе ничего не мог разобрать. В то же время я явственно ощущал, как солнце печет мою голову, а струйки пота заливают лоб. Но я держался, черт возьми, игра с фатумом, я держался. У одной грозди я никак не мог обнаружить стебель, и тут я взорвался проклятиями, выронив секатор на землю. Одна из Кесслерш прервала работу, проскользнула под проволокой на мою сторону шпалеры, подняла секатор и протянула мне:

— Леон, ты выронил.

— Ничего я не выронил.

— Выронил. Смотри, нужно делать вот так... Мало кто может распознать сразу, где у грозди черешок... Я-то сама сколько лет на сборе и до сих пор путаюсь. Перед тем как срезать гроздь, возьми ее в ладонь и пошевели снизу, вот так, увидишь, тебе будет легче найти место среза! Хотя иногда приходится срезать наудачу. Ну, если не получится, просто оставь, мы сами срежем.

— ...

— Да не переживай, Леон! Это же природа, тут все живое. Беда, если бы все было одинаковым... Вот представь себе, что, если бы все люди были одинаковыми?

Я кивнул с видом удовлетворенной учительницы — Леон, эта женщина обращалась ко мне по имени, Леон, — и продолжил кидать виноград в ящик. Кесслерши перетаскивали его без видимых затруднений, обменявшись коротким взглядом, они разом хватали ящик и несли, а я вяло и послушно плелся следом, по другую сторону шпалеры. Мы дошли до ее конца гораздо раньше, чем я рассчитывал. Вся бригада расположилась в тени деревьев — кто пил воду, кто ел йогурт, кто курил, а кто читал. Да-да, там был один человек, который читал, и читал он комикс, и это была одна из моих любимых серий «Дьяболика» — «Убийство в колледже». Блин, это была именно она. У меня не было сил подойти.

Я было улыбнулся бригаде, но в ответ лишь кое-кто устало кивнул мне. Даже Кесслерши, которые всего несколько минут назад помогали мне, вели себя так, будто мы не знакомы. Именно в это мгновение, и опять-таки внезапно, я отчетливо понял смысл «дистанции». Дистанция, которая диктуется иногда робостью, иногда снобизмом, иногда необходимостью или даже страхом. Я не знал, чем она диктуется на это раз, но в тот момент мне стало очень не по себе. Чертов Пьер, привил же мне манеры. Черт побери мою мать. Черт побери моего отца, хотя ладно, он не в счет. Вот сейчас я чувствую, как держат дистанцию, но не с моей, с другой стороны, и мне не остается ничего другого, как помалкивать и не расслабляться, хотя бы некоторое время. Что делать, я постарался вписаться в коллектив — уселся, как и все, на землю, закурил и стал наслаждаться в одиночестве минутами безмятежности.

— Хочешь пить?

Я резко повернул голову и увидел Джулию в шаге от меня. Прямо как в телефильме.

26

Сам не знаю, как мне удалось забраться в машину.

Ноги меня совсем не держали, спину ломило, руки ныли. Но я сумел, блин, я это сделал. Я двинулся по дороге на Колле

и остановился у самого винного цеха, возле которого два корсара разгружали последние ящики с мерло. Мерло сегодняшнего дня. Мерло, который собрал я с Кесслершами. Мерло Джулии. Едва я вышел из машины, как Виттория поспешила мне навстречу в своем семафорном облачении, которое, однако, в конце рабочего дня приобрело однородную винную расцветку. Только ее желтые сапоги сохранили первозданный цвет. Улыбаясь, Виттория остановила свою дьявольскую мельницу и пошла мне навстречу.

— Молодец, Леон, ты справился! От такого, как ты, я никак не ожидала. Давай заходи, вот табурет, присаживайся... Сейчас закончим разгрузку, и я дам тебе попробовать сусло.

Вот, и эта тоже звала меня Леоном, но я слишком устал, чтобы протестовать. Корсары, которые весь день косо на меня смотрели, своего отношения не изменили даже сейчас. Я наблюдал, как они опрокидывают виноград из ящиков в большую емкость, соединенную толстым красным шлангом с одним из громадных цилиндров — эту штуку здесь называли «чаном», хотя точно не скажу, чан он и в Африке чан, фиг его знает. Шланг время от времени забивался кожицей, и тогда Виттория выдавала пару крепких словец, порой довольно витиевато.

Я развлекался, как малый ребенок, меня почему-то забавляла повторяемость ее движений. Мне казалось, что я нахожусь в лаборатории алхимика, в которой выделялись ароматы и конденсировались удовольствия. А в роли алхимика выступала пожилая давильщица бордо. Корсары уехали, Виттория взяла стакан, открыла краник в одном из цилиндров — упс, чанов, — сполоснула посуду первыми каплями, потом наполнила снова, уже до краев, и протянула мне. Я не имел никакого желания пробовать сусло, но, похоже, альтернативы у меня не было.

— Я сполоснула бокал, чтобы не осталось вкуса от предыдущей пробы и чтобы мы могли быть уверенными, что это именно сегодняшнее сусло.

— А сусло это что — вино?

— Нет, еще не вино. После того как виноград проходит через дераспапиджатор...

— ДЕРАСПАПИЧТО?

— Дераспапиджатор, вон он стоит. Виноград поступает в нее, и машина фильтрует общипанные веточки и виначчиоли...

— ???

— Ну косточки... А ты их как называешь?

— Ни разу в жизни никак не называл.

— В общем, когда выжатый виноград поступает в чан, это уже называется сусло... Завтра оно начнет бродить, и в процессе ферментации весь сахар в винограде начинает преобразовываться в спирт.

— И получается вино?

— Скажем так, получается эскиз, набросок... Изготовление настоящего вина — это очень долгая история. Но сперва попробуй это... Ну, что ты уставился на свой стакан? Пей давай!

Раз, два, три, трак. Нехреновое оно, это сусло, совсем нет. Приятная сладость, но не приторная, такой здоровый, натуральный вкус, который бывает только у фруктов. Мне пришла в голову эта мысль, когда я одним глотком осушил бокал. Я воспрял и немедленно попросил повторить.

— Осторожней, Леон, а то тебя пронесет!

— Чего меня?

— Знаешь ли, сусло несколько слабит.

— У меня стальной кишечник. Меня прохватывает, только если я выпью лишнего или стакан апельсинового сока натошак.

— Как знаешь... Расскажи мне, как прошел день... Как там Джулия?

Виттория налила мне еще стаканчик этого нектара, а сама уселась возле меня на старый перевернутый таз.

У нее были длинные вьющиеся волосы, которые она стягивала на затылке, и из-за этого открывались морщины на лбу и на всем ее красивом лице. Лицо крестьянки, всю жизнь проработавшей под открытым небом, такое она производила впечатление, и тем не менее морщины ее совсем не портили, как Дуку, например. Хотя Виттория была женщиной не в моем вкусе, да и в годах заметных, все же в ней было нечто притягательное. Неотесанной простушкой ее назвать никак было нельзя. Она была женщиной из категории «быть», прямая, цельная, почти непреклонная. Возможно, это из-за моей клинической наивности, но неожиданно я проникся к ней полным доверием. Когда ты хо-

чешь поговорить о своих проблемах, когда тебе плохо, когда занимаешься самоедством и переполнен жалостью к себе самому, благосклонный слушатель никогда не помешает.

Я рассказал ей о Джулии, будто передо мной сейчас сидел Стефан, прерывающимся от волнения голосом, с паузами, чтобы выплеснуть накопившееся возбуждение. Виттория сидела неподвижно и внимательно слушала мой рассказ о встрече на винограднике, а я выкладывал все искренне, будто на исповеди, первому встречному.

Несмотря на свой ужасный рюкзак, Джулия была небесным созданием: волосы цвета меди, невинный взгляд, чуть рельефный носик, высокая попа и веснушки на груди. И еще она читала «Дьяболик». Разумеется, я изо всех сил принялся развивать темы комикса (это в порядке вещей, особенно когда ты полон неясной тревоги) и в тщательно отслеживаемых паузах между затянками пытался нащупать общие точки в данной материи. Джулия слегка оживилась, но это «слегка» для меня было дороже всего на свете.

— Мне очень нравятся Ева и Алтея, подруга Джинко. Они просто две дуры сумасшедшие, из-за любви могут что угодно сотворить. Я помню, когда они вдвоем убегали от одной банды... обалдеть. Ты читал эту серию?

— Нет.

— Прочти. Если у меня осталась, я тебе завтра принесу.

— ...

— О чем ты думаешь?

Я окаменел. Мой рефлекс, заточенный под оценку девушек, вырубился. Я Джулию вообще не знал, но она никак не могла быть девушкой «быть». Ни даже «иметь». И уж совсем никак девушкой «на равных». Я не мог классифицировать ее. Она была просто девушкой, которую мне хотелось поцеловать. Если бы, следуя игре с фатумом, она предложила бы мне какую-нибудь из частей своего тела, то я выбрал бы губы, потому что когда кто-нибудь тебе по-настоящему нравится, то прежде всего тебе нужен поцелуй, а потом уже груди и все такое прочее. Поцелуй — это единственное слово, в котором содержится целый разговор.

Впервые в жизни на вопрос, о чем я думаю, я ответил правду:

— Я думал о том, нравится ли тебе Человек-Паук...

— Да меня от него просто тошнит!

— ???!!!

— Я и фильм смотрела, вконец разочаровалась... А что, тебе он нравится?

— Да нет, Джулия, это я так... Спросил из любопытства.

— Единственный супергерой, которого я люблю, — это Супермен! Он крутой любовник, правда?

— Ага.

Ну почему когда люди влюбляются, то становятся такими дураками, мягкими, покладистыми, и готовы говорить совершенно невозможные вещи, лишь бы угодить своей пассии? Это и вправду любовь, если люди так себя ведут? Это любовь. Для меня это любовь. Потому что, когда любишь, твой избранник становится единственным хранилищем истины, и ты обязан верить ему, просто доверять, потому что в эту секунду мозги отключаются, хотя мой-то в отключке уже бог знает сколько времени.

Я пересказал Виктории всю эту сцену вплоть до малейших деталей, а она слушала с искренним интересом. Я пытался передать ей все бушевавшие во мне чувства, а она не прерывала меня, хотя у нее было до хрена чего еще делать — дрожжи там какие-то или закваску заложить, фиг его знает.

Холодок нашей первой встречи мало-помалу растаял, рассеялся. Первый раз женщина слушала меня и при этом не давала повода думать, что хочет заниматься любовью, а может, я просто никогда не разговаривал с женщинами, которые не хотели спать со мной. В этом месте все правила казались необязательными, даже мои, за исключением ужина ровно в восемь у мадам. Время от времени Виттория адресовала мне улыбку, хотя, как мне кажется, она не понимала некоторых моих миланских оборотов или просто ее очаровала моя речь с грассирующим «р». Или мои точеные руки. Или моя обезоруживающая улыбка. Как истинная жительница Трекуанды, она сообщила мне главные сведения, касающиеся Джулии:

она закончила курсы по гостиничному бизнесу в Монтепульчано три года тому назад;

она и Барабара — две самые красивые девушки Трекуанды;

у нее две старшие сестры, но гораздо менее симпатичные, чем Джулия;

по вечерам она работает в баре своих родителей — «Ла Сиеста»;

в баре висит ее фотография, где ее, сразу после рождения, держат на руках Рафаелла Карра;

у нее аллергия на кошек;

она недавно разошлась со своим парнем, десантником, родом из Апулии, чья часть располагалась в Сиене;

она ненавидит сырую ветчину и жареные артишоки;

она приходится ей двоюродной сестрой.

Меня сильно потрясло последнее заявление. Виттория казалась женщиной экстравагантной, и она, судя по всему, все более проникалась ко мне симпатией, иначе мне трудно объяснить ее поведение. Наверное, тут сработало, в качестве бонуса, пресловутое «чувство вины» — это когда отношения налаживаются после ссоры: мы оба согрешили, хотим забыть это и потому станем более симпатичными друг другу.

Виттория не искала кайфа. И, наверное, не хотела даже соблазнить меня, иначе бы не заявила бы так откровенно о своем родстве с Джулией. Я не понимал до конца ее позиции, но в целом мне это нравилось. Я готов был ответить еще на тысячу вопросов о Джулии, как вдруг острая боль запульсировала в моем животе, сначала мелкими уколами, а потом все более бурно и настоятельно. Существовал единственный вариант положить конец этой мучительной атаке: срочно бежать в сортир.

Я не имел никакой возможности даже сказать Виттории «до свидания», поскольку мысленно уже был на «очке», вернее, бежал к нему, бежал, изо всех сил сжимая ягодицы и не думая ни о чем другом, кроме как о жизни и смерти: единственный способ не навалить в штаны — это переключить мысли на что-нибудь трагичное и попутно надеяться не встретить случайных зубоскалов. Я бегом поднялся по лестницам около винного цеха, миновал домик Рикардо, потом преодолел еще не менее десятка лестниц и, наконец, уже не помню как, ворвался в столь nepотpeбный кло-зет Грандуки.

Освободившись от пищеварительных тягот, я принял самый чудесный душ в моей жизни. О да, я заслужил этот душ, эти струи горячей воды, которые пробуждали мои мускулы, массиро-

вали спину, освежали лицо. Я почувствовал себя живым, и никакая дрянь не могла отравить это мое ощущение. Я выздоравливал и, наверное, уже выздоровел. А может, просто у меня никогда не было того, от чего надо выздоравливать.

Стаи птиц в предзакатных сумерках вызвали у меня желание пойти побродить: в комнате их крики вызвали труднообъяснимое беспокойство. Я выглянул в окно, чтобы узнать, на месте ли Виттория, но ее малолитражки уже не было. Из чанов доносились неясные шумы и время от времени даже какое-то бульканье. Слева в кипарисовой рощице виднелся один из двух бассейнов. Я надел новые плавки, чистые джинсы, красную футболку, запачканные землей ботинки, ай-под в уши, и вперед — бултыхаться в бассейне, один на один с природой.

Под дверью я обнаружил записку от донны Лавинии, которая писала, что если я пожелаю поужинать с ней, то могу явиться в столовую в восемь. Либо я мог пойти покушать в известную остерию. Я решил, что приму решение попозже, хотя особых альтернатив у меня не было, и пошел к бассейну, любуясь резко очерченными контурами холмов Крете. Растянувшись на шезлонге, до которого еще доставало солнце, я врубил на полную громкость *Brown Sugar**. По спине мурашки побежали.

Мало что меня так реально заводило, помимо кокса, как рифф Кейта Ричардса. Я живу, черт возьми! Идите все в задницу. В задницу Милан. В задницу дивиденды. В задницу хлеб с маслом. В задницу девочки из разряда «иметь». В задницу все шлюхи. Я уже было собрался послать туда же и свою матушку, как мобильник разразился унитаэным водопадом, означавшим, что пришла мессага. Вовремя. Наконец кто-то вспомнил обо мне. никаких сомнений: кому-то понадобилась еще одна пара туфель. Или же это был Дука, обеспокоенный снижением спроса. Нет, это оказалась Анита: «Ты где? Ани».

Где ты? Где ты? А ты где, грязная сука? Мне хватило силы воли не отвечать, однако выполнить команду «Удалить сообщение», которую, с услужливой провокационностью предложил мне мобильник, я так и не решился. Мужества грохнуть сообщение у меня не нашлось. Мне хотелось чуть посмаковать ситуа-

* Песня «Роллинг Стоунс».

цию, поскольку это послание, по сути, было маленьким чудесным реваншем. Анита все еще меня вспоминала. Наверное, это мой братец запустил пару слухов, и она всполошилась. В общем, правило подтверждается: женщины всегда возвращаются. Особенно если они шлюхи.

Я еще немного насладился моментом, перечитывая это «Ани», которое ждал целое лето, и решил, что в такой особенный вечер могу позволить себе раздавить бутылочку вдалеке от всех. Прослушав еще пару песен, я направился, весь такой торжественный, в остерию. Войдя внутрь, я остолбенел от страха: за огромным столом сидели байкерши. Опаньки!

27

Трекуанда казалась городком, забытым в морозильнике средних веков. Приземистая величественная башня, деревце, выросшее на стене замка, мощенные булыжником дороги, сложенные из камней дома, церкви из массивных каменных блоков. Похоже, городишко никогда не испытывал дефицита в камнях.

Хоть местечко и было микроскопическим, центральную площадь мне найти никак не удавалось. Прodelав третий безуспешный круг, проехав опять мимо такой знакомой заправки «Петрол-Транс», я наконец заметил домишко на крутом склоне, который мог сойти за ресторан.

Я постучался, вошел и оказался во дворике, где сидела молодая женщина и кормила девочку кашкой. Похоже, это был частный дом. Я отступил на пару шагов, сконфуженный своим незваным вторжением, и тут появился улыбающийся молодой человек в белой рубашке:

— Желаете поужинать?

— Попозже... Вообще-то я искал бар «Ла Сиеста».

— Барре? Вам нужно проехать туда, под арку, и чуть выше, справа, увидите площадь.

— Я там уже проезжал и никакой площади не видел. Там такая церковь в клеточку, газетный киоск и аптека.

— Так это и есть площадь. Площадь Гарибальди. А напротив аптеки как раз бар.

— Вот как? Так это, оказывается, площадь?

Парень посмотрел на меня так, как смотрела Маризела до того, как стала мне симпатичной. В жизни не видел такой маленькой и убогой площади. Да я ведь два раза через нее просвистел со скоростью света. Очевидно, даже в средние века при городском строительстве соблюдали режим строгой экономии. У них, наверное, и в те времена городская администрация не отличалась широтой взглядов.

Я сделал благодарный жест в сторону официанта, вернулся в свой «маджолино» и полез вверх до самой до этой обещанной площади. Несмотря на запрет на парковку, я поставил машину прямо перед церковью, будто отец невесты. Эта чудная площадь — называйте ее дорожным расширением, пятачком, как хотите — была вытянута в длину и казалась совершенно пустынной, если не считать неоновых световых пятен да звуков теленовостей из окон. А в центре, в обрамлении четырех забытых столиков, — бар «Ла Сиеста», который означал для меня Джулию, а ты, сука Анита, я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Поглядевшись в матовое стекло микробанкомата, снял штуку евро (зря, что ли, ехал!) и решительно вошел в бар. Это будет неожиданным сюрпризом. Я сделаю вид, что попал сюда случайно, а она решит, что это знак судьбы. Я приглашу ее на ужин и отвезу в тот ресторанчик, он как раз подойдет. Потом мы будем болтать без умолку в машине под музыку «Роллинг Стоунз», станем говорить всякие глупости, пока не пробьет полночь, никогда не знаешь, когда наступит этот момент, ведь полночь — это время первого поцелуя.

Но в этом полубаре, полутабачном киоске с элементами автогриля Джулии не оказалось. Мужчина со скучающим видом стоял за стойкой и листал «Сеттимана энигмистика». По телевизору шла передача с этой ужасной ведущей, ну, такой брюнеткой, у которой скулы с каждым разом становятся все острее и острее.

— Добрый вечер... А Джулия здесь?

— Нет, Джулия подойдет к десяти... Извините, а вы кто?

— Леонардо Сала Дуньяни, очень приятно.

— Вы не здешний?

— Я швейцарец, но живу в Милане.

Если ты мудака, то это пожизненно, невозможно мгновенно превратиться в хитреца. Жизнь нас учит именно этому, не так ли? Кроме того, я никогда не вращался в обществе таких людей.

— То, что вы иностранец, сразу видно... А, вы, наверное, тот самый Грандукинчик из Колле?

— Ну... как вам сказать... блин, вообще-то да.

Как мужчина мог узнать мое прозвище, если Колле в трех километрах отсюда? За пределами спящего городишки? Черт возьми, если бы я здесь закинулся дурью, об этом мгновенно узнали бы сразу все. Да, город казался вымершим, но за створками закрытых окон таились телекамеры: Большой Брат следит за тобой! Еще один момент беспокоил меня больше всего: может, это Джулия, на этой недоплощади, разнесла по всему свету мое прозвище, женщины они такие, дай им волю, оплюют тебя с ног до головы. Нет, о плохом я не хотел и думать: я заказал коктейль «Куба», но мистер не врубился, и мне пришлось объяснять ему, как это дело готовить — вплоть до точной дозировки компонентов. Бокал я осушил одним глотком, потом купил в табачной секции сигареты и зажигалку, я бы там все купил, лишь бы заслужить симпатию тестя, и вышел подышать свежим воздухом. В двух шагах от меня располагалась другая церковь. В итоге: площадь, больше похожая на улицу, и сразу две церкви в пятидесяти метрах друг от друга. Теперь я понимаю, почему Бенини* мог быть только тосканцем.

Вдоль узкой улочки прокатывались порывы ветра, я шел, поживаясь от вечерней свежести, к своему болиду и тут обнаружил на ветровом стекле квитанцию об уплате штрафа. На площади Спанья в Милане у меня такого не бывает, а тут пожалуйста, и где, в этом сраном городишке? И где же этот козел полицейский?

Ладно, наплевать, тем более с моим швейцарским номером, штрафы до меня никогда не доходят. Я вернулся в ресторан пешком. Вошел через дверь, сделанную в виде арки, и оказался перед

* Экстравагантный актер и режиссер Роберто Бенини, получивший в 1998 году «Оскар» за лучшую мужскую роль в снятом им фильме «Жизнь прекрасна»; родился в Тоскане в 1952 году.

каменным ограждением, за которым раскинулась ночная панорама, в которой там и сям светились огни. Я узнал Колле, и душа вдруг наполнилась радостью: мой дом, там был мой дом. Мне захотелось с кем-нибудь поговорить, и сразу же вспомнился Стефан.

Я застиг его за чтением книги. Название он говорить отказался из опасения, что я пошлю ему SMS с последней строкой. Стефан был настолько рад меня слышать, что даже непроизвольно напрягся, будто чрезмерное выражение приязни могло лишить меня остатков мужественности. Но мой друг знал меня и любил именно за это. Я в общих чертах поведал ему историю с Анитой — ведь тогда, после ареста, у меня не было никаких сил что-либо ему рассказывать — и намекнул про Джулию, и Стефан моментально стал *aficionado**, как любил говорить Пьер. Стефан уже болел за эту девчонку, хотя я и представил ее как провинциальную выскочку. Он пожелал мне держаться и напросился в гости в Колле на пару дней. Я проорал ему: «Ноу проблем!!!», и тут связь в очередной раз прервалась.

На обрамленной деревьями веранде ресторанчика я расположился с ужином: официанты были столь радушными, будто я был их родственником. Шеф-повар предложил мне блюда по своему выбору, и я, не колеблясь, согласился. Мне подали жаренные по домашнему рецепту гренки, лапшу в заячьем бульоне и кабанину в сладком соусе с шоколадом и орехами. Еду я запивал кьянти *San Leonino*, что замечательно сочеталось с моим собственным именем, и бутылочку-то я практически прикончил. После того как я расплатился, хозяин предложил мне еще анисового печенья с изюмовой наливкой. Разумеется, от наливочки я не отказался — цак! — хорошо пошла.

Пошатываясь, я вернулся в бар-табачку-автогриль и наконец увидел ее, стоящую за стойкой: волосы распущены, ногти с чудным блестящим маникюром, в переднике, в котором она казалась еще более сексуальной. Я ввалился, нахально стуча своими башмаками, и Джулия с изумленной улыбкой широко раскрыла глаза.

— ЛЕОН, ТЫ ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ?

* Болельщик, поклонник, фанат (итал.).

— Да вот, к тебе зашел... Два дня прошло, а мы с тобой так и не поговорили.

— Это трудно, если только нас не поставят в пару... А потом, ты в перерывах всегда ходишь обедать в оsterию...

— А что еще остается делать, бутерброды мне ведь никто не готовит.

Джулия смотрела на меня, уперев руки в боки, с задорным взглядом женщины, которая просекла, чем угодить мужчине.

— Если хочешь, в следующий раз бутерброды для тебя приготовлю я...

— Спасибо! Только, пожалуйста, без сырой ветчины, я ее ненавижу.

Наивно, конечно, однако мне надо было зацепить ее побыстрее.

— Вот как, значит, тебе не нравится сырая ветчина? И мне тоже.

— Знаешь, из еды я только две вещи не люблю: сырую ветчину и жареные артишоки. Все остальное я ем с удовольствием.

Она уже была влюблена, а я еще больше, несмотря на то что сплутовал. Джулия сделала мне кофе, а я взял из вазочки на стойке плитку молочного шоколада. Всегда ненавидел молочный шоколад, особенно после того, как однажды сожрал его много-много, и меня потом долго рвало. Но сейчас я притворился, будто просто обожаю его. Как только Джулия чуть отвлеклась, я изобразил, будто ем эту шоколадку с величайшим удовольствием. Джулия обслуживала нескольких завсегдатаев. Клиенты заказывали чистую граппу, молочные коктейли, громко разговаривали. Я себя ощущал словно в цирке и, несмотря на это, решил даже сесть и подождать ее за столиком. Я дивился, откуда в ней столько энергии: после целого дня работы на сборе обслуживать еще в баре этих старичков. Когда бы я ни глянул в ее сторону, Джулия всегда была занята каким-нибудь делом, может, она так суежилась просто от смущения. Предупредив, что до закрытия осталось совсем немного, она добавила, что потом ей надо будет идти домой, но для меня время не имело больше значения: любить это означает, в первую очередь, уметь ждать.

Я с деланным безразличием смотрел на ее фото, где она была на руках у Карры, перелистал «Ла Национе Сиена», побросал не-

много монет в автомат с видеоиграми и выяснил, что игрок из меня никудышный. Во время игры я старался казаться бравым в уверенности, что Джулия со стороны за мной наблюдает. Но я затеял игру с фатумом и упорно не глядел в ее сторону: если до конца игры я не взгляну на нее, то нынче же вечером мне удастся проверить языком ее ротик.

В полночь, не в сказочную, а в двенадцать по часам, Джулия явилась передо мной, словно молния, пробившая насквозь мое брненное тело. Поверил ей один раз и сколько просидел, сейчас бы уже давным-давно дрых в своей постели. Но эти веснушки на груди — они были словно дорожка чистейшего кайфа, какой уж тут сон.

Когда последний из старичков отправился наконец восвояси, Джулия предложила прогуляться. Ей понадобилась еще пара минут, чтобы выключить кофе-машину, потушить свет и закрыть входную дверь железными жалюзи. На ней были кожаная курточка и красный шарфик (ну, такие, которые китайцы на рынках продают), и шарфик развевался на холодном ночном ветре.

— Спасибо, что подождал меня, Леон, но мне надо идти домой.

— Давай я подвезу тебя на машине.

— Ну, если хочешь... Только отсюда до моего дома пятьдесят метров, вон там, вниз по улице.

Я понял, что мой телефильм рискует вот-вот перейти в финальные титры. Тогда я начал использовать первые попавшиеся под руку боеприпасы.

— А ты не хочешь показать мне свой городок?

— Но сейчас уже все закрыто... Он очень красивый днем, когда открыты магазины: «Ла Куп», сувениры. И потом, уже поздно, давай не сейчас... Чувствуешь, как похолодало за последние дни?

— Да, блин.

— Ты говоришь «блин» через каждые три слова или я ошибаюсь?

— Блин, так и есть!

Мы стояли у начала улицы, которая уходила круто вверх и была освещена парой древних фонарей. Тишина, прерываемая лишь уханьем совы, окружала нас со всех сторон. Джу-

лия помедлила, потом взяла меня под руку и сменила направление.

— Пойдем, я покажу тебе Порту, это мое любимое место в Трекуанде... Если мой отец выглянет и увидит меня вместе с тобой, он бог весть может что подумать... Хотя мне уже двадцать два, и он говорит, что я могу делать все, что мне заблагорассудится, главное не забеременеть!

Пройдя несколько шагов, мы оказались перед каменной оградой, у которой я недавно звонил Стефану. Ветер неожиданно стих, хотя по освещенному луной небу плыли угрожающего вида облака. Мы уселись верхом на ограду лицом друг к другу: под нами виднелась школа на редкость уродливого вида. Если такова современная архитектура, то тогда я предпочитаю камни средневековья. Да уж кирпичи наши и то лучше. Но рядом с Джулией меня ничего не раздражало, мне все нравилось, и хотелось побыть с ней подольше, поболтать. Я спрашивал у нее названия всех поселков, огни которых виднелись в темноте; она показывала, где Беллария, где Колле, где Сельва, а вот там замок Галико, а вот там, левее, ее любимое место: Подджо-Пьери. А я уже представлял, как я встречаюсь с владельцами имений и веду переговоры о покупке их собственности, а на следующий день преподношу ей все это в дар, перевязанное бантиком. Одну комнату мы бы выделили Пьеру, одну для Лолы, еще одну, тайную, для ее кукол «Винкс», еще одну для мамы, а папе — хрен, эгоисту несчастному. Да, и еще одну комнату нужно будет выделить для родственников Джулии, все равно ведь у них целый дом в этом городке, и им много места не понадобится. Весь этот идиотский бред лихорадочно пронесся в моем мозгу, и я тем временем запаниковал, поскольку интересных для нее тем разговора никак не мог подобрать.

Я начал вытаскивать козыри и заговорил о Сан-Морице, но эта тема Джулию особо не взволновала: она сказала, что как-то раз ездила кататься на лыжах в Альбетоне, и ей очень понравилось, как там расчищают снег. Я начал про Ибицу... Но Джулия же дальше Фоллоники не заезжала, нигде, в общем-то, и не была. Я прошупал тему шопинга на улице Спига. Но Джулия там никогда ничего не покупала. Я спросил ее насчет сашими. Она была раза три в китайском ресторане. Отчего же, чем больше

она рассказывала, тем сильнее мне хотелось обнять ее, поцеловать, взять с собой и увезти отсюда?

Я видел ее в туфельках на шпильках от Manolo Blahnik, в платье кремового цвета и с сумочкой, усыпанной «брильянтами» от Swarovski. На шее кольцо от Orlandini, любимого ювелира моей матери (после Van Cleef & Arpels). Хотя такая она мне нравилась, пожалуй, даже больше — в куртке из искусственной кожи, с дешевым шарфиком, в джинсах со стразами и похожих на мужские ботинках.

Она нравилась мне, несмотря на то, что иной раз напрягала своей манерой говорить, этими фразами с бесконечными «поскольку», «таковой» и «это мне приятно». Я будто с Данте или с Вергилием разговаривал. А может, я просто был влюблен. Мне нравились достоинства Аниты, но я любил ее именно за недостатки. В Джулии же я не видел никаких недостатков, одни достоинства. Помимо физической привлекательности меня поразила ее легкость: эта непосредственность, с которой она задавала вопросы, предлагала какие-то темы, она была такой искренней, такой безоружной и при этом вовсе не казалось наивной. Возможно, и сам я не был окончательно изничтожен. Когда на тебя обрушивается несчастье, ты почему-то не думаешь, что это временно, что несчастье улетит, развеется: мы продолжаем жить в ужасе вечно-го проклятия, а ведь это все преходящее, впрочем, как и счастье.

Вот какие мысли приходили мне в голову, когда я слушал Джулию, за эти полчаса, показавшиеся мне не длиннее песни. Джулия призналась, что хотела бы переселиться в Фойано-делла-Кьяна, потому что там вечером есть куда пойти, а еще ей хотелось бы съездить в Римини, Галлиполи и Палермо. Если ее миром была Италия, тогда каков же мой мир? Неужели мой мир — это лишь жалкие осколки Италии, ограниченный набор точек? Чьи горизонты шире — ее или мои?

Всего лишь одна неделя без кокаина, а пришлось уже столько вопросов задать самому себе.

Я попробовал сконцентрировать внимание на собственном пупке и разработать наиболее эффективный метод приступа, чтобы похитить у нее незабываемый поцелуй. И вот, когда я уже почти приблизил свое лицо к лицу Джулии, она вдруг, спохватившись, соскочила с изгороди.

— Очень поздно, Леон. Мне отец задаст взбучку, когда я вернусь... Я лучше пойду... Мне было действительно очень приятно, что ты зашел, — просто здорово.

— Да ладно тебе... Значит, до завтра.

— До завтра. Если будет хорошая погода.

Я взглянул на небо и не увидел там ничего, ни одной звездочки.

28

Я провел практически всю ночь без сна, слушая дождь.

В двадцать семь лет на погоду, по большому счету, наплевать. Больше того, мне даже нравилось, когда в Портофино моя мать собиралась устроить очередной коктейль на море, и тут начиналась гроза. Лето я любил чуть-чуть больше, и то только потому, что можно было меньше надевать одежды. Во всем остальном небеса играли в моей жизни роль переменной с ничтожно малым значением, которым можно пренебречь. Сегодняшняя ночь с ее внезапным ветром не давала мне заснуть, я сидел весь напряженный, вытирашив глаза.

Если бы меня представили Богу, то я бы ему помолился. Любопытно было бы взглянуть на его лицо в тот момент, как я исповедовался бы ему во всех своих грехах. Неожиданно я подумал о том, что у Бога на самом деле тяжелейшая работа: все тебе чем-то докучают, рассказывают тебе всякие мерзости и просят, просят, просят. Возможно, это и престижная должность, но чересчур уж ответственная. Лучше уж жить простой земной жизнью, обрабатывать землю, поглядывая с надеждой на облака.

Да и кто в это сейчас верит? Истинно, истинно говорю, что в тот момент для меня это не имело ни малейшего значения. Я слышал лишь, как бешено колотится сердце у меня в груди, — как у подростка. Да, в этом нежном возрасте возможность завоевания женщины может привести к различным неожиданным эксцессам, и в моем случае это дало себя знать по-своему: я бегал на горшок по-маленькому каждые пятнадцать минут.

Провалявшись некоторое время в тяжком подобии сна, я вдруг проснулся в нереальной тишине: дождь окончился. Я медленно поднял жалюзи, чтобы оттянуть возможный неприятный сюрприз, и все-таки обломался. Небо было драматично затянуто пеленой черных облаков, но дождя не было. Температура довольно резко упала, но в целом ощущения у меня были не из самых противных. Винодавильня работала, в чанах все бурлило, машина Виттории стояла на своем обычном месте под деревом. Полный надежд и ожиданий, я сполоснулся в ванной, сунул в рот печенье, намазав его маслом и ежевичным вареньем, которые Мена приготовила специально для меня, и спустился вниз.

Переменившееся небо внушило мне некоторые сомнения, поэтому, я прежде чем ехать в Подджоне, решил зайти к Виттории и получить возможные дополнительные сведения, а еще чтобы похвастаться проведенным вечером. У Виттории был очень сердитый вид, она внимательно снимала показания с какого-то прибора, похожего на термометр — «бабо», она называла эту штуку «бабо» — измерителя уровня сахара в забродившем мерло.

— Так что, все уже на винограднике?

— Какое там... Ты что, не видишь, какая погода?

— Но дождя-то нет.

— Сама вижу, что дождя нет, но ягоды сейчас мягкие. Если ягоды мягкие, трогать их нельзя... Так что сегодня никакого сбора, и будем надеяться, что погода наладится, хотя прогнозы скверные до послезавтра.

— До после чего?

— До послезавтра, Леон. Ты ведь хочешь увидеть Джулию, так? Вы там сидели у Порты, болтали допоздна...

— Это она тебе рассказала?

— Слушай, почему бы тебе не съездить к ней? Сегодня она весь день будет в баре, вот увидишь. А то у тебя отчего-то рожда совсем кислая.

Первый раз мне захотелось пойти на работу...

Можете мне не верить, но Виттория мигом избавилась от меня, пару раз хлопнув по плечу и отослав прочь, чтобы вернуться к своим чанам. Я бегом бросился к своей тачке и тут увидел Рикардо с лицом хмурым, словно небо над головой. Выражение его лица не изменилось, даже когда он встретился со мной взглядом,

хотя и жесты, и слова его были, по обыкновению, учтивы: банальные фразы из уст того, кто желает скрыть свое недовольство. Но я весь был во власти любви, и у меня не было времени заниматься проблемами кого бы то ни было.

Я въехал в городишко, запарковал машину на стоянке у церкви, и так запустил счетчик оплаты. Потом направился прямым в бар. На площади было заметно некоторое движение: кто-то быстро шел в аптеку, кто-то направлялся в банк, кто-то к газетному киоску, в котором продавался даже *Independent**, — в Милане такое нечасто встретишь. Остальные магазины меня не интересовали, я рвался только в бар и к своей барменше. Но моя барменша отсутствовала. На ее месте работала одна из ее мегерсестричек — моя будущая золовка — которая, очевидно, вычислила меня в мгновение ока и с готовностью изложила мне всю правду.

— Джулия поехала в Сиену к своему парню. У нее сегодня выходной, вот она и решила провести его, тем более что на сбор никто не поехал.

— А когда вернется?

— Слишком много хочешь знать... Джулия такая непредсказуемая. Может, часа через два появится, а может, и вовсе к ночи... В общем, я передам ей, что ты приходил, ладно?

Я разочарованно кивнул, будто старик, приговоренный к вечной неподвижности. Чтобы прийти в себя и согреться, я заказал кофе с граппой. Потом поехал обратно в Колле, но по дороге завернул на минуту к той каменной изгороди, у которой мы сидели накануне вечером. На земле еще валялись окурки моих сигарет. Я достал свою зажигалку Zippo с изображением Человека-Паука и закурил.

Едва я подъехал к усадьбе, донна Лавиния выглянула в окно и позвала меня в свои апартаменты. У нее было несколько растерянное выражение лица, что заставило меня напрягаться меньше обычного. Пока я поднимался по лестницам, на улице опять пошел дождь.

— В тебе есть кое-что особенное, Леон.

— Не понял...

* The Independent — ежедневная британская газета.

— Я ведь была уверена, что кроме как позориться, ты больше ничего не умеешь, а ты, приехав к нам, сумел показать еще и немалую толику мужества.

— Что значит позориться?

— Позориться — значит бежать от реальности, от проблем, от опасностей, отказываться от противостояния им.

— А почему вы решили, что это мой стиль поведения?

— По твоей походке. А еще когда ты в первый же раз пришел с опозданием, заметив, что вовремя приходят только на домашний ужин. Когда ты думал, что произвел на меня впечатление, только потому, что использовал в разговоре иностранные слова. Я поняла это, когда ты, зная, что у нас ужин в комнаты не подают, настаивал на этом. Продолжать?

— Нет-нет, я все понял.

— Но в конце концов я увидела, что ты все-таки не побоялся запачкать руки. Надеюсь, это не потому, что начался дождь...

Я весь напрягся, а старуха продолжала шелушить меня, как луковицу, правда, с некоторой долей иронии. В зале с гербами, в этой своей зале шестнадцатого столетия с фресками на потолке, на которых заметнее всего был лев на задних лапах, вдохновивший хозяйку на первое здешнее вино — «Красный Лев», я рассеянно слушал речь донны Лавинии, а мои мысли были о неудавшемся свидании с Джулией и о дурном известии, что ее история с десантником еще не закончилась. Если уж я оказался здесь, так только для того, чтобы почтить память моего дедушки, поэтому я и смирился с тем, чтобы на меня вылили целый ушат с радиоактивными отходами моей неприкаянной души. Можно было просто сидеть и слушать, не задумываясь, хотя время от времени я бросал взгляд за окно — не улучшилась ли погода. Я был похож на старика с артритом, упорно не желающего признавать, что проблема в возрасте, а вовсе не в атмосферных пертурбациях.

Донна Лавиния между тем рассказывала мне о своих дворянских корнях — предки ее были из Монтальчино, о своей юности, проведенной с родителями, о неодолимой страсти к виноделию, вспыхнувшей в ней после окончания университета, о браке, которому противилась ее семья, о первых признаках отцовского порока, о первых карточных долгах, о первых закладных, о финансо-

вых потерях, о ростовщиках, о пущенных с молотка имениях, о землях, которые таяли гектар за гектаром, пока наконец у нее не остались одна лишь эта последняя ферма в Трекуандо да еще два клочка земли в Монтальчино. Запущенные виноградники, вино, вкус которого год от года становился все более мерзким, сокровища, которые уходили, словно песок сквозь пальцы. Донна Лавиния рассказывала мне все это, а сама беспрестанно поправляла подушки у меня за спиной, чтобы мне сиделось поудобнее. Потом она пошла на кухню, я слышал, как она говорила с Меной, и вернулась в залу, неся тарелку, наполненную кусочками отменного овечьего сыра пекорино и бутылку барбареско Rio Sordo.

— Я не из тех виноделов, что пьют исключительно вино собственного производства, это же была бы просто тоска, верно? Хотя мои вина мне нравятся больше всего. Я всегда питала слабость к противоположностям, промежуточные решения меня не устраивают. Поэтому, с одной стороны, я обожаю строгие пьемонтские вина, такие изысканные, такие «французские». Ну, можно сравнить разве что с Gaja, к примеру. С другой стороны, меня радует солнце Сицилии: вина Pianeta, Donnafugata — это же просто жемчужины. А мое любимое — это «Тысяча и Одна Ночь»... Может, ты и не знаешь, но утро — самое подходящее время, чтобы почувствовать вкус вина.

— Почему?

— Потому что желудок почти пустой, а рот чистый. Если ты пьешь вино за обедом, после того, как уже съел и первое, и второе, тогда ты перегружен множеством посторонних вкусов. Так что попробуй это вино, а сыр пока не трогай. А потом уже можешь попробовать их сочетание.

Я старался делать все, как советовала она, и действительно, взболтав вино в бокале, я ощутил ноздрями непередаваемый ароматический букет. Донна Лавиния называла его *неббиоло*. А когда я отправил в рот кусочек пекорино, то вдруг понял, что эти барабанившие капли дождя — не случайны. Бокал за бокалом превращали скучный дидактический рассказ о жизни в увлекательную, страстную историю. Тем более что именно мой дед изменил судьбу этой женщины.

Дед появился в Колле как раз в тот момент, когда ее отец сливал остатки собственности за гроши очередному стервятнику. Дед

влюбился в ферму (хотя, думаю, он прежде всего влюбился в синьору, не меньше ее мужа, надеюсь!) и решил приобрести усадьбу по разумной цене, поставив синьору на хозяйство бесценно.

— Он это сделал по велению сердца, а не головы.

— Он настолько был влюблен в вас?

— ...

— Ой, простите, не обижайтесь. Про некоторые вещи достаточно просто знать, что они были. Все, что дедушка делал, не имело бы смысла, если бы им не двигала любовь, хоть немного.

— Не хочу об этом говорить. Могу лишь сказать, что его самой большой и истинной любовью была его клиника.

— ...

— Ну как, хорошо идет, с пекорино? Я так просто голову теряю... Чувствуешь, как вкус меняется, чуть-чуть с кислинкой такой становится?

Я не врубился, с чего это я вдруг так захмелел. Я был в той фазе, когда откликаешься на любую улыбку или вопрос, отпуская тормоза. Казалось, время растворяется в глотках вина, рисуя новый для меня, незнакомый образ дедушки.

Да, несомненно, между ними была любовная связь, и моя мать об этом догадывалась, и мой отец, возможно, знал об этом наверняка. Чувство, которое никогда открыто не проявлялось — хотя о нем знали все — потому что донна Лавиния имела мужа, по крайней мере, то того драматического дня в конце октября.

— Твой дед и мой муж, оба любили охоту, и эта взаимная страсть к здешним лесам сделала их друзьями. Я чувствую, ты уже осуждаешь меня, хотя я тебе ничего и не рассказывала. Что бы ты ни думал, ты должен узнать, как все было. Прежде чем судить, ты должен сам оказаться в подобной ситуации. Почему истории, которые происходят с другими, кажутся нам такими очевидными? Ты себе никогда такой вопрос не задавал?

Только потому, что у нас глаза наблюдателей. А истории, которые происходят непосредственно с нами, мы воспринимаем исключительно сердцем, а оно, как известно, не умеет видеть все, как надо.

— Так что же произошло в тот день?

— Они пошли на охоту в ближний лес вместе с графом Танкреди ди Буонконвенто... Они часто ходили вместе пострелять.

Доподлинно неизвестно, но вроде бы мой муж споткнулся, ружье выстрелило... Ему пробило вену в районе бедра...

— И вы полагаете, что это выстрелил мой дед?

О, как бы ей хотелось, чтобы я не задавал этого вопроса, но раз уж она принесла это свое вино — барбареско, то теперь должна была принимать ситуацию как есть. Донна Лавиния молчала, плотно сжав ногтями предплечье, довольно упругое для женщины ее возраста.

— Мы никогда об этом не говорили, но думаю, что нет. Я никогда не хотела разговаривать о своем муже с твоим дедом, и ты, конечно, можешь представить, как мне это было тяжело. Ведь я его по-своему любила, и моя боль должна была касаться только меня одной.

— Почему вы считаете, что я могу себе представить, как вам было тяжело?

— Потому что чувство боли тебе знакомо, хотя ты и пытаешься спрятать его под маской наглости. Ты один сплошной нервный тик, ты хрупкий, а главное — ты решил здесь задержаться. Это место притягивает людей либо счастливых, либо безутешных. Ни один счастливый человек в двадцать семь лет здесь бы не остановился. В этом возрасте все ищут шума, не тишины. Тебе же нужно лето, а не дождь.

— ...

— Я сейчас прошу тебя об одолжении: что бы ни случилось, попробуй поставить себя на место другого. Это тебя многому научит.

— Я постараюсь. А можно вам еще один вопрос задать?

— Задавай.

— Вы и дедушка встречались после смерти вашего мужа?

Донна Лавиния секунду подумала, метнув на меня выразительный взгляд, потом ответила:

— Нет, несколько месяцев я вообще никого не хотела видеть, я действительно сильно любила своего мужа. Но потом я не устояла, решила, что глупо отталкивать от себя такого доброго человека... Эдуардо писал мне длинные письма, в них он рассказывал о тебе, о всех вас, о своих сомнениях, о том, как его расстраивает твой отец, и о том, что он не в силах изменить что-либо... Он вообще любил писать письма, пока болезнь Альцгей-

мера его не доконала. По причине все той же болезни он все реже и реже стал приезжать сюда, а потом и вовсе перестал. И мне он прислал еще одно письмо, я до сих пор его храню.

Синьора выдвинула ящик старинного комода и достала аккуратно сложенный листок. Она прочла письмо практически не глядя, похоже, знала текст наизусть.

Знаешь, Лавиния, временами я забываю, кто я такой, не понимаю, где нахожусь, и не помню, что только что ел за обедом. Я ужасно не хочу, чтобы ты услышала от меня «а ты кто?», и поэтому хочу попрощаться с тобой сейчас. А о себе я уж сам как-нибудь решу, до того, как это сделает недуг. Недуг, который я всегда стремился побороть, с которым я иногда заключал союз, и вот сейчас он меня одолел. Я расстаюсь с тобой, но мне хотелось бы оставить тебе на память стихи, не знаю, правда, чьи, но, слава богу, у меня есть силы их еще помнить:

*Не режьте, ножницы, тот лик
Из памяти, как из листа картона,
И не рисуй на слух ее лицо,
Туман мой вечный.*

Синьора пошатнулась, и я инстинктивно придержал ее за спину. Эта боль была, вероятно, той тяжелой ношей, от которой она так хотела бы избавиться, но ее угли еще пылали, и она была из тех, что не устают любить до самой до смерти.

О, как бы я хотел пылать, как она, но у меня, вероятно, не хватило бы характера. Я стоял в замешательстве. Мне ужасно хотелось узнать, как же все было на самом деле.

29

Я становился все безутешнее.

Два дня проливного дождя — настоящее проклятие для того, кому нужно солнце, чтобы вновь обрести свою любовь. А может, это и не любовь вовсе, а только отчаянная попытка вновь почув-

ствовать себя кому-то нужным или же просто желание обнять чье-то тело.

Попытка провалилась: Джулия не появилась в баре и на следующий день, хотя я в этом и не был уверен на сто процентов, поскольку не решился зайти в бар. Я раза три прошел мимо его дверей, напрягая зрение, но мне удалось разглядеть только ее сестричек-мегер. А Джулия явно отсутствовала. Я решил было послоняться возле домов в конце улицы, где, как она мне говорила, жила ее семья, но мне не хотелось ловить любопытные взгляды через щелки жалюзи.

Я вернулся к нашей изгороди и решил, оказавшись на этом плацдарме, ответить наконец на послание Аниты. Сам знаю, я трус, раз уж позволил ей так с мной поступить, но отчего бы не сообщить ей, что я жив, здоров и что она мне больше не нужна? Мне понадобилось, не знаю, по меньшей мере полчаса, чтобы составить правильный текст, потому что я не хотел казаться ни излишне холодным, ни тряпкой — ведь написанные слова, как известно, всегда можно понять и так, и эдак. Кроме того, Аниту всегда раздражали смайлики из скобок и двоеточий, поэтому я особо тщательно выбирал тон послания, обращая внимание на восклицательные знаки и вообще на пунктуацию. Послание я закончил так: «Я сейчас на сборе винограда в Тоскане! Место очень красивое, дикое, и я уверен, что тебе бы здесь понравилось... ЛСД». Никаких «целую» или там «чмоки-чмоки», не говоря уже об удушающем «обнимаю». Один-единственный восклицательный знак, чтобы продемонстрировать мое очевидное спокойствие, и троеточие, чтобы одновременно сказать все и ничего. Потом я сразу же отключил телефон, чтобы тишина не превратилась в навязчивую тревогу.

В Колле я вернулся с уверенностью местного жителя, небрежно двигаясь среди этих холмов напрямик, как сказала бы хозяйка бензоколонки. Я залил у нее полный бак.

И еще я закупил в киоске интернациональный ворох газет, решив залечь в своей комнате, почитать, что там, в конце концов, происходит в мире, хотя по большому счету мне на все это было наплевать. Я просто не знал, чем заняться, а газеты замечательно подходили под дождливое настроение, хотя, думаю, сбить какую-нибудь тетку на дороге тоже было бы недурственно.

Но в комнате мне не удалось просмотреть даже заголовки, настолько мешал сильный шум, доносившийся с нижнего этажа. Эрос Рамаззотти, говорю, да расстрелять тебя мало, блин, да как же так можно? Да еще и на испанском. Надеваю куртку и решаю показать, кто в этом доме хозяин, особенно после откровений донны Лавинии. Рикардо открыл не сразу, настолько громко была включена музыка, но мои удары в дверь заставили его пошевелить задницей. Когда я увидел его горящие глаза, гнев переполнил меня.

— Леон, какой сюрприз... Прошу, заходи, сегодня у меня выходной. Похоже, тебя беспокоит моя музыка...

— Беспокоит? Да ты чего, блин, глухой?

— Когда мне грустно, я всегда слушаю Эроса. Я чувствую его *амор синсеро*... Я плачу, и мне становится лучше. А *Piedra requepa* — моя самая любимая... *те густа*?

— М-м-м...

— Ты всегда ведешь себя, как сноб... Наверное, ты и Лауру с Тициано не любишь.

— Кто такие Лаура и Тициано?

— Лаура Паузини и Тициано Ферро. Ты когда-нибудь слышал их *No me puedo explicar*?

— Что ты несешь?

— Будешь *Bucanero*?

— Что это?

— Пиво. Это крепкое пиво из моей страны... Завязываем с вином! Заходи... фиг с ними, с грязными ботинками.

Чего угодно ожидал, только не этого. Помещение, где жил Рикардо, было двухъярусным: внизу прихожая и ванная комната, потом, через несколько ступенек вверх, кухня в стиле кич и гостиная. В гостиной стояли черные кресла, над неразожженным камином висел флаг Кубы. Комната выглядела в точности как моя, хотя обстановочка напоминала скорее избу крепостного крестьянина. Я уселся в одно из кресел, а Рикардо вежливо притушил голосище Эроса, который заглушал даже шум ливня за окном. Я понял, что скрывалось за тупыми, хотя и искренними улыбками Рикардо: его глаза излучали свет, но он страдал из-за отсутствия своих близких, своей семьи, своей родины.

Рикардо поведал мне о причине, заставившей его позавчера погрузиться в озлобленное молчание: оказывается, крестили его

племянницу Ольгиту, его принцессу. Хорхе, брат Рикардо, очень хотел, чтобы крестным стал сам Рикардо, но поскольку тот находился очень далеко, выбор пал на его двоюродного брата Марчело. Именно из-за этого Рикардо сейчас так убивался, переживал нешуточно, и я почему-то вдруг развеселился.

— Да не фиг-то с ним, с твоим двоюродным братом? И потом, знаешь, какие нудные эти церемонии, так что, радуйся, что избежал...

— ...

— Шучу, Рикардо, шучу... У меня дурацкие шутки, я знаю, ты не обращай внимания.

— Да нет, я и посмеяться могу, если я в настроении. Но я ценю твою реакцию, *энтъендес*? А еще мне написали, что начался приготовления к карнавалу. Знаешь, карнавал Святого Духа — одна из самых замечательных вещей в жизни.

— Сентябрьский карнавал?

— Карнавал проводят в июле, а репетиции начинаются за много месяцев до начала. Я начал готовиться, когда мне было лет семь, я так хотел быть одним из *компарсас*... а знаешь, почему я так страстно этого желал?

— Из-за какой-нибудь девочки?

— Нет, просто если тебя выбирали, то выдавали ботинки и брюки. А у меня никогда не было обуви.

Рикардо поднялся с кресла, остановил *Amor en contra* Рамазотти и поставил компакт диск Селины Гонзалес, чтобы показать, как проходят репетиции карнавала. Я вдруг напрягся, представив, что подумал бы мой брат, увидев меня на кухне страны третьего мира в компании с альфонсом, рассказывающим про карнавал. Братец наверняка бы подумал, и не без оснований, что я рехнулся. Какого черта я здесь делаю? Вразумительных объяснений я не находил, и это меня беспокоило. Рикардо разогнал мои сомнения, с улыбкой предложив еще один бокал пива. Для пива, сваренного на Карибах, оно было очень даже недурно. Совсем непохоже на мое любимое от пивоваренной компании «Ламбрате». Однако и это пиво — «Буканеро» — тоже ничего. Хвала «Буканеро». Хвала «Буканеро» с сигаретой.

Карибский юноша летал по комнате, каждое его слово было как цветное фото. Я даже явственно представил себе ту площадь,

на которой маленький Рикардито каждый вечер разучивал танец «Уауанко». А потом его отчислили из группы из-за странного предубеждения: он был единственным белым, участвовавшим в танце, который считался прерогативой чернокожих. Разочарование его было так велико, что он проплакал целую неделю. Он был в отчаянии таком же безнадежным, как и квартал, где он родился, — *Репарто-Эскрибано*; место называли кварталом Грамотеев, потому что там жил один синьор, который писал за неграмотных письма.

Если бы моя мать услышала эту историю, не сомневаюсь, она моментально посвятила бы очередную среду для поиска спонсоров и фондов, чтобы отправить авторучки, тетради и учебники грамматики в квартал Грамотеев. Я вдруг вспомнил, как исподтишка кидался из окна ручками по прохожим, так, чтобы меня не застукали воспитательницы.

Проигрыватель внезапно остановился, потому что отключили электричество. Я и Рикардо не проронили ни звука.

— Ангел пролетел...

— Кто?

— На Кубе говорят: когда в комнате неожиданно воцаряется тишина, это значит — тихий ангел пролетел.

— Однако... Все вы там на Кубе, знаете...

Рикардо засмеялся. Вообще-то я был пессимистически настроен, но у меня родилось ощущение, что не такой уж я и дурак, пусть и учился не в престижном университете, но, в конце концов, с дипломом политеха оказался на виноградниках, а сами знаете, здесь без диплома никуда. Грустные воспоминания тем временем переросли в веселые рассказы, и Рикардо приступил к приготовлению своего фирменного блюда: *кальдоса* — что-то типа супа с южкой плюс еще, используя его терминологию, маланга, калабаса да вдобавок солидная свиная нога, которую Рикардо купил у местного мясника по имени Скроккаро.

— Сейчас, правда, еще рано, потому что феста* будет только сентября. А это типичное блюдо для этого Праздника.

* Феста дел ла Салюте — важный религиозный праздник в жизни Венеции, имеет исторические корни: принятие дожем и сенатом обета о возведении новой церкви во время страшной эпидемии чумы 1630 года.

— Праздник? Неплохо!

— Клянусь, он именно так и называется... Его устраивает Комитет защиты революции, его празднуют в каждом квартале. На улицы выносят огромные кастрюли, а потом идут с ними от дома к дому и просят кинуть что-нибудь съестное, кто что может — кто картошку, кто малангу, кто луковицу... Это коммунистический праздник.

— А пьете вы там что?

— Рон.

— ???

— Ром, но мы его там называем рон. Чистый рон... сейчас ты его попробуешь под суп. Или ты непьющий?

Рикардо улыбнулся раньше, чем успел это сделать я. Он ведь вовсе не знал, что я и «Гавана» составляем одно целое. Он уже успел заметить, как я хлестал глотками его «Буканеро», хотя пивко мне больше по душе, ежели к нему прицепить стаканчик виски, а лучше два, а лучше не помню сколько. Я так и продолжал сидеть, несуетно, в этой пропахшей милосердием кухне, а Селина Гонзалес уже начала следующую песню.

Как раз при первых нотах *Yo soy el punto cubano* мне вспомнилась Анита; должно быть, она теперь в нужной кондиции, и я решил включить телефон. В комнате Рикардо мобильник брал только в том же месте, что и в моей комнате — у окна. Почти сразу же раздался звонок.

— Мама... Да, живой я, пока еще живой... Да нет, я не в больнице, это так... шутка... посмеяться... Понимаю, на эту тему не шутят... Нет, с машиной все в порядке. Если я три разбил, это не значит, что я должен бить их постоянно... Ты права, но я еще ни разу не разбивал ни одного «порше», а ты уже две... Я не повышаю голос... Хорошо... Не знаю... недельку, может, две... Мама, я двадцать семь лет не работаю... А здесь у меня появилась работа... Вендемна... Да виноград я здесь собираю, я тебе уже говорил... Да нет же, это никакая не благотворительность! Мне даже платят... Да, понимаю, незачем отнимать работу у румын... Я тебя не обзываю расисткой! Да, дождь... Я в гостях у друга, он кубинец, живет здесь... «Кубинец» значит, что он с Кубы... Нет, он не чернокожий, у него даже глаза голубые... Нет, его никто не усыновлял, погоди, я сейчас спрошу у него... Нет, он в другой

комнате... О'кей, а что в этом плохого, извини? Ах, ты даже организовала благотворительный вечер?.. Работает здесь... Всем понемногу... Он сам пригласил... Да, знаю, знаю, дистанция... разумеется... Нет, я его не знаю... Да, ты права... Да, я не забуду... ты права... Суп из овощей... Откуда я знаю, мыл ли он ее с содой?.. Не то что бы совсем не пью... ты же сама... Я ни на что не намекаю... Как там Лола?.. О, и давно уже выпускают таких фей «Винкс» — ростом с девочку?.. И уже у всех такие?.. Я тебя понимаю... Бедняжка Лола... Пролетариат... Хорошо... Но тут она права... Если у нее перерыв на игры, почему она обязательно должна играть на фортепиано?.. А ей хочется просто поиграть... Это нормально... Я не изображаю из себя жертву... Мне здесь хорошо... Мой отец меня не интересует... А не может Пьер один подписать?.. Он звонил пару дней назад... Это ты мне скажи, как у него дела!.. Я знаю только, что... Да, конечно, имущество это важно... Имущество и здоровье, ясно... Нет, здесь нет никакого салона красоты, пара бассейнов и все... Нет, этого нет... Тоже нет... Тоже нет... Тоже нет... Даже спутникового телевидения, и то нет... Нет, это не реалити-шоу... Не думаю, что тебе понравилось бы... Нет... Не беспокойся, я скоро приеду... О'кей, я не буду работать... Хорошо, обещаю. Удачного шопинга.

Рикардо понимающе смотрел на меня, держа наготове стакан с водой, чтобы я смог прийти в себя после столь изнуряющей беседы. Хотя нет, это была не вода, это был рон. Боже, что за чудо, я выдул три подряд, а он за мной следом. Мы нажрались в стельку, в дым, и нам все было по фигу. Анита наконец-то испарилась, и Джулия тоже, да и эта калдоса оказалась даже очень ничего, в качестве кушанья для неимущих. Неужели я становлюсь хорошим? Я боялся до ужаса «синдрома Сюзи», как это называла Анита, начитавшись Тамаро*. Она говорила, что после ее романов в ней рождалось чувство благородства, а во мне, наоборот, — возникало желание побрить ей пелотку.

Алкоголь делал свое дело, и я не удержался, чтобы не задать вопрос, как это умею делать только я, из тех, что любого приводят в приятное расположение духа:

* Сюзанна Тамаро — один из самых популярных авторов Италии, с тиражами ее книг могут конкурировать только с книгами Умберто Эко.

— Рикардо, скажи мне, как тебе удается спать с донной Лавинией?

— С чего ты взял, что я с ней сплю?

— Я ее видел как-то вечером, как она втихаря входила к тебе, и мне вовсе не показалось, что она заходила попросить сахару...

— Знаешь, ты просто настоящий кубинец, энтъендес? Ты очень шустрый.

— Я заканчивал политех плюс диплом университета Боккони.

— Сразу видно, это пошло тебе на пользу. Знаешь, на Кубе у меня не было ничего. Я жил со своей матерью и двумя эрманос, Хорхе и Рамоном, в полуразрушенном доме, в городе, в котором тоже ничего не было, кроме карнавала. Если живешь только в ожидании карнавала, начинаешь понимать, что, пожалуй, что-то в твоей жизни не так. Поэтому я попытался переехать... так говорят по-итальянски, переехать?

— Конечно.

— Поэтому я и переехал в Камагои, там было много туристов.

— И чем ты там занимался?

— Я работал с иностранцами, водил их по городу, танцевал с ними, развлекал по-разному... мужчин, женщин, всех.

— Да, но донне Лавинии семьдесят лет!

— Когда ты видишь инвитасьон, контракт на работу, билет на самолет и даже сортида... Я тебя уверяю, ты бы позарился даже на телеграфный столб, энтъендес?

Во время своей тирады Рикардо сильно жестикулировал, говорил жестко, бесстыдно, не забывая при этом наяривать эту свою пряную похлебку, а дождь за окном продолжал свою грустную работу в ритме сальсы.

— И еще я хочу *ревелар* тебе один секрет, дорогой Леон... Многие парни на Кубе, особенно в деревнях, занимаются сексом с животными.

— ???

— Спят со свиньями, лошадьми, овцами — со всеми. Поверь, даже мой отец всегда говорил мне, чтобы я пошел и сделал это с кобылой. Когда тебе приходится заниматься этим с лошадьми, то после них любое человеческое создание покажется гораздо более приятным... Ты потрясен, да? Хочешь еще чуток рон?

Слегка обалдевший, я хватил еще рому. Я считал себя извращенцем, потому что ходил в бордели Люцерна жарить тамошних шлюх, и вот вдруг оказался желторотым новичком в компании с дансером, который, оказывается, занимался сексом с животными.

Вот теперь я действительно опьянел, как странно, у меня не проявлялось никаких диких инстинктов. Я отрубился в своем кресле в тот момент, когда Рикардо в одиночку пытался исполнять сальсу, сцена в стиле трэш, и пришел в себя, как от внезапного толчка, когда в салоне материализовалась Виттория. «Заходи-ми-амор», — сказал ей Рикардо.

Она пришла брать очередной урок танцев.

30

Никогда не представлял, сколько радости может подарить мне солнце.

Такое радостное чувство у меня было всего один раз в жизни. Я помню, в Сан-Морице: мы поднимались на подъемнике, по канатной дороге, и отец впервые вдруг сел рядом со мной, а не с моим братом. То утро было таким солнечным, я даже помню тепло лучей на коже лица.

И вот то же самое бесстрастное солнце после двух поганых дней дарит мне благословение. Наконец-то возобновляется сбор винограда, наконец-то я смогу понять, привели ли два дня разлуки с Джулией к каким-либо позитивным изменениям, гормональным или чувственным. Я включил мобильник в надежде получить ответ Аниты, но, кроме весточки от Дуки, никаких посланий.

Я решил устроить легкий опохмелочный завтрак в остерии на площадке, в компании каких-нибудь американцев, пары немцев, или датчан, или голландцев — я никогда их не различал, — из тех, что намазывают масло на свои пресные ломтики хлеба. Выйдя из дома, я обнаружил бригаду сборщиков в полном составе у изгороди: там были Арольдо, обе Кесслерши, Сестилио, корса-

ры и остальные, ни имен, ни лиц которых я не помнил. Я не сразу ее разглядел, но и Джулия среди них тоже была. Она зашнуровывала пару новых кроссовок, хотя все остальные сборщики были обуты в сапоги. Я поприветствовал всех, уже не протягивая руку, и неожиданно получил в ответ несколько улыбок, пару «добрый день, Грандукинчик» и даже одного «оболтуса». И еще (угадайте от кого?): «Смотрите, кто пришел!»

— Я думала о тебе как раз вчера вечером... Но мне так и не удалось найти серию «Дьяболик», о которой ты говорил... Поэтому я принесла тебе другой выпуск, он мне очень понравился: «Тайна скалы». Читал?

— Не-а, я ее потерял.

— Там вначале появляются двое мужчин... Я прямо даже испугалась.

— Спасибо, ты такая добрая. Как у тебя прошли эти дни? Я заходил в бар кофе попить, но тебя там не было.

— Я ездила в Сиену, надо было с моим парнем поговорить...

— ...

— Леон, у тебя нет ботинок на толстой подошве? Увидишь, мы сегодня будем работать по колено в грязи... И потом, мне сказали, что виноградник, на который мы едем, самый ужасный, там полным-полно подпорок.

Мы шли в хвосте всей команды, и каждый в сумке нес свое добро. У меня были секатор, перчатки, ай-под и бутылка минералки, которую я стырил из буфета. Джинсы — самые тертые, рубаха — самая мягкая, ноги — самые крепкие, сердце — самое бешеное. Я чувствовал взгляды, обращенные на нас, и радовался, что все видят, какая мы замечательная пара. Даже ее диалект мне теперь не казался таким уж ужасным, я практически привык к полному отсутствию «чи», из-за которого их язык воспринимался с трудом.

Ну да, Джулия, очевидно, съездила навестить своего парня на пару дней и убедилась: никакого сравнения не было, что мог предложить ей он, и что могу предложить я: дома, бассейны, шопинг, путешествия. Я бы отвез ее даже в Бразилию, если бы только она меня об этом попросила. Или на Аляску. Я бы восхищался ею, а она бы стеснялась летать первым классом, а я бы научил ее, как следует правильно держать вилку и нож. Я бы поил ее

шампанским, заказывал бы ей землянику килограммами, чтобы она почувствовала себя как в кино. Я бы дал ей попробовать кокаин, но не часто, время от времени, во время занятий сексом. А потом мы бы с ней слетали в Нью-Йорк, единственный город, в котором я чувствую себя как дома. Я бы угостил ее бифштексом в *Gallagher's*, хотя моя мать и утверждает, что это место для лохов, я бы заказал ей роскошный номер в *Peninsula*. А на Рождество я бы повез ее кататься на коньках в «Рокфеллер-центр», как тот толстяк в фильме *She's the One*, я уж не помню, как его звали, Робби, или еще как-то там. Да, Джулия была бы счастлива со мной. Она бы спасла меня, а я спас бы ее.

Виноградник начинался сразу же за церквушкой, буквально в двух шагах от того места, где мы с кухаркой Меной развешивали простыни. Теперь же Мена за столом меня баловала, подкладывая кусочки пекорино перед каждым блюдом. Я стал вспоминать, сколько раз Маризелла так же заботливо обхаживала меня, особенно по утрам, когда я был с бодуна, а я только и знал, что гавкать на нее.

Очень уж беспокойные мысли, особенно когда таскаешь за собой ящик, одна Кесслерша сбоку, другая спереди, и ты неожиданно становишься персоной третьего сорта по шкале своей семьи. Не знаю зачем, но я начал врать, врать вдохновенно: будто мы живем в съемной четырехкомнатной квартире, прислуги у нас нет, а мои родители работают в кадастровом комитете (почему вдруг именно в кадастровом комитете, бог его знает, такой уж я выдумщик), а на сбор винограда я попал потому, что мне всегда нравилось работать на лоне природы. Не думаю, что они мне поверили, но говорил я исключительно ради того, чтобы Джулия меня услышала — она работала на соседней шпалере в паре со стариком Арольдо. Время от времени я обращивался и видел обращенную ко мне улыбку, обращенные ко мне веснушки, обращенные на меня глаза всех сборщиков. Мои ноги утопали в грязи, и, когда я делал пару шагов, налипшая грязь волочилась за мной. Ягоды были белыми, с бронзовым оттенком, и собирать их было неимоверно сложно: гроздья прятались в сплетениях лозы, а листья порой были такие массивные, что продираться через них было весьма затруднительно.

Я себя представлял Слаем* из «Рэмбо-2», как он пробирается через лес, а его преследуют враги. Меня еще развлекали Кесслерши, которые подначивали и задирали остальных сборщиков, придумывая про них всякие хохмы. Сборщики в долгу не оставались и отвечали такими же шуточками. Похоже, что два дня вынужденного простоя сильно повлияли на настроение людей, кроме того, заметно меньше стало ругательств, отпускаемых по ходу работы, в особенности мужчинами. Кстати, про мужиков: по окончании моего второго перекура ко мне подошел Сестилио и, потрепав меня по плечу, впервые попросил — нет, скорее, приказал — идти грузить ящики на прицеп.

Я был польщен и даже горд, что со мной обращаются как и с остальными, но это был, пожалуй, самый суровый момент в моей жизни. Я стоял слева, Арольдо справа, корсар на прицепе, мы подавали ему ящики, и он их расставлял. Пару раз я чуть было не заработал смещение дисков на позвоночнике, а потом Арольдо, движимый чувством сострадания, показал мне, как правильно двигаться — плавно, чуть в раскачку, избегая резких нагрузок на спину. Чтобы переключить мысли с тяжелой работы, я играл в игры с фатумом, говоря себе самому «если подашь ящик раньше Арольдо, вечером переспишь с Джулией» или «если сейчас корсар поставит ящик в правый ряд, Анита вернется ко мне».

Вот так, за играми, мы быстренько погрузили все ящики, и Арольдо приказал мне забраться в трактор, чтобы везти ящики к винодавильне. Мы вдвоем стояли в кузове, как настоящие ковбои, а встречный ветер развеивал наши волосы и осушал пот с лица. Остальные сборщики были заняты виноградом, а я, разумеется, на отрывал глаз от Джулии — она мотала головой, отгоняла насекомых руками, и мне ужасно хотелось как-то защитить ее.

Доехав до конца спуска, корсар прыгнул с трактора, а мы с Арольдо остались на прицепе. Теперь предстояло разгрузить ящики у винного цеха.

— Матерь Божия... Ты посмотри, как работает этот миланец!

— Чао, Мена! Что, насмехаешься? Смотри, чтоб мои простыни хорошенько просохли! Я хочу, чтоб сегодня вечером мое постельное белье было чистым.

* Прозвище актера Сильвестра Сталлоне.

— Эй, здесь в деревне мы командуем!

Ее голос потонул в шуме тракторного двигателя. Мои подстриженные под горшок волосы уже высохли, на оливах созрели первые плоды, небо сверкало ослепительной голубизной. Арольдо продолжал смотреть на меня как на чужака, но я видел, что мое картавое «р» уже не внушает ему прежнего ужаса. По пути нам встретилась и донна Лавиния. Она вяло помахала мне рукой, избегая смотреть в глаза. Возможно, она раскаивалась в том, что рассказала мне о любви к моему деду и о грустном эпилоге истории ее супружеской жизни, окрашенном смутными подозрениями, связанными с убийством. У меня всегда была слабость к убийствам, не только в комиксах. Мне интересно, какие же должны быть причины у человека, чтобы убить другого, ведь гораздо проще убить себя самого. Все-таки люди очень странные существа. Я бы, наверное, прыгнул сейчас на ходу, прижал бы старушку в углу, приставил бы, возможно, ей к горлу нож, как Дьяболик, и заставил бы рассказать мне всю правду. Да, так и надо бы поступить, да только вдруг у нее слабое сердце?

Донна Лавиния наблюдала за нами с выражением безмятежности, которое легко можно было принять даже за невинность, хотя, возможно, так оно и было.

Виттория, увидев меня, исполнила несколько па в стиле сальсы, чтобы напомнить мне тот веселый вечерок в комнате у Рикардо. Понятно, что там был употреблен рон в промышленных масштабах, но все равно во мне жило ощущение, что я обрел двух новых друзей. Не было ни счетов на оплату, ни дорожек для понюхать, ни путан ради важности, ни SUVов* для понтов. В этой конуре из развивающейся страны были только мы, сведенный CD с сальсой и жгучий ритм, заполнивший комнату. Эти звуки гремели у меня в ушах, пока мы с Арольдо опрокидывали ящик за ящиком в плодорезку, а потом возвращали порожние ящики парню, который ставил их в штабеля.

Когда мы закончили, Виттория налила нам по стакану свежевыжатого сусла. На этот раз я пил его медленно. Вкус его был неповторимым, настоящее Сантал-дель-траминер, гораздо более

* SUV — Sport Utility Vehicle — автомобили для активного отдыха: спортивные пикапы, внедорожники.

сладкое, нежели мерло. Технологическая цепочка была необычной, виноград не поступал сразу в чан для брожения, а направлялся в весьма странное устройство.

— Вот смотри, вино из белого винограда готовится без кожуры, поскольку и в кожице, и в косточках содержатся колоранты и вяжущие вещества, которые очень ценятся в красном вине, но в белом вине они лишние.

— Вот как. А что это такое — вяжущие свойства?

— Ты знаешь, что такое танин?

— Впервые слышу.

— Ну представь себе, что ты ешь артишок, помнишь его вкус? Во рту появляется оскомина?

— Ненавижу артишоки.

— Ладно, попробую объяснить по-другому.

Мне была абсолютно по барабану вся эта лекция, но после этих проклятых ящиков я буквально рассыпался на части, поэтому мои вопросы были не более чем хитрой уловкой, чтобы чуток перевести дух. Арольдо, вероятно, меня раскусил — старый пройдоха, — но терпеливо ждал в сторонке, а Виттория на полном серьезе принялась посвящать меня в таинства виноделия. Речь свою она произносила так душевно, будто и в самом деле любила меня искренне, безо всякой причины.

— Знаешь, что происходит, когда ты пьешь вино? Танин вступает в реакцию с протеинами, содержащимися в слюне, и поэтому язык начинает чуть пощипывать. Вино с высоким содержанием танинов сильно сушит рот, и это может быть одним из недостатков вина, хотя, конечно, многое зависит от индивидуального вкуса.

— То есть?

— Ну, можно провести такое сравнение. Допустим, танин — это грубая колючая шерсть. Считается, что кашемир более престижен по сравнению с такой грубятиной, однако если ты спросишь у какого-нибудь знатока-англичанина, возможно, он предпочтет именно эту материю рафинированному кашемиру.

Я не знал, что ответить, и изо всех сил делал вид, что наслаждаюсь вкусовыми оттенками сула. Виттория покачала головой, словно разочарованная учеником преподавательница, которой приходится заниматься с таким, каков ты есть: с придурком.

Арольдо воспользовался паузой и проорал мне «пшли-давай-а-то-обед-скоро!», сделав знак, чтобы я забирался на трактор. Мы вернулись на наш тяжелый виноградник. Неожиданно началась убийственная жара, и голоса сборщиков поутихли.

Нам пришлось оправдываться, почему мы так задержались, но Арольдо, молодец, быстренько нашел убедительное объяснение, и я опять присоединился к Кесслершам на шпалере. Силы мои восстановились, даже мое терпение казалось теперь странным образом воистину бескрайним. «Цок-цок», — шелкал секатор, и это звуковое сопровождение было даже приятным, если бы не назойливые мошки, которые не давали предаться пасторальному труду. Наконец удар колокола возвестил перерыв на обед.

Я собирался отправиться к Мене и нагнул за своей сумкой, но в этот момент Джулия тронула меня за руку.

— Хочешь, поедим вместе здесь, на винограднике? Такое солнышко сегодня, мне совсем не хочется идти в столовку вместе со всей толпой.

— Чудесно! Но я все-таки сбегая в столовую, возьму что-нибудь на зубок положить, а то свалюсь.

— Я уже все взяла. Я приготовила два сэндвича специально для тебя, а еще у меня есть груши из сада моего дедушки.

С этими сладкими словами в моей голове возник совершенно иной сценарий, но я откинул эти мысли. Я пожалел, что у меня нет зеркальца, чтобы посмотреть, чистый ли у меня нос и в порядке ли волосы.

31

Мы ели, сидя на перевернутых ящиках, выбрав местечко в тени шпалер. Сэндвичи были приготовлены с великой тщательностью и даже приправлены грибным соусом, от которого у меня чесалось нёбо. Джулия казалась одинокой более чем обычно, если не считать ее нежданного приглашения. Эх, почему рядом нет какого-нибудь завалящего бутика, я бы завалил ее одеждой и ук-

рашениями, отчего вокруг нас только рощи да виноградники? Я хотел было расспросить Джулию о ее встрече с десантником, но тут в голове всплыл один из твердых постулатов моего брата, который звучал так: «Если девушка чья-то невеста, веди себя с ней, будто это не так».

Я спросил ее про поездку в Сиену, рассказал про ужин у Рикардо и об уроках танцев, которые берет у кубинца ее кузина Виттория. Однако все это Джулия пропустила мимо ушей. Время от времени она поправляла волосы, одежду, и тогда меня посещало дикое желание содрать с нее футболку и покрыть поцелуями ее груди, ее веснушки. Я посматривал на часы, и время впервые казалось мне недругом — оно, сволочь, бежало просто с дьявольской быстротой.

Джулия обошла молчанием тему своего предполагаемого жениха, и это обстоятельство вселило в меня надежду. Она казалась достаточно умной девушкой, чтобы связываться с подобным парнем. Но я-то, я же был лучше этого ее солдата удачи? У меня никогда не возникало желания бросать вызов небесам, вернее, не возникало такого желания, когда я был трезвым. Н-да, военная жизнь чересчур сложна для меня, и потом, ведь там надо спать в общей казарме, а если кто-нибудь будет храпеть? Нет уж, по мне, так лучше стезя бездельника.

— Ты не против, если в благодарность за твой обед я приглашу тебя вечером на ужин?

— Сегодня вечером я должна помочь папе, а то он один не справится. Меня и так два дня не было, и знаешь еще что... В деревне про меня стали разное болтать. У нас ведь барре, и мы должны вести себя правильно... Но, знаешь, завтра, наверное, мы могли бы съесть по пище в «Сирене», это там, в сторону Синалунги.

— А здесь нет какого-нибудь суши-бара?

— Знаешь, я японскую кухню не перевариваю.

— Или ресторанчик... Пищу же мы съедем в два счета...

— С чего ты взял, что после пищи мы сразу отправимся по домам?

Как женщины умеют подарить тебе с одной-единственной фразой целый мир? Эх, нет передо мной сейчас дорожки, чтобы нюхнуть как следует и перестать лепетать. К черту беспокойство, робость, страх потерпеть поражение или страх действо-

вать, что для меня практически одно и то же. Чтобы не испортить впечатления, я съел и предложенные Джулией груши, после чего она взяла еще один пустой ящик, перевернула его и поставила рядом с моим.

— Ну-ка, ложись-ка... Ложись сюда, на ящики, и расскажи мне, что происходит вокруг.

— Зачем?

— Давай, ложись и рассказывай, что видишь.

Я составил ящики, вытер их бумажной салфеткой и растянулся сверху. Ни на что смотреть мне не хотелось, мне хотелось просто закрыть глаза и поспать, гудевшие ноги наконец-то обрели покой. Но Джулия настойчиво требовала от меня слов, и я принялся описывать все, что вижу вокруг, еще до конца не понимая смысла ее затей.

— Вижу пчелу дурацкую, вон... ползает по грозди, ничего не замечает. Вижу дикие побеги... Это фемминелла...

— Откуда ты знаешь, что это фемминелла?

— Мне Кесслерши рассказали: от мелкой грозди вино порча!

— Молодец! Что еще?

— Вижу небо голубое, вижу дерево с маленькими листьями, похожее на оливу...

— Дуб, это дерево называется каменный дуб.

— Ну да, я так и сказал — вижу ветки дуба. Еще вижу проволоку, к которой подвязана лоза... Еще зеленые веревочки, которыми лоза к проволоке привязана.

— ...

— Еще вижу маленькую паутинку, но без паука...

— ...

— Вижу гроздь с плесенью...

— ...

— Вижу листья сплетенные...

— ...

— И еще краешком глаза вижу тебя...

— ...

— Вот и все, что я увидел...

— А это кто?

— Это птичка, она только что прилетела! У нее красная головка, зеленые крылья и ярко-желтое брюшко.

— Неправда, птичка уже была! Короче, это зеленый дятел. Будто ее Уолт Дисней нарисовал, правда?

— Наверное.

— Ну все, поднимайся, а то сейчас придут остальные и начнут про нас невесть что придумывать.

Я встал и почувствовал себя сконфуженным еще больше.

— Скажи, зачем ты меня заставила все это делать?

— Я хотела показать тебе, как меняется реальность, если смотреть на нее с разных точек. Рассматривая мир из положения снизу, ты начнешь его больше ценить, потому что поймешь, насколько этот мир более сложен, чем мы. А мы ведь считаем себя хозяевами мира, в то время как мы здесь всего лишь гости. Мне это однажды объяснил мой дед у себя на винограднике.

— А при чем здесь пища?

— При том. Потому что даже если ты кушаешь изысканные блюда, то это не значит, что ты получаешь больше удовольствия, или ты меньше скушаешь, или произведешь на кого-то впечатление. Знаешь ли, жизнь полна оттенков. Мы просто не умеем их видеть.

Господи боже ты мой, философия. Джулия оказалась самой настоящей девушкой «быть», с легким налетом коммунизма, дети цветов, peace and love и все такое. Если бы эти ее слова услышал Пьер, он бы немедленно надавал ей пинков под задницу, но я не таков. Я не стану ее гнобить. Напротив, девушка нравилась мне все больше и больше, даже когда она напрягала меня, рассказывая о своих светлых идеалах.

Я до смерти ненавидел этих виноградарей, когда наконец они пунктуально появились у шпалер со своими термосами с кофе и с такими глазами, будто наблюдали вся сцену в бинокль, да наплевать мне на них на всех. Нет, я, пожалуй, даже хотел бы иметь под рукой мобильник, чтобы немедленно рассказать про это on-line всем: и Стефану, и моему брату, и, почему бы нет, этой сволочи Беттеге.

Я торжествовал как человек, который вновь ощутил вкус победы, обретая утраченное самоуважение. Я приговаривал «мы пойдем-есть-пищу-завтра», а Джулия мне совсем не осторожно подмигивала, и от этого, сознаюсь, у меня чуть поллюция не случилась. Я принялся за работу с Кесслершами. Те вопросов зада-

вать не осмеливались, но источали любопытство из всех пор. Но я был слишком суеверным, чтобы позволить себе хотя бы намек на какое-либо предсказание, поэтому с головой кинулся в работу, то есть в эти чудовищные листья — в поисках спрятавшихся ягод. Я вдруг стал необычайно услужливым: угощал водой тех, кто забыл взять попить, бросался подбирать виноград, если кто-нибудь из моих напарниц ронял его на землю, старался дотянуться до самых недоступных гроздей. Это был классический случай, когда меня охватывало лихорадочное возбуждение, и, сколько помню, ни разу мне не удавалось совладать с ним. Я готов был даже запеть, если бы не стеснялся отсутствия слуха. Я и Кесслерш бы обнял, если бы не помнил об этой гребаной дистанции.

По большому счету, не так-то просто сменить привычки, если всю жизнь тебя учили вести себя определенным образом. Вы, осуждающие, вы могли бы есть мясо перед спагетти? Если да, то и продолжайте всегда так делать. Потом вы уже можете называть меня и снобом, и расистом, но сперва докажите мне, что вы сами не боитесь измениться. Особенно если вы вегетарианцы, или не знаю, какие-нибудь там вегианцы, блин, нам здесь только вегианцев не хватало.

Во время перекуров перед сменой шпалер я чувствовал себя как-то неуютно, ощущая на себе десятки глаз, хотя взгляды в мою сторону были уже не такие враждебные. Похоже, на моем лице была написана такая усталость, что это вызывало даже некое сострадание и делало меня уже не таким для них чужаком, как раньше. Хотя меня интересовало сейчас более всего, что скажет Джулия по поводу комиксов или как она невероятно изумится, когда узнает о моем неожиданном богатстве... Я весь издержался в противоречиях, но это лишь убеждало меня, что я все еще молод и у меня есть все шансы.

Ближе к пяти мы должны были провести очередную погрузку-разгрузку ящиков, и это меня по-настоящему доконало. Техникой-то погрузки я овладел, но пахать пришлось, черт побери, не по-детски, пять евро в час — это, блин, слезы, забастовку им устроить здесь, что ли!

Наконец прозвенели удары колокола, я подошел к Джулии, и мы вместе с остальными, сбившись в кучу, вымотавшиеся, не в силах даже говорить, потянулись по дороге в сторону часовни

и дальше, до Колле. Да, а как же пицца, мы же должны договориться по поводу пиццы — во сколько встречаемся, где, куда надо ехать. Мы обменялись номерами мобильных, для верности прозвонившись по разу друг к другу.

Как было бы чудесно, если бы ей принесли на блюдечке книжечку стихов, ей бы наверняка понравилось, нет, лучше какую-нибудь фиговину от Versace или даже (почему нет?) что-нибудь из ювелирки. Какой-нибудь браслет с бриллиантами, она, правда, не разберется, подумает, что бижутерия, да и неважно в общем-то. Все мои способы завоевания девушек накрылись медным тазом, я весь был охвачен лихорадочным энтузиазмом. В руке у меня был принесенный Джулией «Дьяболик», и я не мог дожидаться момента, когда вернусь к себе в комнату и со вкусом начну читать. Под аккомпанемент чавкающей под ногами грязи мы возобновили разговор.

— Так, значит, сегодня вечером ты остаешься дома?

— Думаю, да или пойду пособлю в баре. А то в последние дни сестры оттуда вообще не вылезали...

— Может, я зайду к тебе кофе попить.

— Я буду рада, Леон, но ничего не обещаю... Я так устала сегодня, да и ты, вижу, с этими ящиками измотался. Однако ты делаешь успехи на сборе, а?

— С чего так думаешь?

— Да вижу, у тебя сноровка появилась, не то что пару дней назад... Ты прямо настоящий трекуандинец...

— Да ладно, скажешь тож...

Я вдруг осекся на полуслове, застыв в изумлении, даже в панике. Нет, это неправда, этого не может быть. Это не телесериал и даже не фильм — и уж точно не американский. Скорее французская комедия, или русская трагедия, или что-нибудь из английской драматургии, что мы проходили в колледже. Сон и кошмар, кровь и лед.

На ступенях часовни сидела Анита. Сидела, положив ногу на ногу, слегка вбок, как нравилось мне. Кожа бледная, на глазах огромные дымчатые очки, купленные в бог весть какой лавочке. В одной руке я держал сумку, в другой сжимал журнал с «Дьяболиком». Джулия бросила на меня быстрый взгляд и в молчании остановилась на шаг позади.

Казалось, наши сердца ошпарили кипятком.

Сверху на нас величаво взирала гора Амиата, ее строгий контур отчетливо прорисовывался в лучах вечернего солнца, бросавшего свои прощальные в этот день лучи на маленькую деревушку Челле-суль-Риго. Мы сидели на каменной скамье, установленной прямо в воде из термального источника, а перед нами расстилась долина, впитывающая наши тревоги. Мы ни разу даже не коснулись друг друга и ни слова друг другу не сказали. Она выдернула меня из Колле, не дав возможности не то что вопроса задать, но даже под душем ополоснуться. Анита впихнула меня в свой «миникупер» и умчала прочь. Я был настолько изможден, что не сделал ни малейшей попытки сопротивляться.

Все, что я успел сделать, так это поднял вверх руки перед Джулией, показывая, что сдаюсь, но Джулия даже глазом не моргнула, сохраняя безучастное выражение на лице. Она развязала бандану, ее волосы рассыпались по плечам, развеваясь на прохладном ветерке этого сумасшедшего вечера.

Почему в нашей жизни не каждый день выдается таким? Неделями живешь, живешь, и ни хрена не происходит, одна только гульба-пальба, а потом — шарах! — и наваливается все разом. Жаловаться мне не стоило, тем более что я хотел сейчас быть жестким, рассерженным, сильным, беспощадным. Гордым, короче. А ни фига подобного, я выглядел испуганным ягненком, стыдясь своих измазанных грязью ботинок, своей пропахшей потом кожи. Меня поразило спокойствие Аниты, казалось, она меня видела таким каждый день, настолько ее движения были точны и уверенны. Никакого замешательства, ни малейшего смущения. Она подхватила меня с решительностью няньки, пришедшей забрать ребенка из детского сада.

Зайти посмотреть комнату Грандуки она отказалась, ее не заинтересовали ни бассейны, ни холмы Крете, ни даже Рикардо, который как раз выходил из садика с лимонными деревьями. Анита лишь заявила, что я должен ей довериться еще раз, хотя бы на некоторое время. И у меня не было сил воспротивиться. В машине лежали две сумки от Cenci с полным комплектом

одежды для меня: трусы, носки, пара рубашек, пиджак, жилет, подтяжки, галстук, плавки и, естественно, армейские ботинки — прямо из Лондона. Навигатор уверенно прокладывал курс до Фонтеверде, термальный курорт в Сан-Кашьяно-де-Баньи, куда Анита давным-давно уговаривала меня съездить.

Все было организовано идеальным образом. Анита попросила меня ни о чем не спрашивать, по крайней мере пока мы не прибудем на место. Туда мы добирались где-то около часа по дороге, которую, казалось, организовали постановщики из «Шоу Трумана»*, настолько она была безупречной. Хотя эти парни и раздражали меня в последнее время, но я сдерживался.

Номер люкс в «Кристина ди Лорена» встретил нас привычной роскошью и такими предсказуемыми цветами на всем этом лежала печать некоего неожиданного чуда. Я не понимал, в какой роли я сейчас выступаю — проигрывающего или побеждающего, я все воспринимал отрешенно, решив в кои-то веки не проявлять никаких реакций.

Я не стал набрасываться на нее в номере, мне это удалось довольно легко, не дожидаясь разговоров, я напрямик направился сразу в душ. Анита в своем фиолетовом купальнике спокойно ожидала меня, завернувшись в зеленое полотенце. Несколько секунд спустя мы оба оказались в ванне на открытой террасе, лицом к лицу с целым миром и спокойствием. Хотя где-то глубоко внутри меня еще чувствовалось состояние войны, но вода из серных источников, похоже, уладила мой гнев. Хотя, скорее всего, я просто был банально измотан после целого дня работы.

— Ты думаешь, Леон, что я сумасшедшая?

— Я думаю, что ты дрянь. Этого довольно?

— ...

— Я думаю, что ты избалованная девчонка, намного избалованнее меня. Я думаю, что ты сука. Я думаю, что ты достойна презрения. Я думаю, что ты живешь в стеклянном колпаке а-ля Swarovski и не ощущаешь своего сердца. Но главное, я думаю, что ты величайшая, гребанейшая эгоистка. А я здесь только потому, что мне хочется еще разик тебя как следует отпалить.

* Первый дарматический фильм Джима Керри, в котором герой живет «за стеклом».

Не знаю, что это на меня нашло, ощущение было такое, будто замороженные кубики моих чувств неожиданно растворились в сернистом бульоне. Я произносил эти слова, а сам смотрел не на нее, а на солнце. Анита сидела рядом со мной и принимала бульжники моих слов с непроницаемым лицом, неподвижная, молчаливая, как самая мудрая в мире женщина. От воды шел теплый пар, а воздух вокруг становился все более прохладным, поэтому Анита перед тем, как ответить, погрузилась в воду по шею.

— На прошлой неделе мне показалось, что я беременна. Подозрение такое возникло, понимаешь. Я побежала в аптеку и купила тест на беременность...

— ...

— Все нормально, обошлось. Ребенка не будет. Но я, когда в ужасе смотрела на цвет этой полоски, думала только об одном: хочу, чтобы отцом ребенка был Леон. Хочу, чтобы отцом ребенка был Леон. Хочу, чтобы отцом ребенка был Леон. Я ни о ком больше не думала. Неожиданно я осознала, насколько ты являешься частью меня. Насколько я не могу обойтись без того, что нас связывает, пусть даже это нас когда-нибудь погубит. Когда твой брат сказал мне, что ты уехал сюда, работаешь на сборе винограда, пачкаешь руки и очищаешь свою душу, я решила, что мне следует сделать этот шаг: приехать и найти тебя. К сожалению, завтра вечером мне надо быть во Флоренции. Похоже, там одна синьора располагает двумя интересными картинами... Вот, я сказала тебе все, хоть целых два месяца прошло, но теперь я счастлива. И буду счастлива, чего бы это ни стоило, потому что нашла в себе мужество сделать еще одну попытку.

Я совершенно не знал, что отвечать, я не осмеливался глядеть на Аниту. Я слишком упорно ее добивался, я, пожалуй, чересчур идеализировал ее, и вот все мои оборонительные порядки рухнули. Но в глубине души я все же был доволен, я самому себе не решался в этом признаться, но да, так оно и было. Я торжествовал.

— Беттега все еще пялит тебя?

— Прошу, не говори так со мной.

— Ты мне скажи, пялит или нет, а я уж саму решу, каким тоном с тобой говорить.

— Нет, вот уже десять дней, как мы не встречаемся. Только не думай, что я примчалась сюда, потому что боюсь остаться одна, дело не в этом.

— А твоя сестра знает, что ты здесь? А Мария Соле?

— Я знаю, что я здесь. Решения принимаю я, я решаю, что лучше — колымага или лимузин.

— И кто же я?

— Ты лимузин, но в разобранном виде. Но ты тревожишь мое сердце, и за это я тебя ненавижу. Я же знаю, я буду тебя искать, найду и опять попаду в дерьмо, но ты помнишь, как мы с тобой говорили «если это не трудно, то это не для нас»? Посмотри на меня и скажи, что помнишь.

Я поцеловал ее, почти доставив боль, настолько был твердым и воспаленным мой язык. Да, мой поцелуй был злобным и безмолвным, решительным и бессильным. Анита терпела мои поцелуи, время от времени пытаясь восстановить дыхание, но я топил ее голову в воде. Я не ласкал ее грудь, я не ласкал ее шею, мне хотелось убить ее, убить и съесть, как только я умею есть эту девушку, только я, ты понял, Беттега? Я вспомнил, как она меня опустила в Биаритце, как Анита меня с дерьмом смешала у того самого маяка, а я потом бросил свою жизнь на дно рюмки. Похоже, узлы стали неожиданно развязываться сами собой, и никто мне не смог бы теперь объяснить причину этого.

Небо к тому времени было уже совсем темное, луна почему-то была рассечена на две половинки, а звезды продолжали размножаться в вечности. Мы сварились уже до такой степени, что нам решительно пора было вылезать из этого бульона, если мы хотели пожить еще немного.

Мы уселись в шезлонги за стеклянной перегородкой. Не было ни души. Через десять секунд я провалился в глубокий сон. Открыв глаза, я почувствовал руки Аниты на моих уже давно высохших волосах. Было почти девять вечера, за окном стояла крошечная тьма, к нам деликатно заглядывали служащие отеля, напоминая о расписании. Мы в том же отеле и поужинали, это место порекомендовала Аните ее мама, а уж ее мама в ресторанах толк понимала.

Войдя в номер, я решил не заниматься любовью с Анитой, пусть она меня об этом попросит, а я бы еще подумал, поломал-

ся — вот о чем я думал, надевая привезенный Анитой костюм. Я даже галстук повязал, ибо нет лучшего дня для ношения галстука, чем твой самый счастливый день. А я был счастлив, хотя из всех сил старался не выдать себя перед Анитой.

Я даже чуток растаял, когда заметил туфли Manolo Blahnik рядом с ее сумочкой: в белую, розовую и фиолетовую полоску, с бантиком, который завязали пальчики самой Венеры.

Пока Анита была в душе, мне пришла SMSка от Джулии, и я лихорадочно набрал ответ, а она моментально ответила, а я опять быстренько настроил ей мессагу, и так мы общались, пока Анита не вышла из ванной. Вот о чем мы шептались.

ТЕБЯ ПОХИТИЛИ? ЕВА

ДА, ДОРОГАЯ. НЕ ТРЕВОЖЬСЯ... Я НЕДАЛЕКО ОТ НАШЕГО УБЕЖИЩА. ЗАВТРА Я УСЫПЛЮ СВОЮ ТЮРЕМЩИЦУ И СОВЕРШУ ПОБЕГ. ДЬЯБОЛИК

ДОРОГОЙ, МОЖЕТ, ПЕРЕДУМАЕШЬ? НЕ СТОИТ РИСКОВАТЬ!

ЕВА, МНЕ НУЖНО ИДТИ, НО ЗАВТРА Я БУДУ С ТОБОЙ. PS: ДЖИНКО-ПОДЛЕЦ

Меня охватило непонятное возбуждение. У меня было две женщины: одна принимала душ, а сообщница ожидала дома. Но если Джулия была Евой Кант, то кем же тогда была Анита? Алтеей ди Валленберг? Пожалуй. Не фиг об этом думать, но фантазии поневоле лезли в голову.

Мы с Анитой прошагали по длинным коридорам отеля в ресторан «Фердинад какой-то там», на каждом шагу кивая услужливым камердинерам, и там уже попали в мягкие лапы мэтров и сомелье. Они буквально излучали свет, принимая клиентов. Нам был предложен столик прямо у ограждения портика. Увидев Cenegetola в винной карте, я понял, что сегодня действительно мой день. Я воспользовался этим и накидал понтов перед сомелье, рассуждая об особенностях производства мерло и круглолистных сортах. Я убедился в справедливости слов

Витторини, эти сомелье в винограде ни шиша не смыслят, их учат всего лишь оценивать вкусовые особенности вина, о, как тяжек их труд.

Анита смотрела на меня с некоторой тревогой, как человек, который знает — еще мгновение, и мое настроение переменится, я начну с кем-нибудь ругаться и опять поставлю ее в неловкое положение. О, она не предполагала даже, какое умиротворение царит сейчас, в этот самый момент, в моей душе. Я рассыпался бисером для привлечения особого ко мне внимания, это было моим стремлением ко всемогуществу, если хотите, демонстрацией убеждения, что я вновь стал хозяином своей судьбы. Кроме того, я еще стремился убедить Аниту в том, что я и в самом деле изменился, что она сделала правильный выбор, что Беттега был на семь вершков ниже меня, пусть даже весь из себя некурящий и малопьющий.

Теперь я умел пробовать вино — спасибо донне Лавинии — я небрежно взболтал его в бокале, потом уверенно пригубил, ощутил полноту его вкуса, распознал пряность виноградной лозы, леса, ежевики.

Отлично. Можно разливать.

Я и Анита теперь могли выпить, хотя и не знали толком за что. Никто из нас не понимал, зачем мы вообще сюда пришли и сидим как ни в чем не бывало, не выяснив до конца отношений. Хотя иногда нужно просто опять принять друг друга и все, потому что при сентиментальных разборках могут всплывать и ложь, и гнев, а душевные раны бывают порой столь глубокими, что даже одно-единственное слово может разбередить их до конца жизни, ибо память не умирает. Я решил, что, несмотря на выбор красного вина, закажем мы все-таки рыбу, поскольку был уже научен Витторией не бояться неожиданных сочетаний: молодое вино и пицца, брунелло и горячий шоколад.

На самом деле мне за последние дни уже до смерти надоели и пекорино, и домашняя колбаса, все эти супы с сухариками, мне хотелось сменить рацион.

Анита смотрела на меня такими вежливыми глазами, с учтивостью, которую трудно чем-либо утомить. А может, это просто я так себе воображал. Не важно, поскольку мы опять были Опе, как пела она мне когда-то, без спора, без ора.

Я не осмеливался думать о кокаине, пусть даже мне и хотелось, но если уж Анита вновь появилась, то это означало, что любовь сильнее дури, ну, может быть, хотя бы теоретически. По правде, я не шибко заморачивался этим вопросом и потому чувствовал себя, как бы это сказать, более человеком, что ли, более сильным, более свободным, более независимым. Пожалуй, я бы теперь мог спокойно прожить, даже если бы моя матушка прикрутила мне все краники, лишив ежемесячного пособия в семь тысяч евро плюс еще разных дивидендов и халявной аренды, что обеспечивало мне более или менее приличное существование. Хотя, если подумать, пять евро в час, которые я зарабатывал на виноградниках, это все же не такие большие бабки, но я мог бы прокрутиться, приторговывая дурью, той же травкой, например. Ну хорошо, хорошо, не будем ссориться с маман.

Анита и я, мы оба пытались расслабиться, но у нас было слишком много запретных тем, поскольку ее фокусы с Беттегой длились не просто долго, но еще и на виду всех наших друзей, хотя, как обычно, никто ничего по этому поводу не комментировал. Одно лишь было бесспорным: я решительно не знал, что представляет собой понятие гордость. Да, я оказался в конечном итоге слабаком, но в конце-то концов что в этом плохого? Не всем же быть сильными и уверенными в себе людьми, с незыблемыми принципами и великими идеалами. Тем более что никто не придет к нам на помощь, и про всех нас рано или поздно забудут, как писалось в той книжке, что подарил мне Стефан. Про нас забудут очень скоро.

Казалось, Анита читает мои мрачные мысли. Покалывая вилкой своего тунца в тартаре, она снова подняла бокал, держа его за ножку, лишив тем самым меня возможности сделать ей экспертное замечание.

— Наконец-то одни. За нас и за то, что будет.

— Знаешь, я скучал по тебе.

— ...

— ...

— О, какое замечательное вино, а, Леон?

— Цепляет, верно?

Однако было что-то, что меня тормозило и от чего коченели пальцы: как ты можешь сидеть за одним столиком с Алтеей пос-

ле того, как познакомился с Евой? Передо мной время от времени возникало лицо Джулии, ее красная бандана, ее веснушки, и я как-то резко отключался.

— О чем ты думаешь?

— А?

— О чем ты думаешь, Леон?

— О твоих духах. Я думаю о твоих духах.

Мы еще долго сидели за столом, а официанты ходили вокруг на цирлах, то подливая вина в бокалы, то услужливо накручивая перчику из специальных терок, а потом уж гормоны взяли свое, заставив нас закончить ужин и отправиться мириться изо всех сил.

Я помню только, что был груб, как никогда. Я взял Аниту сзади, я отдрючил ее с такой жестокостью, что даже сам удивился. Гнева и недоимок накопилось столько, что мне казалось излишним дарить ей еще и предварительные ласки. Но Анита тащилась, нравится, сука, вот он я, тащись. Причинять боль некоторым женщинам есть единственный способ доставить им удовольствие.

33

— Ты здесь надолго?

— На недельку, может, на две. Не знаю. Мне здесь хорошо... Подальше от моей матери, от брата, от Лолы.

— Подальше от меня.

— Да, Анита, мне хорошо, когда я далеко от всех, в том числе и от тебя. Но почему бы тебе не остаться здесь, не развеяться? Донна Лавиния будет счастлива с тобой познакомиться, и здесь есть еще такой Рикардо, он хоть и эмигрант, экстракомунитарно, но очень симпатичный парень.

— Я не понимаю этого твоего «но».

— Какого «но»?

— Забудем... ты расист!

— Как хочешь. Слушай, позвони этой своей наследнице и задержись здесь на пару дней.

— Я ужасно устала, Леон, и потом, я просто не могу. Давай не будем торопиться, просто вспомним, как нам было хорошо в эти два дня. А когда вернешься, мы увидимся в Милане.

Я ехал, выставив локоть из окошка — мне хотелось, чтобы люди в Колле меня увидели — даже когда машина Аниты мчалась в облаках пыли, преследуемая собаками. Моя тачка по-прежнему стояла запаркованная на щебенке — швейцарский номер, диски «Роллинг Стоунз» на сиденьях.

На мне все еще был щегольский костюм, хотя в руках я держал холщовую рабочую сумку. После дня, посвященного целиком сексу и купаниям, мне безумно хотелось жрать, чего уж тут скрывать. На часах было чуть больше восьми, поэтому я решил сразу зайти к донне Лавинии. Я застал ее в компании с Рикардо перед тарелками с пичи, которую Мена приправила соусом алла-нана — проще говоря, рагу из утки. Ну почему это каждое блюдо необходимо снабжать понятием? Впрочем, сегодня вечером я готов сожрать все и так, даже сырую требуху.

Донна Лавиния распорядилась принести еще одну тарелку, но вид у нее был недовольный. О причинах я мог догадываться, хотя, по большому счету, мне было решительно наплевать. Я исчез, никого не поставив в известность, я сбежал с виноградника, сбежал от взятых на себя обязательств.

— Мы уж думали, что ты больше не появишься, и мне было бы очень неприятно...

— Вы правы, донна Лавиния, но это было сильнее меня.

— Мог бы потратить одну минуту, чтобы предупредить нас.

— Бывают ситуации, когда у тебя нет даже минуты, жизнь зовет, и ты летишь.

— Жизнь это не только страсть, не забывай. Жизнь — это все твои поступки, все, чем ты полон... И если ты полон только любовью, то без любви ты пропадешь. Тебе останутся в удел лишь депрессия да скорби, которые следуют за любовью. Ну ладно, мы все-таки очень рады, что ты к нам вернулся, верно, Рикардо?

Рикардо смотрел на меня с заговорщицким видом, давая понять, что абсолютно поддерживает мою авантюру. Ведь он-то Аниту видел и даже, по-моему, слюни на нее пускал, чертов latin lover. Хорошо еще, что Анита презирала танцы в принципе, ина-

че она точно повелась бы, едва увидев эти перекатывающиеся упругие ягодицы — куда там Рикки Мартину. Помню, как-то раз, пьяный вдрызг, я долго уговаривал ее станцевать со мной танго с розой во рту и таки заставил. Бедняжка Анита, пожалуй, ее сдержанное отношение к танцам вполне оправдано.

Рикардо налил мне выпить — любимый напиток его госпожи-гейши: «Дракон и Семь Голубок». Вино-самец, как называл его Рикардо, тогда как Cenerentola было, вне сомнения, самкой.

— Вы мне так не сказали, почему же все-таки вино называется Cenerentola...

— Знаешь, Трекуанда является частью района Орча, который располагается между двумя престижными зонами виноделия: с одной стороны Монтальчино, где производят брунелло, с другой стороны Монтепульчано, там делают вино нобиле. А я вообразила, что мое красное вино — это Золушка в окружении двух старших и известных сестер. И в конце концов побеждает все-таки Золушка.. По крайней мере, в моих фантазиях.

— Прикольно...

— Я рада, что ты оценил... Итак, что же ты намерен делать: вернешься на виноградник или будешь время убивать и все?

— ...

Зачем предлагать альтернативу тому, у кого аллергия к физическому труду? Зачем искушать его мыслью, что он может отлынивать от работы, потому что имеет какие-то права на все это? Мне удалось сдержаться и не высказать вслух все, что я думаю по этому поводу, несмотря на тон, которым мадам задала свой вопрос. Ко всему прочему, благодаря этой работе я впервые в жизни смог почувствовать себя для чего-то годным, и, уверяю вас, это невероятное ощущение. Представить себе, что вот этот виноград, собранный твоими руками, превратится в вино и окажется в бокале, на столе, за которым будут вестись изысканные беседы — о, эти фантазии мне весьма нравились, особенно если за столом окажутся хорошенькие киски.

— Вчера и сегодня у меня были неотложные дела... скажем так... личного характера. Но с завтрашнего дня я опять буду в бригаде.

— Отлично, потому что сегодня тебя вынужден был подменить Рикардо, а у него и без того в Колле много дел.

Ну уж мне-то известно, что за дела у Рикардо, капризуля ты наша, и я не удержался от улыбки. Мне, конечно, стало немного совестно, правда, лишь на секунду, что меня кто-то должен был подменить, но, с другой стороны, почему бы и Рикардо время от времени не потрудиться, а? Хотя нет, у него же было тяжелое прошлое, так что если жизнь тебе что-то дарит, то одновременно что-то и отнимает, короче, бесполезно делать какие-то обобщения.

Рикардо же делал все с таким невероятным обаянием, что его невозможно было не любить при любых обстоятельствах. Он, казалось, был настолько обласкан судьбой, что это проявлялось в каждом его жесте. Рикардо прямая моя противоположность, может быть, именно поэтому он мне так симпатичен.

Я задумался, как это донна Лавиния смогла перейти от такого мужчины, каким был мой дед, к такому зверенышу, как Рикардо. Должно быть, у них обоих было нечто общее. Может, мой дед тоже танцевал сальсу, только просто никто про это не знал? Может, это и был тот самый великий секрет, о котором дед решил умолчать в своем завещании? На меня нахлынула эйфория, а когда я приходил в такое необычное состояние, то слова начинали приобретать для меня новое значение, а здравый смысл сразу куда-то улетучивался за отсутствием в нем необходимости.

— Мой дед любил танцевать, правда, донна Лавиния?

— Что за вопрос?

— Ну, так, любопытство... может, ему нравились латиноамериканские танцы, а мы об этом и не знали.

— Нет, у него никогда не было такой склонности, даже намек. Твой дед любил иногда сесть, написать что-нибудь, и еще он очень любил охоту. На охоте он чувствовал себя мужчиной, воином, это его сильно воодушевляло. Я помню, как его распирало от гордости, когда они с моим мужем приносили в дом ценную добычу. А когда им случилось подстрелить бекаса, так это вообще был незабываемый день.

— Что за бекас?

— Редкая дичь для здешних мест. Это такая птица, живет в Северной Европе, а в ноябре прилетает сюда...

— А что в нем такого ценного?

— Его очень трудно подстрелить. И еще бекасов невозможно разводить, как тех же фазанов, например. Когда они добыли бекаса, они находились во владениях Танкреды в Буонконвенто... Несколько недель спустя граф пригласил всех нас в замок на ужин. Это был такой вечер... А потом, через несколько дней мой муж скончался в результате несчастного случая, о котором я тебе рассказывала.

За столом царила почти сакральная атмосфера, даже Рикардо перестал есть, дабы не мешать рассказу перестуком вилок. Мена время от времени заглядывала в столовую, чтобы узнать, не пора ли забирать пустые тарелки, но основное блюдо так и оставалось нетронутым.

Пасту мы доедали в молчании, ни один из нас троих не считал нужным что-либо добавлять к рассказу. Меня продолжало крутить, несмотря на хорошее настроение. Было какое-то дурное предчувствие, от которого кровь начинала стечь в жилах, ведь дед был единственным носителем нашей фамилии, которым я, бесспорно, мог гордиться. Дед был единственным, кто мог читать в моем сердце, в то время как остальные только и делали, что давили на меня, заставляя выполнять их тупые схемы. Оловянные солдатики в плену условностей. Похоже, даже донна Лавиния уловила мое замешательство, потому что в скором времени поднялась из-за стола, сказав, что у нее неожиданно разболелась спина и что ей срочно нужно пойти прилечь. Она извинилась и, перед тем как уйти, мягко положила руку мне на плечо.

Мы остались с Рикардо одни, у обоих было ощущение, будто мы вырвались наконец из-под родительской опеки. Или сбежали от бабушки. Мы налили бокалы до краев, улыбнулись друг другу, а потом со вкусом выпили это вино, которое, как и мы сами, было самцом. Мена казалась теперь более спокойной, она быстро принесла нам лапшу в розмарине, у которой был такой вкус, нечто космическое, хотя, может, я просто проголодался. Мы набросились на лапшу и, мягко говоря, схомячили ее в мгновение ока, а потом на столе моментально оказалась добавка. Кому в этот момент было так же хорошо, как мне? Ну, уж конечно, не моему брату. Он позвонил как раз тогда, когда я клал в свой кофе сахар — последняя, третья ложечка — и звонок, умеет выбрать момент.

— Пьееер!.. Блин, ты прав... Ну, ужас, конечно... Да, она прям сюда приехала... Нет, уже уехала... Во Флоренцию, на «Сотби»... Нет, мы ездили на СПА-курорт... Сказала, что платит за все она... Да знаю я, что надо карточками пользоваться, но ее ведь не переспоришь... Знаю, знаю... Блин, ты прав... Ну, так, перепихнулись... Скажем так... Потом увидимся в Милане... Да, я знаю, что проблем по горло... А это что, по-твоему, позитивно, да?.. Я не повышаю голос... Ах, вот так вот... Что, правда?.. Царапается... Ну, слава богу, хоть не рычит... С каких это пор коты болеют вагинитом?.. Ладно, сказки не рассказывай... Откуда я знаю, есть ли у Ламенто аллергия на цефалоспорины!.. Нет, начни с нескольких капель, если будет хуже, прекрати... Понимаю... В конце концов, это же кот!.. Извини, я не это имел в виду... На самом деле... Нет, ни разу не дернул за две недели... Везет тебе... О, привет ему... Нет, пока не скучаю... Да, время от времени закинуться не помешало бы... Что, правда, целый скандал?.. Блин, даже в газетах... Значит, Тома тоже арестовали? Черт его знает, если... Погоди, погоди, у него дома нашли пятьдесят грамм?.. Ничего себе... Черт, да знаю я, что он мудака, но все равно жаль... не за то, так за дозу... копы, говоришь... они потом сами же все это и употребляют... А, так ему условное назначили? Не понимаю только, для тебя это что, успешный исход?.. А, тогда поздравляю, ты мастер!.. Как я могу это понимать, если меня арестовывали всего один раз?.. Ну, ты же знаешь, мама всегда так делает, а на самом деле она рада... Беденькая... Да, но это же Хапах... То есть как, бутылочка с соской, а в ней водка?.. И одета как новорожденная... В Паласе?.. Бедная мама, я даже не знаю, что сказать... А как же ее подружки... торты жрали в Сан-Морице... Да, до нас тоже докопаются... Это же просто классика... Вот как, он объявился?.. Видишь, она в итоге его бросила... И правильно сделала... Не, не интересно, сам ему звони... Да, но сейчас у меня нет никакого желания... Да срать я хотел на это имущество, возьми себе его гребаные акции... Ничего я не капризничаю... Да просто наплевать... Извини, я тут с одним человеком... Кубинец, работает здесь... Кто ты такой, чтобы меня учить, к кому ходить, к кому не ходить?.. Ужинаем... Донна Лавиния... Не могу говорить... Нет, не беспокойся... Да, продолжаю работать... Пропадаешь... Зарядка кон-

чается... Лоле привет от меня... Да, поцелуй ее... Сейчас не могу... О'кей, дистанция, разумеется.

Повернувшись к столу, я обнаружил на нем «молоко на ножках», такое кушанье наподобие взбитых сливок, которое не просто было безумной вкуснятиной, нет, это был целый множественный оргазм, который мог бы иметь Рокко Сиффредди* с женщинами всего мира. В качестве заключительного аккорда Мена выставила одну из лучших наливок. Ну, конечно, мы с Рикардо не нашли подходящих слов, дабы описать великолепие напитка, ограничившись банальным «о-как-вкусно». Пожалуй, наша милая кухарка была вправе ожидать от нас большей признательности. Возможно, Мена просто до сих пор не поняла, с какими шалопаями ей приходится иметь дело.

Мы потом еще немного посидели за столом, поболтали, покурили, ибо зачем вообще есть, если после еды нельзя выкурить хотя бы сигаретку? Рикардо пригласил меня на мохито в свою конуру, но я отказался, главным образом из-за музыки, которую он, вне сомнения, обрушил бы на меня. Вообще-то встретиться с ним мне так или иначе придется, кто знает, наверное, мы оба находились сейчас на крутых поворотах собственных судеб.

Я пошел в свою хату, и мои глухие шаги пугающим эхом отзывались в стенах безлюдной бильярдной. На полу перед дверью комнаты Грандуки лежал пакет. В нем я обнаружил еще нечитанный «Дьяболик» и записку:

Дорогой, боюсь, что ты все еще в плену, но они за это заплатят. Я установила жучки в твоей комнате, так что если кто-нибудь к тебе зайдет, то я сразу это обнаружу и выслежу по следам. А еще я спрятала на винограднике духовую трубку с отравленными иглами, чтоб нам было чем отстреливаться. Когда ты вернешься, мы вместе пойдем есть пиццу, как ты обещал.

Ева

Ах, черт, пицца. Пицца в компании с барышней. Я посмотрел на часы — было уже слишком поздно для каких-либо ответов

* Итальянский актер, порнозвезда.

или бессмысленных оправданий. Я обязательно извинюсь потом, и сделаю это по-царски, ибо можно гондошить любого человека, только не того, кто дарит тебе «Дьяболик». Только не Еву.

Я с жадностью прочитал «Любуясь на его смерть», потом взял мобильник и написал: «Сегодня был замечательный день». И отправил Аните.

34

Это были тяжелые деньки, много раз мне хотелось бросить все к черту и убраться восвояси. Но остаться значило гораздо больше, чем обычная игра с фатумом. Это была проверка на зрелость, как экзамен на степень доктора *honoris causa* в Гарварде. Стометровка без допинга.

Несмотря на переписку по мобильникам, Джулия строила недовольные рожи, но в ней-то я был теперь уверен на сто процентов. Остальные члены бригады также были недовольны моим прогулом по неуважительной причине, какие-то их планы из-за меня порушились. Даже Кесслерши меня демонстративно бойкотировали, развлекая друг друга базарными пересудами. Единственный, кто не утратил своего благорасположения ко мне, был старый Арольдо, может, из-за своего преклонного возраста, а может, просто из интереса к чужакам, к которым он, скорее всего, меня и причислял. Чувствуя такую общую напряженность, Спрут переставил меня в пару к старику, а Джулию определил к Кесслершам.

Мы трудились на виноградниках Пьеве, заброшенного имения возле замка Галико, где выращивается санджовезе, основной сорт винограда в Тоскане. Виттория относилась к нему с нескрываемым почтением, даже с подобострастием, будто к эстрадной звезде. «Это капризный тосканский мальчик, — приговаривала она. — Если с ним ласково обращаться, он дает сумасшедшие результаты, но ежели сбор не задался, то и в итоге получишь шиш». Но наш сбор — по крайней мере до сего момента — шел превосходно, хотя, понятно, бабки можно будет подби-

вать, когда весь виноград будет передавлен и запечатан в погребках, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

На меня все продолжали смотреть косо, один только Арольдо здорово помог мне, а то бы я умер с тоски. Я получил прекрасную возможность пообщаться со стариком, узнать его получше и понять, что он был далеко не кретином. Я смеялся над его анекдотами, я даже начал понимать его диалект. Вот какие темы запечатлились в моей памяти:

злоключения кота по имени Вялые Яйца, которого Арольдо считал голубым, потому что кот пытался совокупиться с кроликами, когда старик выпускал их из клетки. Но потом в один прекрасный день кот нашел себе невесту, и не одну, а потом его прикормила другая семья, и котяра сделал ноги. Недурная бы получилась парочка — Вялые Яйца и Ламенто, а?;

искривленные зубы у Вонючки, одного из кроликов. Нижние зубы у него выросли непропорционально большие, даже ноздри закрывали. Арольдо был вынужден удалить их при помощи секатора;

несчастливая любовь к Лоррейн, англичанке, которая вот уже двадцать лет была замужем за итальянцем и даже имела троих детей.

Последнюю историю, в частности, Арольдо рассказывал на универсальном языке, понятном для всех влюбленных, делая продуманные паузы, тщательно подбирая слова, дабы не ошибиться даже в мельчайшем нюансе. Когда человек находится в состоянии восторженного самозабвения, неизвестно почему он вдруг начинает предъявлять самые суровые требования к собственной памяти. А память у Арольдо была блестящая: они встретились впервые на вендемии*, но симпатия — если использовать точное выражение рассказчика — вспыхнула уже на сборе олив, в ноябре. Далее следует история, наполненная любовными записками, красноречивыми взглядами, тайными свиданиями на парковке Джельси, у торгового центра в Синалунге. Как-то раз Арольдо оставил свою черную «панду» на стоянке незапертой, а его пассия втихоря от мужа открыла дверку

* Вендемия — сбор урожая винограда, длится четыре недели, с середины сентября до середины октября.

и оставила для него на сиденье домашний пудинг в коробочке, блин, трэш какой-то.

Через месяц нерешительных попыток парочке наконец-то удалось совокупиться «аки диаволам» в маленьком амбаре за его огородом. Однако муж, как в худших классических сюжетах, узнал об их порочной связи, угрожал ему, угрожал ей, в общем, роман закончился. Через год женщина отправила Арольду описание своей несчастной жизни на двух листочках, в котором она плакалась на свою участь узницы и невозможность что-либо изменить.

— Ну а твои истории, Грандукинчик, наверное, не такие крученые?

— Не знаю. Скорее, не такие романтичные. Я и сам очень пошлый.

— Нет, ты мне вовсе таким не кажешься. Ты весь такой порядочный, образованный; у тебя, конечно, есть недостатки, как и у всех, но в целом я считаю тебя хорошим парнем. И потом, ты же внук синьора Эдуардо, и я к тебе со всем уважением. Да, тот был человеком старой закваски, воспитанный, с манерами, все такое. Бывалоча, встречал меня, всегда говорил: «Буонджорно, синьоре». Жаль, что он в последние годы перестал здесь появляться, а потом мне сказали, что у него страшный недуг.

— Вы и вправду жалеете?

— Не забывай, я ведь как санджовезе... Что думаю, держу про себя... а эти вот вокруг, они тобой не разговаривают, знаешь, почему? Просто завидуют. А я чего на это говорю: «Ежели у тебя так все круто, да и фиг с тобой, да и слава богу!»

— Спасибо, блин.

— Спасибо за блины?

— Нет, я говорю, спасибо вам.

— Всегда пожалуйста...

— ...

— А чего вы с Джулией все воюете, чего бы вам любовью не заняться, обоим же неймется?

Черт, старик прав, но ситуация была слишком деликатная, чтобы пересказывать ее, срезая грозди одну за другой. Вполоборота я глянул в сторону Джулии: она тихонечко работала на шпалере с Кесслершами, а убогие тетки всю перебивали кос-

точки женщинам поселка. В конце-то концов я всего лишь проди-
навил ее с пищей, она уперлась, я не хотел тормозить ее, хотя
мне и не доставляло никакой радости ее нахмуренное личико.
Проблема в том, что, когда появляется, из чего выбирать, все эти
любовные страдания перестают быть страданиями.

Джулия не задавала мне никаких вопросов, вела себя абсо-
лютно спокойно, но хотя бы словечко в мою сторону. Не то что
«Дьяболик», — даже сандвича с яйцами и помидорами не пред-
ложила. Я решил не трогать ее пока, хотя, признаюсь, тревога
теснилась в моей груди, и никак не удавалось мне эту боль из-
быть.

Ева, о да, она ведь играла роль Евы, и ведь ни одной женщине
такое даже в голову не приходило. Во время обеденного переры-
ва Джулия куда-то усакала — ты где, дорогая? — а в пять она
первая отправилась домой, не реагируя на злобные шуточки, ко-
торые почему-то так любят отпускать разные уроды в адрес безза-
щитных. Я совсем уже пал духом, я не понимаю девушек, которые
так вот со мной себя ведут, хотя я им еще пока ничего не сделал.
Эй, говорю я, чем же это я мог разочаровать вас? Мамма миа, ка-
кие же все-таки женщины обидчивые создания.

Я обсудил эту тему вечером с Рикардо, под мохито и чудную
музыкальную нарезку из Эроса, Тициано и Лауры — он их так на-
зывал. Рикардо, оказывается, мечтал пригласить всех троих в ка-
честве свидетелей на свадьбу брата Рамона. Четвертым, по всей
видимости, должен был быть я. Я рассматривал фотографии
с крещения племянницы Рикардо, но мне почему-то казалось, что
это не религиозная церемония в Гаване, а какая-то свадьба в Ти-
ране. В качестве подарка я бы наверняка вручил дисконтную кар-
ту магазина Sepci в Нью-Йорке, поскольку, полагаю, на Кубе та-
кого не водится. Ну, разумеется, я это только подумал, а не
сказал. Видите, я потихоньку начинаю становиться лучше.

Рикардо наконец был введен в курс дела — частично, что ка-
салось Аниты, и почти во все, что касалось Джулии. И я отметил
для себя две вещи. Первое: впервые я обращался к кому-то за со-
ветом в сердечных делах. Второе: кубинец, который приехал
в Италию, чтобы ублажать не в меру резвую семидесятилетнюю
старушку, очевидно, не самый лучший советчик в таких вопро-
сах. Но другого слушателя у меня не было. Увы, порой мы почи-

таем людей за лучших товарищей просто за неимением альтернативы, грустно, конечно, но это так.

— Ты сам реши, чего больше хочешь — солнце или луну, солнце и луну трудно иметь одновременно, хотя иногда получается, энтъендес?

— А кто солнце, кто луна?

— Ты сам знаешь. Но, по-моему, Джульетта — солнце, а мучача из Милана — луна.

— А по-моему, наоборот.

— Вот смотри, та из них, которая вызывает в тебе улыбку, та и солнце. А та, которая вызывает в тебе грустные мысли, — та луна. Извини, я, наверное, переборщил с ромом в мохито, я чего-то расклеился...

Потом мы говорили о нотах *Estrella gemela*, и я представлял себя персонажем какого-то телесериала.

— Так, и что же мне делать, чтобы у меня были сразу и солнце, и луна?

— Ты и сам прекрасно знаешь, что делать, Леон, ты ведь всегда так и делал, правда? Ты когда-нибудь в чем-нибудь себе отказывал?

— Никто никогда не говорил мне нет.

— Уверен? Ты уверен, что Джульетта тебя хочет? С тех пор, как я здесь, в Италии, я только одно понял про итальянских женщин: важно не давать им себя подмять. Но вообще-то это, наверное, не только с итальянками, это со всеми бабами так надо.

Разговор прервался, потому что в комнату ввалилась Виттория «в штатском». На ней была юбочка, которая придавала Виттории какой-то уж совсем раздолбайский вид, хотя не могу сказать, что меня это раздражало. Два раза в неделю она училась танцевать сальсу в комнате у Рикардо, а по четвергам отправлялась двигать задницей в одноименный (с собой!) кабак — «Виттория ди Торрита», а Рикардо подрабатывал там аниматором.

Виттория дерябнула с нами душистого коктейльчику — Рикардо готовил мохито, замачивая свежую мяту — особый секрет, — которую выращивал тут же, в своей комнате, в горшке из-под лимонного дерева. А еще добавлял тростниковый сахар и лайм, отдавая дань ностальгии. А вот меня, например, в Милан вообще, ну его к черту, не тянет.

Тут Виттория объявила, что, мол, готова, и я поднялся было, чтобы оставить их одних предаваться безудержным шевелениям тазобедренных суставов, но они в один голос стали упрашивать меня остаться: им, видите ли, нужна была публика. Не то что бы меня шибко привлекала такая перспектива, но с другой стороны, что меня ждало в моей комнате: телека нет, Интернета нет, у мобильного пунктирный прием, нет даже завалящего «Дьяболика», поскольку Джулия прекратила ежедневные поставки. Ладно уж: я вытянулся в кресле, взгромоздив ноги на столик, а Виттория и Рикардо отодвинули второе кресло в угол, освобождая пространство. Сначала они попробовали двигаться без музыки, а потом завели пронзительную *Seduce me*, которую, похоже, оба знали уже наизусть. Рикардо показывал танцевальные па *setenta complicada* и при этом болтал на каком-то своем диком птичьем жаргоне.

— Так, начинаем с *setenta*, только не на месте, двигаемся, двигаемся, поворачиваешься вокруг, вот так, кларо? Муй бьенб, ми амор... Раз, два, выше руку... пять, шесть, семь.

Здесь проводились ярчайшие празднества.

— Теперь правую ногу вперед, и вращение с подшагом... по кругу... Раз, два, три... пять, шесть, семь.

Казалось, здесь мы можем узреть блестящих кавалеров на балах в Версале, чуть хмельных после ласк Марии Антуанетты.

— На счет семь я поднимаю левую руку, ты деречо, фиксируешь переднюю позицию... так... Идешь на меня... раз, два, три, теперь я сдвигаюсь алла дереча...

Находясь здесь, я не понимаю ничего, но так чудесно за всем этим наблюдать.

— Теперь подбираешь правую ногу, разворачиваешь ее ко мне... я тебя впускаю... так... дальше поворачиваюсь назад... Теперь кубинский проход с двойной поддержкой... и финальный оборот дамы.

Фильм «Грязные танцы», ни дать ни взять, бывшая через край чувственность, он трется об ее задницу, о, если б то была моя женщина, я б давно вскочил и расквасил ему морду. Хотя в этом было и что-то необычное, когда они исполняли эту столь романтическую сальсу, репетируя замысловатые па. Это был перформанс куртуазности и счастья, их движения подчинялись

животным инстинктам, были одновременно продуманными, выверенными — и спонтанными. Бедра ходят ходуном, и тебе невдомек, почему танец ведет именно мужчина, как утверждает Рикардо, хотя уж он-то натанцевался в своей жизни по самые небалуйся.

Наблюдая, как он ритмично двигается под музыку, я испытал искреннее, неподдельное чувство восхищения им. Это было зрелище для глаз и для души. Эх, должен же быть где-нибудь в Милане хоть один кабак, где можно было бы полюбоваться на подобный спектакль, хотя, вероятно, такие танцы распространены только на юге.

Но особенно поразительным было наблюдать за тем, как Витория, обычная крестьянка, осваивала все эти движения, я даже стал посматривать на нее, как на довольно опасную женщину. Она была совсем даже ничего. Подумаешь, пара морщинок, однако остальные атрибуты у нее были все на месте. А главное, она умела быть чертовски чувственной. Как я переживал, когда она по той или иной причине спотыкалась, делая серпантин, ну никак не выходил у нее гладко этот серпантин. А финальное каске? Неожиданно для самого себя я разразился аплодисментами, налил в бокалы чистый ром и вынес их на подносе двум *dirty dancer*, которые подарили мне целый час волшебства. Они оба выпили по чуть-чуть, на их лицах блестели капельки пота, они явно были рады видеть такого зрителя, как я. На секунду я представил себе, как маленький Рикардо репетирует, готовясь к карнавалу, чтобы получить наконец новые брючки и башмачки. Ситуация мне казалась настолько невероятной, что, несомненно, где-то в этом рассказе должна быть ошибка. Но, скорее всего, я просто-напросто плохо знал свой мир.

35

Сбор был назначен около семи, на небольшой площади Трекуанда, там, где было устроено нечто вроде паркинга, рядом с суровой башней и барочной стенкой ратуши. Я был готов

скорее повеситься, нежели пропустить этот экзамен. Кухарка Мена так за меня переживала, что позаботилась разбудить, принеся завтрак прямо в постель — есть же на свете добрые люди.

На самом деле я пошел на эту жертву только ради того, чтобы увидеть Джулию или даже, скажем правду, поиметь ее. Меня задевало ее стремление ускользнуть от разговора и еще то, что она с таким фальшивым смирением воспринимала свою соперницу, не зная толком, кто она такая, я ведь тогда их даже не представил друг другу.

Я прошел пешком до подъема, потом до площади, наверное, Джулия отправилась завтракать в бар, ладно, тогда мне придется доехать туда на машине. Особых вариантов у меня не было, кроме того, я был счастлив встретить девушку под включенную на всю катушку Ruby Tuesday*. В ближайшие два дня нам предстоит собирать виноград в Монтальчино, в Казато-Примедонне: там рос самый нежный сорт санджовезе, из которого донна Лавиния изготавливала розовое монтальчинское и брунелло. Перед тем как стартовать, мы тормознули у пекарни Трекуанды, чтобы запастись горячими лепешками на обед. Я хотел купить их побольше, но Джулия отсоветовала, оказывается, она все-таки приготовила сэндвичи и на мою долю!

У меня было ощущение, что мы едем на какой-то школьный пикник: вся бригада была в походной одежде, в потертых свитерах, в выдавших виды джинсах, глаза у всей банды еще были сонные, но уже светились задором от столь ранней побудки. Мы ехали на трех машинах, две из которых оказались малолитражками, в каждой по четыре пассажира на борту. Погода стояла ужасно сексуальная. Почти как на острове Скайя, где облака неожиданно принимают форму самых неприличных предметов.

Мы проехали Монтизи, Сан-Джованни-д'Ассо, Торреньеры, и я подумал, что наша Трекуанда по сравнению с этими городишками очень даже ничего. Да что там говорить, Трекуанда — чудный поселок, даже эта ее нелепая площадь на спуске имеет свое очарование и неповторимость.

* Песня «Роллинг Стоунс».

За Торренъери мы пару раз останавливались, чтобы понять, куда дальше ехать, и поэтому мне пришлось пассивно пристроиться в хвост к малолитражкам. Джулия казалась такой же, как и раньше, хотя мы с ней болтали меньше обычного, но намерение установить мир было очевидным. На секунду я представил себе, как бы я себя чувствовал, если бы на месте Джулии сейчас сидела Анита, но дальше постановки вопроса не пошел, слишком тяжелая задача.

После отъезда Анита слала мне слашавые SMSки, да и то не каждый день. Обоих такое положение устраивало, потому что бессмысленно бросаться склеивать разрушенный цунами дом, тем более меня от запаха клея всегда тошнит.

Хотя нет, это меня так подташнивало на поворотах, да и приготовленный Меной виноградный пирог давал о себе знать. Я притормозил немного, чтобы полюбоваться готическими видами: выступавшие из тумана остроконечные крыши домов, такие вечно заслуживающие внимания кипарисы, холмы, освещаемые редкими лучами из открывавшихся в облаках окошек. Нереальная картина.

Джулия безучастно смотрела на меня, подпевая «Роллингам», хотя слов не знала, но группа-то ей была знакома или не знакома? Фиг ее поймешь. Я набрался наглости, что мне удавалось без труда, и положил ладонь ей на колено, но так, не очень жестко.

— Ну что, мы поедем-таки кушать пищу или нет?

— Если не ошибаюсь, это ты исчез... после того, как тебя увезли.

— Ну да, но вот я опять здесь! Или теперь ты хочешь исчезнуть?

— Завтра. Что скажешь насчет завтра вечером? Я тогда смогу предупредить сестер, чтобы они побыли в баре... Если хочешь, съездим в Сирену.

— Переться еще туда, в эту Сирену... И потом, я пообещал Рикардо, что заеду к нему в «Викторию».

— «Викторию а Торрита»? Но по четвергам там же полно разных ублюдков! Зато по субботам там очень мило...

— Кого ты называешь ублюдками?

— Это те, на кого ты совсем не похож.

— Да хрен с ними, с ублюдками, съездим туда выпить, и все. Ну давай, мне хочется провести нормально вечер.

Она смотрела на меня с таким видом, будто понимала, что бы она ни предложила, все равно будет, как я сказал. Я никогда не умел выслушивать других, я привык, чтобы все было по-моему. Это мой крест, моя доблесть или наглость, называйте это как хотите. Хотя, должен признать, за последние недели я стал более демократичен, у Рикардо в комнате, например, я даже помогал убирать со стола.

Непонятно как, но мы все же добрались до нужного виноградника. Он был едва заметен за густым туманом. А вот на дальнем холме величаво возвышался Монтальчино, обцелованный лучами солнца: весь такой властный, грозный, гордый.

Перед началом работы члены бригады поднялись на сушило и натянули поверх своих джинсов рабочие комбинезоны, за исключением меня и Джулии, мы же не можем быть как все. А потом, исключительно в целях разогрева, состоялась чудесная перебранка между двумя сборщиками — просто фестиваль матерщины, каждый из которых настаивал на том, что сегодня его очередь управлять трактором.

Бригада старательно делала вид, что не замечает свары, хотя все-все прекрасно слышали, я же ждал, когда эти двое наконец подерутся. О, у меня всегда была слабость к любым дракам: когда я вижу, как двое мутузят друг друга, я ощущаю себя в гармонии со вселенной. Скажем, где-нибудь на дискотеке из-за телки, или из-за места на парковке, либо просто перебрали и кулаки у обоих чешутся. Только Сестилио, молодец, вовремя вмешался и усмирил мятежные умы, ну, по крайней мере, внешне. Рабочий день пришлось начинать так, без представлений, м-да, печально.

Впервые, пожалуй, за две недели я и Джулия были поставлены на работу в паре, и данное обстоятельство заметно повысило дозу всяких разных гормонов в моей крови. Я наслаждался ее молчанием, прерываемым только щелканьем секатора да доносившимися с соседних шпалер голосами сборщиков. Мужики говорили, разумеется, о сексе, иногда кто-то пел частушки, наполненные неприличными двусмысленностями.

А вообще-то мы оба искали только удобных поводов, чтобы коснуться друг друга, и, не скрою, у меня это чудесно получа-

лось. Чтобы стать как можно более похожими, я натянул на голову бандану. Этих штук я, правда, никогда, не носил, и бандана сидела на моей башке пузырем. По крайней мере, я хоть волосы свои, под горшок подстриженные, как-то прикрыл. В первый раз за все время моей работы на сборе я не мог дождаться окончания перекуров, чтобы только побыстрее оказаться у шпалеры вдвоем с Джулией.

К половине одиннадцатого туман внезапно улетучился, и солнце в полную силу обрушилось с небес. Для середины сентября жара стояла довольно приличная. Я уже освоился: мои руки споро и ловко цепляли грозди, срезали их, укладывали в ящик. Чертовски было приятно обмениваться с Джулией быстрым понимающим взглядом перед тем, как взяться за ящик и подтянуть его на несколько метров вверх по склону.

Обедали мы на скамье в тени каменного дуба (я теперь уже знал, что это за дерево), глядя на неподвижную жирную лужу. Разговор шел скупой, вернее так: наши слова не несли в себе никакого особенного смысла. Джулия мне все еще нравилась, нет, она нравилась мне просто до безумия.

День пронесся невероятно быстро, и усталости даже не чувствовалось, несмотря на ранний подъем. Возможно, я мало-помалу приучил свое тело к физическому труду. Как только мы уселись в машину, меня охватило ощущение, что я наконец вырвался на волю и могу теперь унести девушку хоть за тридевять земель (но сейчас достаточно было и того, что я сумел выбраться на асфальтированную дорогу).

Когда я проезжал указатель на Буонконvento, у меня словно вспышка в голове шарахнула. Я решил отыскать замок графа Танкреды и поговорить с его престарелым владельцем, уж он-то должен был знать всю правду, он сумеет снять с моих плеч невыносимую ношу: неужели мой дед был убийцей? Дед, который всего себя посвятил борьбе за жизнь, как мог он отнять ее у своего соперника? А может, он с таким исступлением бился за чужие жизни в качестве искупления собственного греха?

Нет, не надо об этом думать, но указатель все стоял перед глазами как наваждение, и я спросил Джулию, не согласится ли она помочь мне в этой миссии. Джулия согласилась. Я почув-

ствовал облегчение, даже не задумываясь о причине. Пару раз мы заезжали не туда, поскольку замок находился не в самом Буонконvento, в общем, блуждали до тех пор, пока не повстречали человека, указавшего верный путь. Этим человеком оказалась все та же старушка, хозяйка бензоколонки. Она опять пришла мне на помощь. Оказывается, я должен был ехать по дороге на Биббione, пока не увижу кипарисовую аллею, там рядом должна быть еще башня и вилла эпохи Медичи, прямо как в рекламе «Фиат».

Доехали. Аллея выглядела ошеломляюще: не то чтобы миленькая, а такая, знаете, строгая, печальная, закатное солнце наполняло ее мрачной горделивой красотой. У самых распахнутых ворот стоял кипарис, с которого человек срезал сухие и больные ветки. Внизу стоял его помощник и удерживал лестницу. В самом доме, казалось, не было ни души, поэтому я подошел к человеку у лестницы и спросил, где мне отыскать графа.

— А вот он, подрезает кипарис...

— Так это что, граф Танкреди?

— Господи боже, он самый и есть!

Сам не знаю почему, но я полагал, что граф окажется гораздо старше по возрасту, раз уж он дружил с моим дедом, тем паче я не ожидал, что граф скатится до уровня обычного крестьянина. Джулия вышла из машины и стояла возле меня с растерянным видом. Я уже имел возможность поведать ей предания дней минувших, и вот теперь она предпочла хранить робкое молчание. Когда граф наконец-то спустился вниз, я представился ему, насколько было возможно, самым церемонным и учтивым образом, несмотря на мои испачканные землей брюки, выдававшие во мне закоренелого пролетария. Впрочем, граф, похоже, был снобом почище меня. Он признал мою фамилию, помнил моего деда, но заметил, что разговаривать мне следовало бы не с ним.

— Вы, очевидно, ищете моего отца, он был большим другом вашего деда, я это хорошо помню.

— Правильно, я ищу именно его. Дома ли он?

— К сожалению, мой отец умер в прошлом году, причем совершенно неожиданно. Ему было восемьдесят восемь лет. Прошу вас, заходите в дом, я предложу вам выпить...

Его помощник, тоже крестьянин по виду, не вымолвив ни слова, растворился в мгновение ока.

— Скажи, Леонардо, где ты проживаешь?

— На Фаттории-дель-Колле.

— Донна Лавиния — замечательный персонаж...

Я не понял, на что он намекает, впрочем, для меня сейчас это было неважно. Мне нужны были ответы, хотя ни одного вопроса я пока не задал. Я оставил свою машину на аллее, успокоил жестом Джулию, и мы направились вслед за графом к его замку. О, это был самый настоящий замок по всем раскладам: увитая плющом средневековая башня, роскошный дом с пристроенной церквушкой — у этих «Медичи» был неплохой вкус. Показав нам окрестные холмы, до которых простирались его владения, граф, не обращая внимания на наш внешний вид, провел нас в пышные внутренние покои. С другой стороны, граф и сам-то был одет как бомж, хотя и стильно, покруче меня. Джулия шла за мной еще более испуганная, чем прежде, она явно испытывала неловкость, но из всех сил пыталась скрыть это — крепкая девушка.

Мы вошли в гостиную, в которой стоял старинный диван, обитый красной материей. Гостиная казалась комнатой воспоминаний: повсюду были развешаны портреты предков и выцветшие фотографии. У стены стояло пианино, а рядом столик, заставленный напитками. Под стать нашему варварскому состоянию, граф распорядился подать нам тарелку с колбасой под свое любимое вино «Амбашьаторе» — ох, оригинал этот граф. Мы реально вымотались, поэтому у меня не получилось выступить с пространной речью. Мне необходимо было понять: преступник ли мой дед либо он не виновен? Граф, вероятно, уже понял, куда я клоню, но не выказывал ни доли замешательства, ни вообще какого-либо беспокойства. Попросив у нас разрешения, он раскурил сигару и начал разговор. В этот момент, уже во второй раз, я положил свою ладонь Джулии на колено.

— Дорогой Леонард, есть вопросы из разряда ненужных, ибо они сами в себе уже содержат ответ.

— Не понимаю.

— Было ли с тобой такое, когда тебя предавали? Эта синьора — твоя девушка, верно?

— ...

— Когда ты осмелишься спросить у нее: «Есть ли у тебя кто-нибудь еще?», — измена уже свершилась, ибо в твоём вопросе заключен ответ. Если у тебя возникают такого рода подозрения, это значит, сама жизнь уже нашла способ дать тебе знать об этом. Если ты, конечно, не параноик, хотя, думаю, это не твой случай.

— Стало быть, вы полагаете, что стрелял именно мой дед?

— Этого я не могу знать, да и мой отец на эту тему никогда не желал особо распространяться. Для всей семьи это было глубочайшей трагедией. Отец был рядом с донной Лавинией в тот момент, когда она развеяла прах своего мужа над виноградником.

Граф поднялся и взял в руки фотоальбом в кожаном переплете. Там была история его семьи в иллюстрациях, начиная с прошлого столетия. Я лихорадочно перелистывал альбом, будто зная, что обязательно должен найти ту самую, конкретную фотографию. Вот дедушка, на этом снимке, стоит между графом и мужем донны Лавинии, они улыбаются. Все трое в безукоризненных костюмах, будто на охоте у самих Виндзоров.

— Не знаю, ответит ли эта фотография на твой вопрос, но, может, ты его сам закроешь... Тебе кажется, что за этими улыбками таится что-то? Снимок сделан в Трекуанде, за день до происшествия.

— Я... я не знаю.

— Мне понятно твоё желание докопаться до истины, но порой вся наша жизнь означает безрезультатные поиски ответов. Подумай, сколько людей ушло из жизни безо всякой на то причины и сколько ещё людей продолжает вопрошать «почему?». Иногда надо найти в себе силы, чтобы не задавать вопросов. Ты ещё довольно молод для этого.

— ...

— Помни: для тебя твой дед дорог только тем, что он сам счёл нужным сообщить о себе. Не знать всего порой есть действительно благо. Сосредоточься на том, что доподлинно знаешь, и научись ценить это. А теперь я вынужден извиниться, у меня ещё есть дела... Если хотите осмотреть замок, я позову мажордома, и он вам все покажет. Да, можете приезжать сюда, когда захотите.

Не добавив более ни слова, граф оставил нас. Я смотрел на фото, стараясь запечатлеть его надолго в своей памяти. Сигарный дым малость прибил меня, да и сама зала в этом аромате приобрела довольно экзотический вид. Джулия сидела, не раскрывая рта, я непроизвольно сглотнул. Едва я сел в автомобиль, как позвонил Стефан. Радостным голосом он сообщил мне, что приехал во Флоренцию по антикварным делам и что хотел бы со мной завтра встретиться.

Я сказал, что перезвоню, и вдавил педаль газа.

36

«Сирена» была закрыта на ремонт, и я увидел в этом предостерегающий знак.

В итоге я, как всегда, оказался прав. Мы отправились в Коллальто, в ресторанчик под названием «Три Ягоды», о нем Джулия была наслышана. Там неподалеку было такое мрачное место — Кастельнуово-Грилли, куда Джулия еще подростком ходила как-то раз ночью со своими подругам, чтобы, как она говорила, научиться преодолевать страх. Им пришлось, рассказывала она, пройти в одиночку по длинной аллее, в неподражаемом стиле Дарио Ардженто*, а потом еще ждать целых пять минут перед воротами, изо всех сил стараясь не завизжать и не броситься наутек. Короче, игры с фатумом не признают ни географии, ни возраста, и у каждого они свои.

Мы заказали кускус из рыбы. Официант обслуживал нас, будто мы были во всех отношениях сложившейся парой. Аналогично вел себя и граф Танкреди. Неужели, будучи вместе, ни один из нас этого не заметил? Сегодня вечером я проверю. На Джулии была юбка, джинсовая курточка, белая блузка и адидасы, которые довольно недурно на ней смотрелись. От нее шел запах фиалки, и именно это меня цепляло больше всего, не говоря уже о веснушках и носике с горбинкой.

* Режиссер фильмов ужасов.

Не уверен, производил ли я на нее столь же сильный эффект, мне казалось, что я ей не особо нравлюсь со всеми моими капризами. Сегодня, например, я появился на винограднике лишь к полудню, и, хотя я с честным выражением лица пытался убедить всех, что у меня возникли проблемы с пищеварением, никто, разумеется, мне не поверил. Включая Джулию, которая весь день не разговаривала со мной.

Вечером другое дело, вечером она становилась Евой. Сейчас она сидела за столиком и смущенно теребила салфетку. Прежде чем сделать какое-либо движение или жест, она смотрела на меня, и это наполняло мое эго железной самоуверенностью. Мне нравится, если я порой могу оказаться кому-нибудь полезным. Я решил налечь на выпивку, это помогло бы нам чуток расслабиться. Для пущего эффекта я выбрал дорожное местное вино, но на Джулию мои замашки не произвели никакого впечатления. Я и так и сяк пытался расшевелить ее, но едва ли не самое сильное впечатление на нее производили мои непонятные словечки; больше же ее ничего не цепляло.

Признаюсь, в этом она сильно напоминала Аниту. Анита и Джулия — хорошо бы было поставить их вместе, а потом, под приставленным к виску дулом пистолета, сделать выбор. Чересчур сложные ментальные экзерсисы для такого бедняги, как я. Пожалуй, в данный момент я, скорее всего, выстрелил бы в Аниту, хотя не знаю, не могу представить, как бы я сейчас себя вел, если бы Анита вдруг материализовалась.

Я решил заняться Джулией и завел разговор про десантника, чтобы сразу дать ей понять, как далеко я собираюсь «дотянуться», ну-ну, давай, проказница. Джулия отпила глоточек брунелло с таким видом, будто давно ждала этого вопроса.

— Знаешь, мы с Кармелло уже на финише. Нас то плющит, то отпускает, а говорить-то, по сути, давно уже больше не о чем.

— Да, но совсем недавно вы провели целых два дня вместе, если не ошибаюсь...

— Думаю, расставаться это самая тяжелая штука в жизни. Знаешь почему? Потому что боишься ошибиться.

— ...

— Может, тот, с кем ты расстаешься, это самый лучший парень в твоей жизни, но в этот момент ты еще об этом не знаешь.

И тогда я говорю себе: «Попробуй еще раз, Джулия. Дай ему еще один шанс».

— По-моему, так только старухи рассуждают, ну уж никак не Ева Кант.

— Спасибоочки... Даже если я и Ева, все равно на улицу без маски не выхожу. И потом, знаешь, жить в маленьком городке означает быть более покорной судьбе. Хочешь ты того или нет.

— Почему же?

— Тут все тебя знают, все на тебя смотрят. Меньше возможностей встречать новых людей. А самое главное, только, пожалуйста, не подумай плохого, самых симпатичных парней уже расхватали...

Блин, ну почему мне по жизни только и встречаются, что шлюхи? И все на меня, предрасположенность, что ли, или карма у меня такая несчастливая. Но когда тебе нравится девушка, ты ей веришь. Видишь, что она кокетка, что она говорит так, просто чтобы ревность в тебе вызвать, чтобы показать, что не боится тебя, а скорее всего, чтобы раскошегарить твое либидо. Так и было, слова Джулии произвели на меня довольно неприятный эффект, но единственное, что помню — так то, что у меня встал. Я бы сейчас отымел ее в сортире, было со мной такое на Ибике, но, боюсь, в этом малолюдном ресторанчике наше отсутствие было бы тотчас замечено.

Я решил обождать и перейти в контратаку, напустив на себя такой, знаете, наивно-простодушный вид, не забывая при этом про скользкие намеки, такая тактика всегда срабатывает. У женщин не должно возникнуть и тени сомнения, что ты слабак и не готов при удобном случае им впендюрить. Я откинулся на спинку стула, увеличив дистанцию и заставив таким образом Джулию чуть придвинуться ко мне, чтобы слушать. Я сделал вид, что меня ничуть не заботят ее амуры с десантником, который наверняка занимался спортом поболее моего и был, по ее описанию, действительно крутым парнем. Брунелло разбудило во мне чувство собственной неотразимости, типичный эффект после первых двух бокалов. Нетронутая бутылка с водой продолжала стоять на столе сиротливо и отчужденно, как ненужный атрибут многих трапез. Мобильник я решительно отключил, хотя Сте-

фан заваливал меня, наверное, сейчас звонками и SMSками. Сегодня у меня иные приоритеты.

Я продолжал беседовать с Джулией, стараясь соблазнить ее. Я вычислял ее слабости и подстраивался под них. Она ожидала от меня обожания, а я не давал такого повода, сбивая ее с толку, хотя, по сути-то, было понятно, чего мы оба желаем добиться в финале.

Я, весь на понтах, потребовал счет и оставил чаевых еще на целый ужин, меня возбуждала возможность наконец-то пошвыряться деньгами. С той поры, как я появился в Колле, ужином меня все время кто-нибудь угощал, даже в Фонтеведе за все платила Анита. Что делать с деньгами, если тебе не дают никакой возможности даже достать их из бумажника?

Джулия внимательно наблюдала за моей расточительностью, но ей хватило такта не комментировать. Перед уходом она заглянула на минутку в туалет, может, проверить, все ли зубы на месте, и вернулась, порхая, словно бабочка.

Мне пора уже было определяться, где и как поцеловать ее, хотя подходы эти прорабатывать заранее не рекомендуется, иначе тебя ждет фиаско. Я подождал, пока Джулия усядется на переднем сиденье, поставил Suptender группы «Чип Трик» и решительно привлек ее к себе. Она отказала, с улыбкой, но отказала. Она мне отказала. Она мне отказала.

— Прости меня, Леон, я не понимаю.

— Что ты не понимаешь? Ты со мной кокетничаешь, записочки шлешь, типа Ева Кант, едешь со мной на ужин, без никого, а теперь говоришь мне, что, мол, не понимаешь? А мне чего прикажешь думать? Ты можешь объяснить?

— Ну, в общем, я не расположена... На данный момент я не готова пока броситься в непонятную авантюру. И еще, у меня не идет пока из головы мой парень, хотя история и подошла к концу... мне кажется. Ты мне нравишься, ты, правда, мне очень нравишься, но я хотела бы...

Я привлек ее и пытался поцеловать, а она, зараза, оттолкнула меня почти со злобой. Тогда я завел двигатель и больше с ней не разговаривал, больше того, я врубил музыку на полную громкость. Я себя чувствовал израненным и раздавленным, какой же я мудака, какая же она сука, а я хорош, попал, как тунец в сеть,

нет, как треска, как муравей в паутину, как ключ в канализацию. Какого черта я вставал каждое утро в такую рань? Что, не мог допетрить, что это понапрасну угробленное время?

Что людям от тебя надо всего-навсего бабок да еще, чтобы ты их подвез, ну или там брюлтики какие-нибудь, хотя Джулия никогда ни о чем подобном и не просила. Да, конечно, я отъехал на некоторое время с Анитой, так ведь и она уезжала заниматься сексом со своим воякой, даже еще раньше, чем я, так что квиты.

Увы, женщинам всегда необходимо найти себе поначалу оправдание, чтобы уж потом отдаться так, как им хочется. Пьер постоянно повторял мне эти наставления, но я не придавал им значения, под меня всегда стелились практически все, ну ладно, не все, неважно.

Джулия хранила молчание, да и говорить-то было невозможно, настолько оглушительно орала магнитола, и сидела, плотно сжав коленки, пока я вел автомобиль по дороге в Трекуанду. Я никогда не переносил такого рода шуток, и меня бы сильно обломала сейчас ее болтовня. Но она правильно делала, что сидела и молчала, напоминая рычащую собаку, и я мало-помалу начал соображать, что никто, кроме меня, не слышал, как она меня продинамила, никто не был свидетелем моего облома.

Джулия попросила посадить ее у садов, чтобы лишний раз не светиться ни на площади, ни у бара, где всегда было так много нескромных глаз. Я сидел весь черный от злости и тупо смотрел перед собой. И тут она взяла своими ручками мое лицо и повернула к себе. Это длилось всего лишь мгновение, я мотнул головой и вновь уставился на фонтанчик с питьевой водой у дороги.

— Мне больше всего в тебе нравится то, что ты будто свалился с другой планеты, эти твои истории, никогда не знаешь, выдумка ли это или правда... Да для меня это и неважно, ты ведь и говоришь, и думаешь по-своему, и это мне в тебе дико нравится. Наверное, сегодня ты решился-таки сбросить маску. Ты вел себя как самый последний мужлан, но зато я поняла, что ты такой же, как и все — земной... Добро пожаловать.

— Ну все, выходи...

— Прости, я не была готова...

— Выходи...

— Леон, я никогда не пыталась использовать тебя. Мне страшно.

Мне хотелось еще что-нибудь ей сказать, но я удержался. Я покарал ее так, как решил: больше ни слова в ее адрес. Стартанув с бешеной скоростью и матерясь, будто получил в грудь свинца, я глянул в зеркало: Джулия стояла в растерянности, потом подняла воротник куртки и зашагала с поникшей головой. Я продолжал крутить фильм с моим участием, только уже без нее. Я набрал адрес «Виктория а Торрита», и навигатор неожиданно среагировал. Мне сейчас нужен был Рикардо с его заразной веселостью, которая меня больше не раздражала, ибо я понял, что за этой жизнерадостностью стоят годы труда и лишений. Не скрою, я начал питать к этому парню симпатию. Я обещал ему приехать в компании с Джулией, посмотреть, как он заставляет трепетать ляжки глухой провинции, ну уж ладно, придется одному.

Кабак оказался вполне приличным местом, я помню, такие были в Милане лет десять назад. Оглушающе гремела музыка, казалось, сальса звучит именно в честь моего поражения, типа в насмешку. Рикардо просек, что я в дауне, и, несмотря на то, что был занят на танцполе, выкроил минуточку, чтобы принести мне мохито. Я взял коктейль, но пить не стал. Мне сейчас нужно было чего-нибудь покрепче.

«Негрони». «Лонг-Айленд». «Лонг-Айленд». «Негрони». Я принимал алкоголь в разных сочетаниях, пока через каких-то полчаса не нажрался в совершеннейший хлам. Наконец-то чуток бензинчика, наконец-то туман в мозгу, хотя возник риск, что я рухну на пол или подерусь с кем-нибудь. Мне нужно было дернуть, и немедленно. Сделав усилие, я обвел глазами помещение — ты должен чуток прийти в себя, иначе тебя серьезно никто не воспримет. Латиносы они все такие здоровенькие, жизнерадостные, пьют мало да и то все сразу сжигают, хотя это я, наверное, сейчас смотрю на мир через рюмочное стекло.

Там стоял какой-то тип, облокотившись на колонну: типа не при делах, так — пялит какую-нибудь кубинскую цыпу из подтанцовки, фиг его знает. Нос у него чего-то все чесался, и это вызвало во мне интерес, поэтому я подошел к нему и как ни в чем не бывало поинтересовался насчет нюхнуть: дури бы. Ну, шарик.

Чувак сразу не понял, так что мне пришлось сильно втянуть воздух через нос, и тут он наконец въехал. Некоторое время постоял в нерешительности, но, очевидно, мой безупречный миланский акцент успокоил его, и чувак сделал мне знак следовать за ним на улицу, к паркингу. Парень много не болтал, но прекрасно понимал, что мне нужно, поскольку не задавал никаких вопросов и вообще вел себя смирно. Выйдя из клуба, он набрал номер: «Можешь привезти нашего друга к автостоянке у “Виктории”?». Через десять минут из темноты появился другой чувак и сунул мне камешек где-то на грамм, всего за восемьдесят евро. Блин, дешевле, чем у Дуки, да еще и заверил, что качество, мол, отличное. Я попросил у него номер мобильного, но он сухо отказал, сказав, что он вообще этими делами не занимается, хотя бабки в карман убрал лихо.

Я дошел в ритме сальсы до туалета и там занюхал витаминку всей кислородной мощью своих легких. Вот, я опять стал самим собой. Стал собой, стал собой, стал собой. Вот он я, Леон, которого я знаю, который не валяется на полу, который принимает решения и побеждает, а остальные не рубят ни болта. Так, ну что, еще разочек. Это мой еще разочек. Мэрилин, которая поет для меня *Happy Birthday to You*. Я опять на взлете, я опять трезв, я готов вернуться в человеческий винегрет.

Что я тут делаю под *La vida es un carnaval*? Ха, про меня можно все что угодно сказать, только не то, что я боюсь новых приключений. Впрочем, чтобы не заходить чересчур далеко с извращениями, я решил, что мне сейчас нужна путана. Мне нужно подтверждение, что я тот, кто я есть, немедленно, без заморочек, без обсуждений. Плачу бабки, и крандец. Зачем осложнять себе жизнь любовью, когда достаточно секса? Я не знал ответа на этот вопрос и заказал еще один «Негрони».

37

Последний разик мы исполнили вдвоем, в машине.

Рикардо перехватил меня буквально на выходе из кабака, умоляя подождать его. Не знаю зачем, но я его дождался. Рикар-

до сел за руль, везти меня к путанам категорически отказался, сказав, что там вообще один отстой и что я заслуживаю лучшего, тем более что меня теперь знает чилиец.

Рикардо не задавал вопросов и вообще ситуацию не комментировал, даже когда я выскребал из уголков пакета последние крошки. Более того, когда я насыпал остатки кокса на ключ от моей комнаты и протянул в его сторону, он как ни в чем не бывало приблизил ноздри и втянул в себя, показывая мне, что его этим не удивить.

Время от времени Рикардо пытался мне улыбаться, я же представлял собой клубок ругательств, напряжения и нетерпимости, я весь переливался через край. Разрушаться. Саморазрушаться. Разрушить все — вот моя миссия. Я не мог допустить мысли, что когда-нибудь дела могут пойти на лад, нет, я постоянно должен находить слабые точки и бить по ним, бить, по возможности самым жестоким способом, и чтоб больше никакого раскаяния, никаких раздумий. Хорошо, что Рикардо в тот момент сумел извлечь детонатор из живой бомбы, коей был я. Ему не надо было указывать на меня пальцем, он просто находился рядом, он принял кокс изящно, но без фанатизма, будто говорил мне «Хочешь, чтобы я это сделал? Пожалуйста, мне не страшно». Ему не было страшно.

Он вел машину с небрежностью угонщика, безмятежно, по-детски, напевая что-то, и смотрел на меня глазами взрослого мужчины. Я успокоился. Кокс закончился, этап демона позади, и даже не столь драматично, как в прошлые разы. Две с лишним недели абстиненции не прошли даром, и все было под контролем, по крайней мере, я на это надеялся.

Когда мы доехали до Колле, у меня возникло ощущение, будто я оказался в каком-то абстрактном месте. Влажный воздух и легкая дымка делали окружающий мир разреженным и напряженным, будто вот сейчас на нас должно напасть стадо диких кабанов. Я начал прокручивать в голове очередной посткокаиновый фильм, финал которого, по обыкновению, должен быть ужасным. Мне привиделось, как стая воронов кружит по комнате Грандуки. Рикардо просек мое замешательство, как я ни пытался спрятаться, и предложил зайти к нему на пять минут. Было уже где-то половина четвертого утра. Через четыре часа мне

вставать и ехать на работу, а не послать ли мне их всех в задницу! Частный танцор приготовил для меня настой из свежей мяты, мальвы, укропа и тростникового сахара для того, чтобы моя печень простила ругательства, которые я произносил в ее адрес, да снизойдет на нее благоволение Духа Святого. Я разлегся на диванчике, а Рикардо подал мне коктейль de la felisidad в чашке с изображением кубинского флага.

Всякий раз, когда Рикардо уходил на кухню, я чувствовал, как меня всего охватывает паника, и не знал, как с этим бороться. Наверное, кокс, который впарил мне тот невежда, был не первый сорт. Да и существует ли вообще хороший кокаин? — никому сие не известно. Кокс хороший, если тебя не шибко сильно ломает после него, а вот в процессе тебе все время мало, тебе всегда мало.

Рикардо изо всех сил пытался создать благожелательную атмосферу after party.

— Может, тебе лучше остаться поспать у меня, Леон? Можешь лечь в соседней комнате, там постелено.

— Мне страшно. Сейчас я не могу спать один... блин, мне не заснуть. Я не знаю, что со мной, мне хреново. Не могу даже объяснить.

— Тогда ложись со мной. Я не храплю, не пою во сне и не танцую. Сегодня утром я как раз сменил постельное белье. Те густа? У меня даже пижамито для тебя есть...

Я пошел в душ, заставив себя не думать о тревогах, и действительно немного успокоился. Слова Рикардо, видимо, действовали благотворно. Кокс потихоньку отпускал меня, но зато навалилась физическая усталость. Пижамка была мерзостная, хотя от нее и пахло порошком «Авабукато», но надеть ее на себя было выше моих сил.

Я снял джинсы, футболку и скользнул под бабушкино одеяло или, лучше сказать, донны Лавинии, о чем услужливо сообщали вышитые там и сям инициалы. Кровать была из кованого железа, перед ней стоял комод со множеством фотографий кубинского «святого семейства». Спустя несколько мгновений я провалился в сон, в блаженную отключку. Не знаю, сколько часов или всего лишь минут я проспал, но внезапно я пробудился, не понимая до конца, сплю я или уже нет.

Я лежал в обнимку с Рикардо. Тесное, крепкое объятие, не оставляющее сомнений, разрушающее ненависть и барьеры, думаю, надеюсь, а впрочем, все это сейчас было неважно. Мне запомнилась его тугая кожа, такая, как у ядрышка персиковой косточки, аромат одеколона «Марсель», и еще его пальцы, которые слегка постукивали — тук-тук — по моей руке, будто убаюкивали. Мне было хорошо, я сейчас отчаянно нуждался в чем-либо прикосновении или в помощи, неважно, что мне сейчас было нужно, но я ясно осознавал, что одному мне никак нельзя больше оставаться. Один я с собой быстро покончу, с Анитой или без. С Джулией или без.

Возможно, у меня просто депрессия. Ну, уж точно мое состояние никак нельзя назвать счастьем, хотя счастье пару раз и задевало меня своим крылом. Счастье чересчур высоко возносится, ему бы остановиться, перестать витать бог знает где и слететь к нам, к простым смертным. Почему у нас так редко получается общение со своим счастьем? А может, мы и общаемся, просто не отдаем себе в том отчета? Вот я, например, был счастлив в тот первый день на винограднике, когда Джулия спросила: «Хочешь пить?»

Я был счастлив, когда Анита позавчера пожелала мне спокойной ночи. И был счастлив, когда Рикардо сказал, что хочет пригласить меня свидетелем на свадьбу к Рамону. Просто в те самые минуты я этого не осознавал.

Может, сегодняшняя ночь — исключение, какой-то ирреальный полусон, когда я проснулся и обнаружил, что прижимаюсь всем телом к Рикардо, обнимаю его за плечи, будто ребенок, который просит, чтоб его покатали. Я чувствовал любовь. Не знаю, многие ли из моих друзей, встретив меня в невменяемом состоянии в «Виктории», велели бы мне ждать их. И не знаю, кто еще, ведя машину, отвез бы меня не к девкам, а к себе домой. Один только Стефан, наверное.

Я бы ни за что на свете не рассказал Рикардо о том, что я чувствовал. Мне оставался только язык тела, полусознательные жесты. И чем больше я в этом убеждался, тем сильнее прижимал Рикардо к себе. А он спал себе и в ус не дул или, наоборот, не мог уснуть, но по своей деликатности не хотел меня обламывать. А может, ему даже нравилось.

Когда я окончательно проснулся, то сразу даже не понял, где нахожусь. Было уже что-то около одиннадцати, с улицы заглядывало робкое солнышко, а у винного цеха корсары уже начали разгружать ящики с виноградом. Итак, сбор Монтальчино, выходит, был уже закончен, а сегодня утром начался сбор круглолистного сорта, черт. Черт, черт, черт, как я мог об этом забыть! Но разве не я сам после того, как Джулия сказала мне «нет», своими руками отлучил себя от виноградных работ.

Я отошел от окна, решив, что было бы совсем уж бессовестно с моей стороны махать им рукой. Я чувствовал себя изменником и трусом. Я смотрел вниз на трудовой процесс, и мне показалось, что одним из корсаров был Рикардо. Я пошел глянуть на кухню, чтобы убедиться, так ли это. На столе меня ждал приготовленный завтрак, апельсиновый сок и фрукты, нарезанные как в Полинезии. Может, Рикардо там этому и научился. Меня все это сильно удивляло.

Так и есть, Рикардо отправился подменять меня на сборе винограда, послав всего три с половиной часа и найдя время, чтобы приготовить для меня завтрак. Да уж не влюбился ли он в меня? Хотя нет, скорее это я сам, побуждаемый одиночеством, испытывал к нему утробное, первобытное чувство.

Я был настолько в хорошем настроении, что не чувствовал даже головной боли. У меня не возникало ни малейшего желания вспоминать события прошедшего вечера, поскольку и вспоминать-то было особо не о чем, оставалось только констатировать мою полную неспособность жить в этом мире так, как живут остальные люди. Должно быть, это у меня наследственное, от паши.

Я ел с аппетитом, любуясь видом из окна, практически тем же, что открывался из моей комнаты. Впечатление портил лишь грустный антураж из мебели начала 70-х, от нее отказалась бы даже Маризела. Я направился в свою комнату, чтобы забраться поскорее под душ, и по дороге наконец-то включил телефон. Меня ждало несколько сообщений:

— от моего отца, который интересовался, когда я вернусь в Милан;

— от моей матери, которая спрашивала, как это мне могло прийти в голову заказать костюм из фиолетового бархата;

— от моего брата, который называл меня козлом и просил перезвонить Стефану;

— от Аниты, которая ни о чем меня не просила.

Перед тем как вернуться в свою комнату, я решил все же спуститься к винному цеху и поздороваться с Витторией, тем более что корсары уже уехали. Возможно, она уже знала про все мои приключения и даже гораздо больше, чем я мог себе вообразить, поэтому была скупа на слова. Было видно, что она на меня сердита, а может, просто разочарована. Разумеется, она и помыслить не могла, что виновата во всем ее милая-кузина-кин-палку.

— Хочешь попробовать, каким стал мерло, который ты собирал в первые дни? Ферментация закончилась, это можно уже называть вином...

— С утра пораньше, даже не знаю...

— Да тебе ж сегодня на работу не идти или я ошибаюсь?

— Нет, блин, пойду после обеда. Мне совестно, что Рикардо из-за меня должен так упираться... Вчера у меня был тяжелый вечер, мне было хреново, и ночь я провел неважно.

— Я тебя видела в «Виктории», тебя пришибло основательно!

— Ты меня видела и даже не поздоровалась?

— Знаешь что, милоч, я к тебе подходила, а ты мне ответил, что знать меня не знаешь... Тебе крышу снесло по полной программе. Да я особо и не обиделась, мы там все были поддатые...

Я решил, что будет лучше с ней согласиться, зашлифовав слегка тему извинениями и пояснениями. Виттория налила мне первый бокал вина с нынешней вендемии, и я жадно вдохнул его аромат, ибо в бокале была масса воспоминаний. Разумеется, все случилось совсем-совсем недавно, но для меня это были уже воспоминания.

— Ну, Леон, что скажешь?

— Отдает слегка фруктами, лесной прогулкой, кофе... и еще у него легкий терпкий оттенок, но это даже неплохо.

— Вот как... это кислотность такая... что ж, вкус обозначился, значит, у этого вина есть все шансы, только надо как следует его выдержать.

— ...

— Может, расскажешь мне, что вчера стряслось с моей двоюродной сестрой?

— ...

— Не хочешь рассказывать? Тогда давай допивай и вали поскорее отсюда на виноградники, и чтобы вы там с ней помирились, понял? Если ты приглашаешь девушку, нельзя ссориться с ней в первый же вечер!

— Но она же злится.

— Такой парень, как ты, без труда погасит ее гнев. Я даже не сомневаюсь.

— Почему?

— Потому что ты неглупый. А умные люди всегда умеют добиваться прощения.

Я допил вино, поставил стакан на умывальник, вытер руки об джинсы и облапил Витторию.

Я ей нравился, это было написано на ее лице, она меня хотела. А если женщина зовет, Леон отвечает.

Она встретила поцелуй враждебно, со сжатыми холодными губами, держа голову прямо, руки вообще никак не двигались. Я пытался угадать, что ей должно понравиться, я пробовал работать языком и так, и сяк, я даже чуть покусывал ее и наконец понял: она не желала со мной целоваться. Я решил, разумеется, сделать вторую попытку, этому всегда учил меня братец: «Если сопротивляются, значит, еще больше тебя хотят».

Она отвесила мне пощечину, от которой я весь почернел.

— Свинья.

— ...

— Бесстыдник и свинья.

Припечатав меня двумя словами, она оставила меня сконфуженно стоять у ворот цеха. Рот наполнен вкусом молодого вина, сказать нечего. Блин, я что, уже утратил свою способность просекать, готова ли девочка или не готова? Или они резко все стали девушками «быть»? Все начали слать SMSки с пожеланиями спокойной ночи?

Ну, допустим, эта женщина в возрасте. Все равно я не понимал. Не иначе она лесбиянка. Лесбиянка, да еще и обидчивая, с ней бы даже лохнесское чудовище целоваться отказалось. Я подошел к ней, чтобы извиниться — может, смягчится или что, — но Виттория принялась мыть один из чанов, не удостоив меня даже взглядом.

Стефан сидел в саду среди лимонных деревьев.

Нога на ногу, как обычно, левый указательный палец на подбородке, правым придерживает страницу книги. Как же он сюда добрался? Я попытался вырвать книгу у него из рук, но Стефан сумел увернуться и спасти чтение, так что зачитать вслух последнюю строчку мне так и не удалось. В этот день у меня ни один фокус не проходит.

Я обнял его так крепко, как не обнял бы даже Пьера.

— Как ты нашел меня, засранец?

— Ты думаешь, только вы, итальянцы, умеете крутиться? Когда я понял, что ты от всех прячешься, я нашел твой домашний номер в Милане, поговорил с твоим братом, и он сказал мне, как называется это место... потом я залез в Интернет...

— Да ты монстр!

Я был рад, что Стефан приехал. Мне так нужен был кто-нибудь, кто мог показать, что я не совсем уж такой плохой мальчик, что я гавкал только потому, что не умею кусаться. Старый друг, родная душа, он понял, что мне плохо, и нашел меня. Чем я мог его отблагодарить? Друзьям «на равных» трудно сделать подарок, размышляя я и тут подумал, что дружбу невозможно втиснуть в коммерческие схемы.

Сейчас я был готов подарить Стефану весь мир. Было уже почти два часа дня, и я решил больше не появляться на винограднике, да в самом деле, пошли они все в задницу, этот вечер я проведу с моими близкими друзьями.

— Ты вчера здорово погулял, правда, Леон?

— С чего ты взял?

— Я здесь со вчерашнего вечера, хотел с тобой поужинать, но, когда приехал, ты уже где-то шатался. Я ждал тебя допоздна, было уже два, а ты еще не вернулся, и я сказал себе: «Во парень отжигает». Не правда ли?

— Верно. Проблема в том, что я не сумел тормознуться... Сегодня утром я продолжил безумства, а если бы сейчас отправился на виноградник, бог знает, чего б я там натворил. Я ужасен, да?

Стефан ничего не говорил, просто сидел и смотрел на меня, и это почему-то здорово меня ободряло. Сначала я рассказал ему всю мою историю с Джулией, затем про Витторию, я был убедителен, я был чертовски убедителен, но Стефана не проведешь, он время от времени задавал короткие вопросы, прямые, недвусмысленные, так что в скором времени загнал меня в угол.

Что касается Виттории, его приговор был жестким — «вульгарно», он меня назвал «вульгарным»! — но ситуацию с Джулией прекрасно понял, посоветовав мне извиниться перед барышней, загладить как-нибудь свою неловкость и вообще стараться использовать более деликатные подходы к двадцатилетней девушке, которая живет в глухой дыре и мечтает стать героиней комиксов.

Я старательно избегал разговоров об Аните, не имел желания, просто не знал, что говорить. Да, она вернулась ко мне, но я не был уверен, простил ли я ее, может быть, да, может быть, нет...

Внезапно Стефан встал и направился в свой номер, пригласив меня следовать за ним. Я услышал запах, который ни с чем нельзя было спутать, нет, я не мог поверить. Ну, так и есть. Стефан приготовил для меня бекон со спаржей и яичницей.

— Извини, придется разогреть. Мне сказали, что ты вернешься с виноградника только к вечеру...

— Кто это тебе сказал?

— Синьора Мена. Она помогла мне отыскать спаржу и бекон. Мена, правда, не сразу поняла, что я от нее хотел, но в конце концов мы разобрались, нашли все необходимое. Синьора Мена так любезна.

— А со старухой ты познакомился?

— Держу пари, что ты имеешь в виду донну Лавинию. Она тебя так любит, Леон. Она сказала, что твоим друзьям следует оказывать наилучший прием. Потом я погулял здесь немного и приземлился в лимонном садике.

— Чудно.

Какое фантастическое кушанье, хоть и разогретое. Господи, как вкусно, как вкусно, кухарке Мене надо еще поучиться у Стефана.

— Могу я попросить тебя об одолжении, Леон?

— Сегодня можешь просить у меня, все, что хочешь.

— Ты не против, если мы пойдем прогуляемся вместе в лесу? Здесь все так *fantastique*, а вечером мне надо возвращаться во Флоренцию... Или тебе надо ехать на виноградник?

— Да нет, блин, раз уж ты приехал, никаких проблем. Пойдем гулять вместе.

Зачем сказал? Как только мы покончили с едой, на меня вновь навалилась невероятная усталость, как прошлой ночью. Я попросил у Стефана разрешения поспать полчаса в его комнате, и он кивнул с абсолютным пониманием. Он спросил, не разбудить ли меня, но я отказался, я и сам могу вставать во сколько захочу.

Я открыл глаза. Солнце уже село. Стефан уехал.

Он оставил мне записку, в которой писал, какую восхитительную прогулку он совершил, даже дошел пешком до Трекуанды. Разумеется, со мной это было бы гораздо чудеснее, тем не менее ему было чрезвычайно приятно меня повидать и убедиться, что я в гораздо лучшем состоянии, нежели в прошлый раз.

Мне стало так совестно, что я сразу же позвонил Стефану, но номер не отвечал. Тогда я послал ему сообщение: «Если ты не сердись, напиши мне последнюю фразу из книги, которую ты читал». Я ждал целую минуту, но ответа не пришло, я проиграл игру с фатумом и позвонил Аните.

В первый раз я появился на ужин к донне Лавинии свежим и отдохнувшим, впервые без опозданий, и меня встретил стол, накрытый как для самого торжественного случая. На столе было только два прибора — для меня и синьоры, Рикардо, умаявшись, спал без задних ног. Донна Лавиния встретила меня с бокалом *Cenerentola* в руке. Теперь я себя чувствовал как дома.

— Мне очень жаль, что сегодня с нами нет Рикардо. Он и вправду очень устал... Я знаю, вы вчера гуляли допоздна, а сегодня он весь день работал за тебя...

— Это правда. Просто ко мне приезжал из Франции мой друг Стефан.

— Очень приятный молодой человек. А ты позволил ему уйти в лес одному...

— Но... честно говоря...

— Не пытайся отрицать, Леонардо. Только не со мной. В конце концов, это твое личное дело, как ты ведешь себя с друзьями.

— Конечно, просто я устал. Мы вчера с Рикардо засиделись допоздна.

— Я знаю, тебе о наших с ним отношениях все известно.

Не отвечая, я стиснул пальцы на бокале.

— Когда ты живешь в деревне, у тебя поневоле развиваются инстинкты, и ты начинаешь понимать не только события, но и людей... Знаешь, когда душа твоего деда нас оставила, я внезапно почувствовала себя совершенно одинокой. Я не хочу говорить о твоем дедушке, полагаю, что сейчас неподходящий момент, да и не считаю уместным тебе что-либо объяснять. В моей жизни наступил такой период, когда я ощутила необходимость вновь обрести себя. Эта поездка на Кубу примирила меня с моей душой, а главное — с моим телом. Если у тебя нет детей, а у меня их нет, ты не должен отчитываться ни перед кем... Задействовать разум мне уже больше не было необходимости, а вот мое тело — тело требовало свое.

— ...

— Почему ты на меня так смотришь? Только потому, что я уже пожилая синьора? Ты ошибаешься, думая, что секс — это прерогатива молодых. Это прерогатива человеческих созданий, и не надо их за это презирать. Ты разве презираешь кого-нибудь за то, что он голоден? В таком случае не смотри на меня с осуждением.

— ...

— Наверное, ты считаешь, что я просто купила себе Рикардо, как говорится, тряхнула мошной. Что ж, так оно и было. Да, я не идеальна, но я не чувствую себя ни в чем виноватой. Но ведь Рикардо теперь волен делать все, что хочет, и я прекрасно знаю, что он именно это и делает... И все же я знаю, что по-своему он очень мне благодарен за то, что я предоставила ему такую возможность, и ты даже не представляешь, насколько мне это приятно осознавать... Я тебе уже говорила, что у меня нет детей, перед которыми я несла бы ответственность, у меня даже нет никого, кому бы я могла оставить Колле. В моей жизни осталась только я одна. Я и мои виноградники.

Я встал со своего кресла, подошел к донне Лавинии и поцеловал ее в щеку. Разумеется, такое недопустимо, но в деревне надо слушаться инстинктов, разве не она мне сама об этом сказала, и я почувствовал, что мне следует отреагировать именно таким образом. И на этом тема была закрыта.

Ужин продолжился серией деликатесов, которые Мена постаралась приготовить на славу: пекорино в грушевом соусе под брунелло, обваленные в муке каштаны со свежими помидорами, кабанье мясо с гороховой подливкой. Нашу трапезу мы начали с Cenerentola, продолжили под бароло. О да, бароло «Монфортино». Трудное вино, как я его называю, ибо мне сложно дать ему четкое определение.

— Что скажешь?

— Странное... кажется чуть терпким... Из меня, пожалуй, неважный дегустатор.

— Да нет, ты прав, именно поэтому я считаю, что это фантастическое вино. Строгое, неприступное, его сразу не поймешь. Как благородный человек, который не предает. Многие вина гораздо более просты и доступны, но частенько обманывают твои ожидания.

— Так что же должно быть у вина, чтобы оно запомнилось?

— Вина как люди: надо научиться в них разбираться. Можно, например, классифицировать вина по их общим, наиболее приятным, свойствам, и не принимать во внимание качества, по которым они реально отличаются друг от друга, хотя именно эти мелкие отличия могут нести очень много информации. Сейчас вино в мире все больше унифицируется. Я с этим не согласна, я хочу, чтобы мое вино могло рассказывать разные истории об этой земле, об этом солнце. Именно поэтому я решила восстанавливать круглый лист, виноград капризный, неоднородный, но ведь как раз из этого винограда и делается такое изысканное вино, как Cenerentola.

— ...

— Даже если мои вина далеки от совершенства, это не так важно. По крайней мере, у каждого из них есть свои персональные свойства, своя душа. И не забывай еще, что хорошее вино получается только из хорошего винограда. Например, чтобы на свет появилась красивая женщина, требуется сочетание особых

генов. Винодел может только усилить положительные качества винограда, но он не в силах скрыть его недостатки, особенно если они явные. Это все равно, что пытаться сделать из уродливой женщины хорошенькую, навешивая на нее всякие одежки и украшения... лучше не надо. Она станет от этого только еще более вульгарной, согласен?

Впервые я слушал донну Лавинию с таким вниманием, глотки бароло перемешивались со словами, связывая меня прочнейшими нитями с этой хрупкой женщиной, прятавшейся до этого под непробиваемой броней.

— Жаль, что ты уезжаешь, Леон.

— С чего вы взяли, что я уезжаю?

— Да так, знаю. Завтра вендемия заканчивается, погода заметно портится, ты возьмешься за ум, и я не сомневаюсь, что в Милане у тебя начнется более разумная жизнь.

— В самом деле в субботу вечером мне нужно быть в Сан-Морице. Моя девушка пригласила меня в «King's», у ее сестры какой-то праздник, и я решил, что должен поехать. Я ей только что звонил, и она мне сказала...

— ...

— Но знаете, я уверен, что скоро вернусь. Не знаю, это место вообще никак меня не касается, но, возможно, именно поэтому мне здесь так нравится.

— Ну так и не уезжай. Если какое-то место тебя зовет, доверься ему. Потому что когда ты достигнешь моего возраста, то будешь сожалеть не столько о поступках, которые совершил, сколько о том, что мог сделать и не сделал.

— Я подумаю. Синьора...

— Да, Леон?

— Я хочу поблагодарить вас за то, что вы в меня поверили. Так мало людей верит в меня, начиная с моих родителей. Вы же просто как локомотив по моей жизни пронеслись.

— Это потому, что я становлюсь старухой. Помни только, что злоба так же, как и стыдливость, только отягощает нашу жизнь. И потом, это был мой должок. Ты ведь здесь оказался из-за дедушки. Если уж мне не суждено иметь сына, то я хотя бы утешусь, принимая внука. Знаешь, это уже не мало. Так, а не принять ли нам теперь граппочки из брунелло?

Мы еще долго сидели в столовой, перед в кои-то веки разожженным камином, а кухарка Мена подавала нам крем-сабайон в керамических пиалах. Подумать только, всего лишь несколько часов назад я, как пылесос, накачивался дурью! Нет, я себя решительно не узнавал.

В общем, можно все это расценивать, как небольшую аварию, случившуюся по моей вине: еще бы, я был в таком унынии, в очередном припадке хронической неуверенности. А что еще? Я не знаю, как мне вести себя в Сан-Морице, там будет вся наша шайка-лейка в полном сборе, мой братец во главе, «Вдова» литрами, Анита, которая вся извелась от желания примирить меня со своей сестрой и с Марией Соле. Вообще-то я был рад, что она меня снова позвала, позвала настойчиво, на это дурацкое мероприятие. Похоже, это все было не более чем предлогом, чтобы я только вернулся к ней. Наконец-то я поднимаю голову из-под воды и начинаю опять свободно дышать, нет, свободно — впервые.

Да, мы повеселимся, мы вновь будем вместе, и я постараюсь держаться первое время. Возможно, я даже попробую поискать себе приличную работу.

Я еще был в пути, наслаждаясь глотками кислорода, когда Стефан прислал ответ на мое сообщение: «Нужно представить себе, как долго тянется полярная ночь. Наши солнечные дни похожи на нее».

39

Я чувствовал себя маленьким ребенком в новогоднюю ночь.

Проснулся раньше, чем Мена успела постучать в мою дверь, был бодр и жизнерадостен, словно успел занюхать пару дорожек. Нет, никаких подарков под елкой меня не ждало, просто это был мой последний день работы, моей первой в жизни работы. По совету Стефана я решил не расклеиваться и в последний день на сборе честно смотреть всем в глаза.

Хоть я и пользовался перчатками, руки у меня заметно огрубели, и даже появилась пара маленьких мозолей.

Я спустился на завтрак в общий зал вместе с другими гостями Колле — симпатичной компашкой американцев — и все недоумевал, чего ради они поднялись в такую рань? На фиг ехать куда-то в отпуск, если в половине восьмого тебе надо уже быть за таким нехилым, я бы сказал, столиком? Возможно, конечно, что это смена часовых поясов с ними такую шутку сыграла, однако лица туристов выражали уверенность и сосредоточенность, классическая Америка. Американцы стали звать меня к ним за стол, но я уклонился с вежливым *sorry*. Дистанция.

В числе первых я пришел на виноградник с круглым листом. Он был за подъемом, сразу за церковью Колле. Небо было закрыто легкой дымкой, и из-за этого в воздухе стояло марево. На работу я оделся в своем лучшем стиле плюс сумка через плечо, в которой находился рабочий комплект: секатор, перчатки, айпод и две бутылки с водой (одна для Джулии).

Я был рад, что снова увижу ее, я знал, что она на меня больше не сердится, моя Ева. Я первый улыбнулся ей, едва она появилась, и на моем лице было уже все написано: прощаю, извини, *lo siento, desole, sorry*, я раскаиваюсь, прости меня. Взглядом Джулия дала понять, что извинения приняты, судя по всему, она ничего не знала про патетическую сцену между мной и Витторией, и это меня успокоило.

К работе я приступил опять с Кесслершами, они были сильно взволнованы, поскольку у их внуков поменялась учительница начальных классов, и это приводило теток в отчаяние. Они спрашивали у меня советов, а что мне им было отвечать? Разве что у меня в *International School* учителя тоже часто менялись, но я тем не менее все равно аттестат получил. Тетки озадаченно посмотрели на меня и принялись подкалывать членов бригады. Арольдо был главной мишенью, но досталось на орехи всем — и Сестилио, и корсарам, и Джулии, и, естественно, Грандукинчику, то есть мне. Они использовали еще одно словечко, называли меня на диалекте, и я наконец сумел перевести его: оно означало «лодырь», «сачок», впрочем, я же об этом догадывался и раньше.

Время несло галопом, а мои мускулы, хоть я и работал в последнее время через день, вполне принаровились к физическому труду. Даже спина при наклонах не болела, больше того, я дви-

гался гибче и эластичнее, чем в фитнесе «Даунтаун». Скорее всего, это чувство освобождения делало меня столь активным, а уверенность, что я скоро вернусь в свой дом в Милане, заставляла мою лимфу кипеть и плескаться. Анита очень правильно выбрала момент, чтобы вытащить меня к себе, и тон у нее был правильный, и слова подходящие. Никто не знал меня лучше, чем она, и никто не любил сильнее, чем она. Не знаю, так уж ли я был убежден в последнем либо я заставлял себя так думать только потому, что решил уехать.

Я пытался отогнать сомнения, концентрируя внимание на гроздьях, и в этот момент что-то шлепнулось мне в спину. По плотности снаряд напоминал котлету, но какую-то такую, непонятную. Я обернулся и увидел на земле размазанную о мои лопатки виноградную гроздь и хитрое лицо Джулии через две шпалеры от меня.

Кесслерши меня подначивали, призывая не давать спуску агрессорам, и тогда я начал маленькую задорную войну между шпалерами. Сначала мои броски не достигали цели, пьяный я бросал бы и то лучше, но я быстро наострился. В бой бросились еще и осы со слепнями, привлеченные сладким соком на моей футболке, они во множестве кружили вокруг. «С осами осторожнее, не двигайся, а слепней гоняй, не бойся!», — приговаривали Кесслерши в унисон, а я вполголоса матерился.

Но вообще-то «подружки» меня прикалывали, я редко видел, чтобы пятидесятилетние тетки так отрывались. Довольно любопытный опыт для меня. Вдалеке я слышал смех Джулии и, когда мы оказались с ней рядом в обеденный перерыв, был по настоящему рад. Обед наш состоял из приготовленных ею сэндвичей. Правда, на мою долю она не запасла, но разломила пополам свои. Джулия увела меня на перекус в заброшенный сарай, устроенный на винограднике недалеко от церквушки Святого Клементя.

Она сказала, что это и есть убежище Евы: стены были увиты побегами ежевики, из двух окошек без стекол открывался вид на виноградники и на холмы Крете, а вдалеке величаво высилась гора Амиата. Прямо как с Анитой в Фонтеведе! Правда, мы здесь сидели не в пятизвездочной СПА-ванной, а на бревнах, уплетая завернутые в пленку сэндвичи. Что может быть лучше? Серная

вода с пятью звездочками? Нет, веснушки на сиськах не идут ни в какое сравнение ни с чем.

Меня, по правде говоря, жутко разъедало беспокойство по поводу позавчерашнего неудачного вечера, но Джулия, похоже, про эту фигню уже забыла, хотя, конечно, она тогда вела себя вызывающе, скажем прямо, и сама это понимала. Хотя нет, скорее всего, это я вел себя неправильно, как последний дурак. Драматизм в том, что если мы вовлечены в сюжет, то никак не можем быть по-настоящему объективными, потому что думаем прежде о себе, а о потом уже о других. А мы, как известно, всегда правы.

Джулия прервала мои молчаливые размышления, задав совершенно неожиданный для меня вопрос:

— Ты будешь в субботу вечером на ужине вместе со всеми?

— С кем это со всеми?

— Ну, ужин тех, кто работал на сборе... Мы решили устроить вечеринку, чтобы отметить окончание вендемии. Ну же, не будь таким снобом...

— Я должен ехать в Сан-Мориц.

Она посмотрела на меня так красноречиво, что я на секунду отвел глаза.

— Значит, уезжаешь.

— Мне нужно уехать, но я вернусь. И потом, завтра сбор уже заканчивается... Под каким предлогом я смогу встретиться с тобой?

— Давай сегодня вечером полюбujemy вместе на закат, Леон? Это единственное, что сможет вернуть меня в колею.

— Замечательно. Я знаю чудное место.

Я невзначай прикоснулся к ней, такой мимолетный поцелуй, краешком губ, пару раз. Меня прикалывали эти тинейджеровские качели, я ощущал себя шестнадцатилетним подростком, весь в прыщах и комплексах, и не могу сказать, что мне это было не в кайф. Наверное, я ни разу в жизни не чувствовал себя шестнадцатилетним или, наоборот, мне все еще было шестнадцать — и тот, и другой вариант имели место.

Мы вернулись на сбор винограда в веселом расположении духа, нас развеселил этот антракт, который стал в некотором роде воплощением образа Италии, вернее, того, как ее представляют

в других странах, когда речь заходит о любви: жуткая страсть, вкусно пожрать, а вокруг офигительный пейзаж. Блин, тоска. Я продолжил работу с Кесслершами, но весь мой виноград летел в Джулию и в Арольдо. Война, больше похожая на любовь, продолжалась, так что Сестилио пришлось несколько раз прикрикнуть на нас, чтобы прекратить перестрелку. В конце концов, ягоды с этого виноградника были самые ценные, и мы не могли раскидываться ими из-за какой-то там любви.

Сбор шел довольно медленно: меня два раза звали помогать грузить ящики, и нам пришлось задержаться на час дольше. Но никто не хныкал, край виноградника был уже вот он, и усталости почти не чувствовалось. Мне казалось, что я люблю их всех.

Я чувствовал себя частицей одного целого, команды, и это, с одной стороны, наполняло меня гордостью, с другой — я становился благороднее, что ли. Смутное, невыразимое для меня ощущение, похожее на их странный диалект, на который потихоньку перешел и я. Когда мы наконец прошли виноградник до конца, то мы еще стояли и болтали там, в конце шпалер, а вокруг валялись срезанные листья, будто клоки волос в парикмахерской.

Помимо всего прочего обсуждалось место для ужина, так что, немного поспорив, все решили, что пусть этим занимаются Кесслерши, и тетки бросились записывать у всех телефоны, чтобы потом обзвонить и сообщить время и место. Я уже держал в голове свой неминуемый отъезд, да и попрощаться с каждым было бы довольно утомительно — тем более целовать, а я весь потный, не, как-то неловко — поэтому я ограничился мужским пожатием рук, ребята, да ну что вы, под внимательными взглядами Джулии.

Может, она боялась, что я передумал, а может, нет, она мастерски скрывала свои мысли. Но нам казалось естественным возвращаться к дому вдвоем, медленными усталыми шагами, шагами людей, еще не осознавших, что работа реально окончена. Солнце быстро клонилось к закату, притягивая взгляды — оранжевый шар на бледном небосводе. Я чертовски устал. Джулия уже было направилась к своей машине, когда я удержал ее за руку.

— Ты разве не хочешь полюбоваться на закат?

— Ой, я вся грязная... Мне бы сейчас только в душ.

— Постой.

— ...

— Постой.

Я взял ее под руку и повел к бассейну, не тому, что выходил прямо на гряды Крете, а к другому, что был расположен пониже. Каменная ограда заканчивалась у склона, который был выложен кирпичом в виде небольших уступов — идеальное место, чтобы посидеть вдвоем. Два здоровенных немца складывали свои шезлонги как раз в момент нашего появления и отшлифовали на нас свое «буонасера» на вымученном итальянском.

Я достал из сумки ай-под, аккуратно выбрал звуковой файл, один наушник передал Джулии, а другой вставил себе в ухо. Наши головы были совсем рядом: через одно ухо доносился вечерний щебет птиц, в другом звучала All about You «Роллингов». Ноги мои дрожали, пот запекся сухой белесой коркой на лбу, но никогда еще у меня не было такого ощущения чистоты.

— Видишь вон ту усадьбу внизу, с каменной оградой?

— Та, что с кипарисами?

— Да, там рядом есть маленькое кладбище. Мне хотелось, чтобы меня именно там похоронили. Либо там, либо в у церкви Святой Анны в Кампрене, недалеко от Кастелло, я еще не решила.

— ...

— Только я не хочу фотографию.

— Почему?

— Фото стареет, а вместе с фото стареет и воспоминание о тебе. А вот имя не стареет. Имя остается. Имя ничем не запачаешь: Джулия Доминичи... Правда, красиво звучит?

— А я к смерти вообще никак не отношусь.

— Наверное, потому что ты не живешь. Ты себя оберегаешь и все, себя со своими масками. Наши родители подарили нам жизнь, а смерть мы должны заслужить... А этого можно добиться, если только не идти в разрез с собственными словами и мыслями. Иначе не победить.

— Что ты такого сегодня положила в сэндвичи?

— Ой, не знаю, боюсь, я нарезки слишком много добавила... Я скучная, да? Но у меня эта история с могилами и фото почему-то никак не идет из головы.

— Когда мы займемся с тобой любовью?

Мое беспардонное нахальство вызвало в глазах Джулии улыбку, однако солнце угасало, и день неотвратно катился к финишу. Времени на учтивости не оставалось. Я не решился предпринимать новую атаку, но мой «дружок» за себя больше не отвечал.

— Я к девяти должна быть в баре, потому что моя сестра хотела пойти на свидание с одним парнем... В общем, у меня, ну...

Я не дал ей договорить, ай-подовский наушник вылетел из ее уха, потому что я уже тащил Джулию вдоль по дорожке через лимонный сад, и там она вдруг уже сама остановила меня и стала искать мои губы.

— Значит, это я ничего не понял, да, Джулия?

— Нет, это я...

— ...что?

— ...не сумела...

— ...

— правильно...

— ...

— все...

— ...

— объяснить...

Мы целовались медленно, а потом все быстрее и быстрее, а потом опять тихонько, а потом просто бешено, прервались на секунду и вновь бросились в набегающую волну. Это был один из тех поцелуев, которые заставляют тебя забыть про время. Которые заставляют тебя забыть даже про секс.

Деликатно, даже не спрашивая, я повел Джулию в свою комнату. Солнце зашло прямо на наших ничего не соображающих глазах. В комнате у меня был вселенский бардак, но нам не было до этого дела. Мы слились, не снимая одежды, страстно и нежно, забыв про запахи, не задумываясь о будущем, позабыв про размовку, которая на краткий миг разъединила нас.

Джулия позволяла вертеть себя, как куклу, но секс с ней наминал больше танец, нежели соитие. Я открыл самую нежную часть своей души, доселе мне неведомую, зачем же я ее все время прятал, зачем давил? Джулия получала наслаждение, как ребенок, который дорвался до мороженого, с одним только вкусом,

зато вволю. Мне снова и снова хотелось слышать, как ее стоны переходят в прерывистое дыхание, чувствовать ее ногти на моем плече, ладонь на моем лице.

Потом я поднял ее на руки и отнес, как была, полураздетую, в ванную комнату. Джулия беспомощно и счастливо болтала ногами, а я, невзирая на протесты, уложил ее в ванну. Вода моментально потемнела от грязи, а потом еще и погелубела из-за ее футболки. Я раздел ее догола, я стаскивал с нее мокрую одежду, и это были одни из лучших минут в моей жизни. А потом я намыливал ее тело, и это развлечение дорого мне обошлось, потому что Джулия обрушила меня самого в воду, а вместе со мной и все мои кредитные карточки.

Потом я надел на нее мои джинсы, в которых она утонула, и рубашку, в которой она тоже утонула — инициалы тоже утонули — я просто ташился, видя, как девушка буквально пропала в комке из моих шмоток. Джулия кинула беглый взгляд на свои Swatch, и я не осмелился больше произнести ни слова, впрочем, я совершенно не знал, что ей сказать. Я даже не сумел признаться, как мне было с ней хорошо и что я с удовольствием побыл бы с ней еще немного.

Без лишних разговоров я подвез Джулию до бара. Из-за опасения все тех же злобных взглядов она вышла из машины и пошла, даже не посмотрев в мою сторону, будто путана.

40

Крепкая дружба — это всегда недополученная любовь, хотя кто-то, может, так и не считает.

Вот что пришло мне в голову, пока я смотрел на безмятежно спящего возле меня Рикардо. Дыхание его было ровное, и казалось, что он улыбается даже во сне, пытаюсь вселить безмятежность и в меня. У него это получилось превосходно. Получается, что он тоже оказался каким-то образом привязан ко мне, что он по-своему любил меня, а я так ничего и не сделал для него. Потому что это был я.

Я всегда считал себя от кого-то зависимым, потому что ощущал свою слабость и неприспособленность, но вот сегодня ночью я пришел к противоположному мнению о себе, и это принесло облегчение.

После страстного секса с Джулией провести ночь в камере Грандуки было бы для меня невыносимо, мне требовалась компания, и я постучался в комнату к Рикардо.

Рикардо сидел за бутылкой Висанего и слушал *Te tomare' una foto*, и я решил свой последний вечер в Колле провести в его компании. В комнате не было жарко, зато у нас было темное пиво — это все оно, кощунственно, по-сектантски вновь погнало горячку по моим жилам. Мы болтали про все на свете, в основном про наши семьи, но только не про мои безумные романы, хотя Рикардо был в курсе. Он говорил, что в мире есть только один народ, который может соперничать по темпераменту кубинцам: это неаполитанцы. Потом поинтересовался у меня относительно моих отношений с кокой, эта тема его явно беспокоила, ему необходимо было составить для себя ясное представление, так он выразился. Я же со своей стороны хранил молчание, ибо нечего мне было сказать, мне оставалось лишь констатировать эту беду, которую даже любовь, боюсь, не сможет пересилить. «Тебе бы надо в наркологический центр обратиться», — тихо сказал Рикардо, но я сделал вид, что не расслышал.

На самом деле я и сам не знал, достанет ли у меня когда-нибудь сил завязать, хватит ли мне вообще мужества. Мне сейчас опять предстояло общаться со своей мамой, которая обязательно впадет в депрессию. Потом мне придется сменить друзей, потому что кроме как о кайфе поговорить с ними больше не о чем. Мой брат будет крайне разочарован, потому что только кокс реально держал нас вместе. Но были ли мы с ним близкими?

Мне оставалось разве что уцепиться за Аниту, но я бы и ее утащил на дно. Если я сумел продержаться двадцать дней на плантациях, то, наверное, и клинику где-нибудь в Аризоне перенес бы без труда. Может быть. Не найдя ничего в холодильнике, мы с Рикардо отправились завтракать к Мене на кухню, которая быстренько сварганила нам закусок. Донна Лавиния ускакала в Монтальчино, потому что в цеху лопнула труба, и там затопило половину подвала, так что попрощаться с ней у меня не полу-

чилось. Может, пожалуй, и к лучшему, расставания всегда приводили меня в неловкость. Несколько раз, когда мне не хотелось ни с кем прощаться, я приходил в такое замешательство, что людям казалось, будто мне вообще все по фигу.

Когда я протянул Мене на прощание руку, у нее на глаза навернулись слезы, поэтому я растаял и два раза неловко поцеловал ее, добавив, что ее виноградный пирог — это что-то. Мена, правда, поняла так, что мне помимо виноградного пирога захотелось покушать еще что-то. Ладно, Бог с ней, обычные трудности перевода.

Рикардо помог мне собрать то, что когда-то называлось Louis Vuitton. Парень складывал одежду как-то по-особому, а я так вообще никогда ничего не умел складывать, короче, каждый собирал вещи на свой манер, я пытался подражать Рикардо и немало позабавился при этом. Наши физические действия, казалось, восполняют недостаток слов, хотя все самое важное мы уже высказали друг другу ночью, слова эти труднопереводимы и не поддаются интерпретации.

Я покинул свою комнату быстро и решительно, не имея желания похныкать, как это принято у постромантиков перед отбытием домой в конце путешествия. Но при всей моей ненависти к церемониям я все же не мог не спуститься к винному цеху и не сказать пару слов Виттории, поэтому я попросил Рикардо проводить меня, не посвящая его, впрочем, ни в какие подробности.

Витторию мы увидели в одном из чанов, из которого сливалось вино: вернее, мы увидели только ее желтые сапоги, которые торчали из проема. Время от времени на свет божий появлялось лицо Виттории, чтобы глотнуть кислорода. Увидев меня, Виттория резко сменила выражение лица, однако сумела сдержать гнев, выстроив завесу молчания.

Я пришел в замешательство, я решительно не знал, что говорить, тем более женщине, которая вилами выгребает из контейнера раздавленные виноградины и прочую шелуху, к такому я не был готов. Поняв, за чем я пришел, Виттория приостановила работу и вылезла из металлической бочки наружу.

Я собрался с духом и произнес фразу, которая мне показалась наиболее дружелюбной:

— Ты приедешь ко мне в гости в Милан?

— Это что, ты так извиняешься?

— Да, так. Извини меня. Если хочешь, повторю еще раз.

Лицо Виттории помрачнело, но выражение гнева на нем теперь уступило разочарованию, как у человека, который готов был сказать тебе очень многое, да вот только ситуация не сложилась, ведь, как известно, самые сокровенные вещи люди доверяют не близким друзьям, а случайным попутчикам. Виттории удавалось общаться со мной только через вино, хотя я ее и не всегда внимательно слушал, а в конце концов взял да и все испортил своей мальчишеской выходкой.

— Не уверена, что готова принять твои извинения, но ценю, что ты пришел сказать мне все это. Ты меня удивил.

Рикардо инстинктивно почувствовал себя лишним при этом разговоре и отошел на несколько шагов.

— Если ты когда-нибудь меня простишь, ты будешь самым дорогим гостем в моем доме.

— Благодарю тебя.

— И еще я хотел просить вас об одолжении.

— Что тебе еще надо?

— Покажите мне еще раз *setenta complicada*.

На ее лице отразился гнев пополам с беззащитным удивлением.

— Что, прямо сейчас?

Два раза повторять не пришлось, Рикардо подбежал, напевая *Seduce me*, я принялся отбивать ладонями ритм, и эта веселая парочка в грязной спецодежде безукоризненно исполнила танцевальные па для единственного зрителя — для меня. Как только они завершили танец в эффектной каске, я бросился к ним и поцеловал каждого, как целуют детей, а потом со всех ног, насколько позволяли мои тяжелые ботинки, побежал к своей машине.

Я ни на что больше не смотрел — ни на церковь, ни на бассейн, ни на гряду Крете. Уезжать, мне пора уезжать.

Я уже стартовал, подняв тучу пыли, и тут услышал, как Рикардо громко орет мое имя. Я резко затормозил и увидел, как он несется ко мне. В руке у него была бутылка *Cenerentola*.

— Пей и не забывай о нас. Приезжай к нам, *amigo*.

Я ничего не сказал ему в ответ только потому, что был бесконечно счастлив.

Мне нужно было сделать еще одну остановку перед тем, как оставить все за плечами и вернуться к своей повседневности, ordinary life. Моя мать ожидала меня к ужину — «иначе я лишу тебя наследства», так она и заявила, — а я сейчас уже понимал, что опаздываю. Я начал, как и в прошлый раз, нарезать круги вокруг поселка, блин, отличная трасса для картингов, и наконец остановился у небольшого ресторанчика «Конте Матто», как и в день приезда. Хозяин радушно вышел мне навстречу, однако было уже поздно, кухня закрылась.

— Вы не могли бы приготовить мне пару сэндвичей с собой?

— Знаете, сэндвичей мы здесь не делаем, но если синьор желает, мы можем приготовить салатиков и что-нибудь из закусок, и положим вам все это в лоточки.

— Офигеть.

— Простите?

— Да, конечно, я говорю, о'кей.

За пару минут мне собрали в лоточки сухарики, ломтики колбасы, рулетики из баклажанов и перетертые с укропом помидоры. Я помахал на прощание рукой и рванул к бару на площади. Я не был уверен, что Джулия сейчас в баре, хотя нет, где же ей еще быть, она должна быть там. Мне необходимо увидеть ее, опять встретить ее улыбку, убедиться, что я люблю и хочу ее, и что она меня так же любит.

Так и есть, Джулия была в баре. Джинсы она передела, но рубашка на ней была моя, хотя она и связала ее узлом на поясе, чтобы скрыть инициалы. Она была просто очаровательна. К сожалению, бар был переполнен (то есть там сидело целых пять человек), а Джулия стояла за стойкой с одной из сестер.

— Прежде чем уехать, я решил на этот раз сам принести тебе покушать...

— О! Спасибо, Леон, не ожидала... Ну, наверное, да.

— ...

— И знаешь, я тебе тут такую штуку купила, хотя и не была уверена, что мы увидимся.

Я бесцеремонно разорвал пакет прямо на глазах любопытных посетителей и вытащил тридцать шестой номер «Человека-Паука», посвященный его похождениям на фоне башен-близнецов. Этот выпуск уже много лет страшная редкость!

— Вот это да... Откуда это у тебя?

— Если тебе нравится Кларк Кент* , то зажигалка с изображением Человека-Паука тебе как-то не в жилу... Вот я и пошла в киоск, поискать что-нибудь подходящее, они там покопались в закромах и нашли вот это... Я решила, что тебе это понравится.

— ...

— Что такое, Леон?

— Я недавно купил этот выпуск на e-Bay**. Слушай, можешь сделать мне одолжение?

— Конечно.

— Прочитай мне последнюю фразу.

На глазах у изумленных сельских выпивох Джулия прочитала мне слова, которые в тот момент придали мне неожиданную уверенность.

— «В такие дни, как этот, рождаются герои. Нет, не герои, как мы. А истинные герои двадцать первого века. Это вы, обычные человеческие существа. Вы гораздо благороднее, чем думаете. Вы гораздо сильнее, чем думаете».

Она закрыла комикс, сунула мне его в руку и понеслась готовить два кофе, которые требовала у нее сестра. Глубоко вздохнув, я сделал ей знак, чтобы она не забывала про обед, и подошел к стойке.

— Ну, давай.

У меня не хватило духу сказать Джулии ни да, ни нет. Я еще раз посмотрел на нее, сжал в руке брошюрку и пробормотал «я-скоро-вернусь-Ева». Не знаю, услышала ли она. Я стартовал на своем «жучке» со скоростью звука и унесся прочь, ни разу не посмотрев в зеркало заднего вида.

За все время поездки я ни о чем вообще не думал, я никогда в жизни не испытывал таких эмоций, да к тому же за несколько последних часов я устал больше, чем за двадцать дней погрузки ящиков с виноградом. У меня не было ни желания, ни необходимости предаваться размышлениям, я хотел оставить все в прошлом, хотя это было так прекрасно, что не особо хотелось закан-

* Супер-герой художественного фильма «Тайны Смолвиля», который появился на свет после метеоритного дождя.

** Интернет-аукцион.

чивать такое приключение. Но, увы, моя жизнь была не в Колле и продолжаться там никак не могла.

Пару раз я звонил Аните, так просто, чтобы скрасить поездку в одиночестве. Я использовал самые сладкие выражения, какие только знал, поскольку чувствовал некоторую вину. Я пообещал ей, что мы отправимся в Сан-Мориц на следующее утро, пораньше, и у нас с ней будет целый день, мы, может быть, успеем даже полюбоваться на озеро из окна моего дома.

Анита говорила со мной мурлыкающим голосом, которого так мне не хватало, пока она была с Беттегой, и от этой мысли я еще сильнее нажал педаль газа. Тысячный за этот день звонок моей матери заставил меня сбросить скорость.

— Мама... Да, конечно... В Болонье... Как я докажу тебе, что я действительно в Болонье? Я в Болонье и баста... Я знаю, знаю... Хорошо, но если я уже в машине, зачем тебе заказывать мне такси?... Я понял... Конечно... Мне жаль... Да не смогу я купить тебе Жоу Жана Поту в придорожном гриль-кафе! Мне что теперь, с автострады съезжать? ...Я не повышаю голос... Да нет!.. Мне пошло на пользу... Да при чем тут деревня... ты же тоже любишь прогулки... О'кей, Портофино — это Портофино, но и в Колле тоже неплохо... Нет, куриц там не было... Нет, от меня не воняет хлебом!.. Не беспокойся... Вот как?... Да ну... Это тот, с которого ты сейчас звонишь?... И что изменилось, если у тебя теперь мобильник усыпан рубинами Boucheron? По нему что, лучше слышно?... Это была шутка... Да, конечно, это так шикарно... Разумеется... Да ладно, это не страшно... Подумаешь, что соседке все слышно! Я понял... Да, она снимает у нас квартиру, в крайнем случае выслем ее... Знаю, так не поступают, но если тебе нравится, когда она заводит Челентано, тогда в чем проблема?... Это не вульгарно!.. Не может одно и то же нравиться сразу всем, мама!!! Хорошо, я приеду к ужину... как обещал... Часа через два, может, раньше... Да, меня все устроит... Разумеется, мне будет приятно вновь увидеть Амедео... Ну и Лолу, конечно... Сестренка... Как и Пьера, только мы с Пьером практически одного возраста... Она не должна чувствовать себя в изоляции, ей ведь всего семь с половиной лет!.. Почти восемь... А, она перестала играть с феями «Винкс»?.. Конечно, если не может их найти... Спрятаны... Я понял... В общем, теперь ты довольна... Вот это но-

вость!.. Откуда я знаю, какая погода будет в следующем году в Санкт-Петербурге? Я не повышаю голос... У меня гарнитура плохо работает... Да если б у тебя был Swisscom, наушник все равно бы не работал... Нет, я не рассердился... Я тебе обещаю... Нет-нет, ты чего, сто двадцать максимум... Ну, один раз сто сорок... Хорошо, я тебе обещаю... Жду не дождусь... Целую.

Хоть я и останавливался два раза в закусочных у дороги, на улицу Боргонуово я примчался, когда еще не было восьми. Я встретил всех своих у дверей, с улыбками на лице, но на самом деле никто меня вовсе не встречал: все отправлялись по своим делам.

Мама забыла, что Амедео, оказывается, подарил ей билеты в театр, она лишь успела сказать мне, что я хорошо выгляжу, немного подзагорел, главное, чтобы кожа не облезла. Мой брат шел встречать очередную девушку «иметь», держа в руках шелковый шарфик без упаковки. Лола оставалась дома, но она заперлась в своей комнате и разучивала па из современных танцев. Ламенто, по своему обыкновению, бросился на меня из засады: типа милости просим!

Со мной остались только Хулио и Маризела, и я их обнял, дождавшись, пока все мои уйдут из дома. Маризела призналась, что скучала по мне. Она знала о моем приезде, поэтому наготовила для меня всяких вкусностей, на которые только была способна: стейк по-флорентийски с луком. Я оценил ее старания и сразу понял, что вечерок у меня получился на славу.

Мое поганое настроение не помог улучшить даже подарок Аниты, офигительный раритет: виниловый диск Sticky Fingers «Роллингов», это где на фото джинсов приклеена настоящая застежка-молния. Анита перлась просто от самого факта, что смогла где-то такое надыбать, одного этого было достаточно, чтобы она осталась для меня единственной и незаменимой на вечные времена.

К диску была приложена записка с лаконичным «До завтра», но я прочитал это с убеждением, что Анита чувствовала свою вину после измены с Беттегой.

Неожиданно я почувствовал себя не желанным никому. Зачем куда-то ехать, если никто не ожидает по-настоящему твоего возвращения? Впрочем, возможно, вопрос был неправильно по-

ставлен, или скорее это был один из тех вопросов, которые лучше бы и не задавать, как советовал мне граф. Вообще-то мне было, как говорится, «уехать подано», поскольку в этой поездке я и в самом деле позволил себе неслыханную в моей жизни роскошь. Конечно, я не исцелился, а дела в нашем доме, как обычно, обстояли самым невеселым образом.

Я поискал мою любимую Навана, но нашел только бутылку с остатками портвейна. Я позвонил Дуке насчет дури, но его мобильник был отключен. Дурь, наверное, избавила бы меня от всех этих заморочек, от неожиданного ощущения катастрофы. Вероятно, в этот момент я испытывал лишь одно чувство, но не имел смелости себе самому в том признаться — это чувство называлось ностальгией.

Я провел вечер на террасе в обнимку с бутылкой Cenerentola. Один раз меня побеспокоили, по телефону. Пришло сообщение от Кесслерш, которые собирали бригаду на пищу в призрачное кафе «Сирена» завтра вечером. Я ничего не ответил, просто выключил телефон и просидел так с пустыми глазами в своем кресле бог знает сколько времени, пока наконец не заснул.

Я проснулся от холода, в ушах звучал голос Джулии. Она просила меня рассказывать, что я вижу вокруг, как в тот раз на винограднике. В каком-то странном полусне я начал бормотать, называя поочередно окружающие меня предметы, которые попадали в мое поле зрения. Часть стеклянной кровли. Сухая ветка лимонного куста. Одна из лолиных куколок-фей «Винкс», припрятанных мамой. Банановая кожа. Светильник «либерти», приобретенный на аукционе «Кристи». А еще много-много неба и всего лишь несколько звездочек, остальные погасли.

Так я и смотрел в это небо, без единой мысли в голове, и вдруг был вынужден зажмурить глаза. Я увидел солнечный луч.

Лука Бьянкини
ЗАВТРА БУДЕТ СОЛНЦЕ

Выпускающий редактор Е. Новикова
Редактор И. Бушмелева
Технический редактор С. Камышова
Корректор И. Румянцева
Дизайнер обложки О. Мальцев
Компьютерная верстка Ю. Павловой

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва, а/я 30, «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 25.09.2008.
Формат 84×108/32. Печать офсетная.
Печ. л. 8,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 1012.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, д. 21/1.
Телефон / факс: (812) 495-56-10.

